

Алексей Олейников

ТУРЕЦКИЙ КАПКАН

100 ЛЕТ СПУСТЯ

Annotation

История повторяется. Как и 100 лет назад, на Ближнем Востоке затягивается узел противоречий между крупнейшими мировыми державами, грозящий перерасти в новую мировую войну. Как и 100 лет назад, черноморские проливы, ключи от которых находятся в Турции, становятся центром мировой геополитики. И так же, как и век назад, Турция выступает на стороне противников России. Автор книги доктор исторических наук А. Олейников рассказывает, почему и в Первую мировую войну, и сегодня русско-турецкие отношения стоят в эпицентре мировых событий и чем грозит России «турецкий капкан». Из книги вы узнаете:

- Как Российская империя на протяжении всей своей истории вела борьбу с Турцией за византийское наследство.
- Почему проливы Босфор и Дарданеллы имели стратегическое значение для нашей страны и как они влияли на судьбы России и Европы.
- Что сделали наши «союзники» в Первую мировую войну, чтобы черноморские проливы остались в турецких руках.
- Как новая империя — СССР пыталась вернуть контроль над проливами во время Второй мировой войны.
- Каким образом Турция использовала Крым в борьбе против России.
- Кто сегодня заинтересован в разжигании сирийского конфликта и как «турецкий узел» влияет на контроль за нефтяными месторождениями Ближнего Востока.

Итоги Второй мировой войны под напором Запада уже пересмотрены. Сейчас идет пересмотр итогов Первой мировой. Новый передел мира, новый миропорядок. Не закончится ли всё это ядерным Апокалипсисом?

-
- [Александр Олейников](#)
    - [Введение](#)
    - [Глава 1. Вопрос о Дарданелльской операции Антанты и Россия](#)
    - [Глава 2. Как союзники нам «помогали» — упущенные возможности Дарданелльской операции 19 февраля 1915 г. — 9 января 1916 г.](#)
    - [Глава 3. Борьба за несостоявшихся союзников — судьба Дарданелльской операции и болгарско-греческий вопрос](#)
    - [Глава 4. Плечом к плечу — Россия в Дарданелльской операции](#)

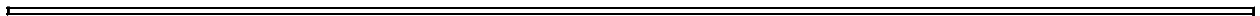
Антанты

- Глава 5. Босфорская экспедиция — взвесим шансы на успех
- Глава 6. Ключи от Босфора в Берлине?.. — Проливы и итоги Второй мировой войны
- Глава 7. Нерв мировой геополитики — Проливы во второй половине XX — начале XXI века
- Заключение

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

Александр Олейников
Турецкий капкан: 100 лет спустя

Введение

Константинополь — православная византийская святыня в руках басурман...

На протяжении всей своей истории Византийская империя, колыбель русского христианства, грудью стояла на пути больших и малых орд и восточных армий, стремившихся захлестнуть Европу. В течение тысячи лет православная империя достойно выполняла свою геостратегическую задачу — и именно под ее прикрытием Европа набирала экономическую, политическую и военную мощь. Когда христианская держава контролировала ключевой геополитический пункт Евразии — проливы ^[1] Босфор и Дарданеллы, — цивилизованный мир мог не беспокоиться о возможности погибнуть под натиском «восточного парового катка».

Но у всего есть свой предел, и когда истощенной империи потребовалась помощь Европы в борьбе с наиболее страшной — турецкой экспансией, Европа практически ничего не сделала для спасения Византии. Более того, Запад фактически предпочел иметь нехристианское государство в зоне Проливов и на Балканах, даже не задумываясь об огромной разрушительной волне, надвигающейся из мусульманского мира. Очень скоро Европе пришлось пожалеть о своей стратегической ошибке и ценой больших территориальных и людских потерь противодействовать турецкому нашествию.

Уже в конце XV в. почти весь Балканский полуостров был в руках турок, уничтоживших не только Византийскую империю, но и славянские государства Балканского полуострова. В XVI–XVII вв. турки-османы угрожали Италии, Венгрии, Австрии и Германии. В эту эпоху их удар приняла на себя, наряду с балканскими государствами, частично амортизовавшими первый магометанский натиск, империя Габсбургов. Историческое значение этой династии в том, что она и ее государство в течение 300 лет стояли на пути турецкой угрозы, не пустив захватчиков в Центральную Европу.

Но Проливы стали турецкими, и так распорядилась история, что ключевой геополитический пункт Евразии, замок против мусульманской угрозы для Европы, оказался в руках носителей этой угрозы.

Последствия достаточно печальны — и сейчас мы являемся очевидцами очередной попытки мусульманского завоевания Европы. «Сирийское нашествие» на Европу не в последнюю очередь

осуществляется через Турцию. До 4 тыс. боевиков Исламского государства, под видом беженцев очутившихся в Европе, из Сирии проходят через турецкую границу, а затем вливаются в поток нелегальных мигрантов, направляющихся в Европу. Причем турецкие организаторы такой миграции и не скрывают, что помогают пробраться в Европу не только беженцам, но и экстремистам.

Ключевое значение в мировой политике и стратегии имеет вопрос: проливы Босфор и Дарданеллы кем контролируются, кто имеет возможность влиять на их режим? Конечно, в первую очередь на режим Проливов пытались влиять соседние, так называемые черноморские государства, а также великие державы, формирующие европейскую политику.

Уже русско-византийские договоры 907–971 гг. значительное внимание уделили свободе мореплавания и режиму прохода русских судов через (тогда еще византийские) Проливы.

Но после разгрома Византии и захвата Турцией в конце XV — начале XVI в. Валахии и Молдавии Черное море было окончательно отрезано от мировых торговых путей, а русская торговля (а во многом и европейская торговля на Черном море) на юге практически сведена на нет.

К этому времени черноморский бассейн фактически являлся турецким морем. Акватория Черного моря целиком входила в состав Османской империи, которая полностью контролировала проход судов из Средиземного моря в Черное и обратно — по проливу Дарданеллы, Мраморному морю и проливу Босфор. Стоявший на Босфоре Константинополь был превращен османами в свою столицу под наименованием Стамбул^[2].

Используя преимущества географического и стратегического положения, доставшиеся ей от Византии, Турция стремилась играть роль посредника в торговле между Европой и Азией, выдавая тем или иным государствам временные разрешения (фирманы) на право торговли с черноморскими территориями. Проливы служили прекрасной базой для турецкого военного флота, который, разбойничая в открытом море, в случае необходимости мог укрываться от противника за береговыми укреплениями. Такая ситуация сохранялась в течение XVI–XVII столетий.

Именно Россия была признанным лидером в вопросе установления правового статуса Турецких Проливов. Процесс закрепления их режима прошел несколько этапов. Первоначально статус Проливов был определен в рамках двусторонних русско-турецких отношений (XVIII в. — 1840–1841 гг.).

Главным достижением этого этапа стало закрепление свободы коммерческого судоходства через Проливы — не только для России, но и для государств — коммерческих партнеров. В период действия русско-турецких союзов 1799, 1805 и 1833 гг. решался и вопрос о проходе через Проливы русских военных кораблей или закрытии Проливов для флотов враждебных России держав.

На втором этапе (1841 гг. — до Первой мировой войны) статусу Проливов был придан международный характер, возобладали принципы, согласно которым они открывались для торговли всех стран и закрывались для военного судоходства (причем черноморские государства не получили каких-либо преимуществ по сравнению с остальными западными державами).

Борьба России в конце XIX — начале XX в. за пересмотр статуса Проливов в пользу черноморских государств не принесла осязаемых результатов.

Первая мировая война с участием в ней Турции радикально изменила ситуацию этого геополитического узла — сначала в пользу держав германского блока, а затем победившей Антанты.

Победители постарались навязать дискриминационный для Турции и всех черноморских государств так называемый Севрский режим, в соответствии с которым была осуществлена нейтрализация Проливов под контролем держав Антанты.

После кемалистской революции в Турции усилиями черноморских государств удалось отменить Севрский договор 1920 г. (хотя новая Лозаннская конвенция недостаточно учитывала интересы СССР), а в дальнейшем добиться и существенного улучшения статуса Проливов.

Конвенция, принятая в Монте в 1936 г. и восстановившая суверенитет Турции над Проливами, впервые признала особые права черноморских государств в сфере военного судоходства. Возросла роль обновленной Турции как гаранта статуса Проливов. Но справиться с этой задачей Турция в должной мере не смогла, что показал опыт Второй мировой войны.

Последовавшее в послевоенный период противостояние великих держав, сформировавших мощные военно-политические блоки в годы холодной войны, не позволило добиться существенного прогресса в определении статуса Проливов, которые стали контролироваться государством — членом НАТО, а развал СССР привел к резкому ухудшению ситуации для современной России и некоторых других стран.

В настоящее время правовой режим Проливов продолжает регулироваться Конвенцией Монте 1936 г. В соответствии со ст.

2 Конвенции торговые суда любых государств в любое время суток могут беспрепятственно проходить через Босфор и Дарданеллы — и только в том случае, если Турция находится в состоянии войны, она должна пропускать лишь гражданские суда дружественных и нейтральных стран, причем ночью и по специальному фарватеру.

Если в мирное время Турция обязана пропускать через Проливы военные корабли малого и среднего классов всех государств, то черноморские государства (сейчас в эту категорию входят Турция, Румыния, Болгария, Россия, Украина, Грузия) могут проводить через Проливы военные корабли любого класса, но в одиночку или с минимальным эскортом (не более двух миноносцев).

Увидеть в Проливах эскадру после событий 1915 г. турки больше не хотели.

Но, как гласят положения этого международного документа, если Турция находится в состоянии войны или «под угрозой военной опасности», то вопрос о допуске военных кораблей в Проливы относится к прерогативе турецкого правительства; причем если война официально не объявлена, то Турция обязана пропустить иностранные корабли в том случае, если они отрезаны от своих баз. Намерение закрыть Проливы Турция должна согласовать с наднациональными органами (Лигой Наций, а ныне — ООН).

Как и сто лет назад, Турецкие Проливы — центр мировой геополитики. В частности, сейчас это кратчайший стратегический маршрут для кораблей ВМС России в Сирию. По данному маршруту осуществляются переброски из Крыма на десантных кораблях морской пехоты и военной техники РФ. Уже в конце сентября 2015 г. присутствовала регулярная система грузоперевозок между Новороссийском и Сирией через Босфор и Дарданеллы (так называемый «сирийский экспресс»).

За три последних года было зафиксировано более 300 проходов российских кораблей через Проливы в обе стороны. В походах участвовали более 50 различных кораблей всех военных флотов России, в том числе как минимум 14 больших десантных кораблей, причем удельный вес последних составил более 70 % (229 из 303 проходов).

Стандартный маршрут российского большого десантного корабля (в черноморском варианте): Севастополь — Новороссийск — Босфор — Дарданеллы — Латакия (или Тартус). Стандартно поход из Новороссийска в одну сторону длится около четырех суток (1512 морских миль). Зачастую большие десантные корабли ходят парами.

Но резкое ухудшение российско-турецких отношений после 24 ноября 2015 г. ставит под вопрос поставки российского вооружения и переброску военнослужащих через Проливы. Фактически это оставляет доступными значительно более длительный морской маршрут через Гибралтар (13–14 дней) или более дорогой воздушный маршрут.

С правовой точки зрения у Турции нет оснований препятствовать проходу судов с российскими грузами, в том числе военными. Но 30 ноября Турция заставляла российские суда часами ждать у входа в Босфор, в результате у пролива их скопилось несколько десятков.

Когда большой десантный корабль российского ВМФ «Цезарь Куников» прошел пролив Дарданеллы, его сопровождал катер турецкой береговой охраны. Транспорт ВМФ России «Яуза» был встречен турецкой подводной лодкой.

Наконец, 4 декабря появился снимок, на котором на борту «Цезаря Куникова» во время прохождения им пролива Босфор виден российский боец с переносным зенитно-ракетным комплексом. В то время как турецкая сторона посчитала этот инцидент провокацией, в российском МИДе действия моряков назвали «осуществлением законного права любого экипажа» по защите корабля.

Таким образом, турецкие власти начали препятствовать проходу военных транспортов российского ВМФ, следующих через Босфор и Дарданеллы в Сирию. В то же время суда остальных стран следуют через Проливы беспрепятственно. Это неудивительно: Проливами владеет страна — член НАТО, а значит, заинтересованная при решении тех или иных политических вопросов держава. И она пытается препятствовать державе, имеющей статус черноморской, в осуществлении своих законных прав.

Поэтому закономерно вековое внимание России к статусу Босфора и Дарданелл. Турецкие Проливы — это и русский пункт стратегического назначения, и вопрос об отношениях с Турцией и судьбе Проливов всегда имел и имеет сейчас фундаментальное значение для отечественной внешней политики и экономики.

Мы видим, что в XXI в. России приходится уделять пристальное внимание вопросу беспрепятственного прохода ее кораблей и судов через Босфор и Дарданеллы, которые исторически должны были принадлежать нашему государству как преемнику Византийской империи и победителю почти во всех русско-турецких войнах. По итогам некоторых из этих войн ставился вопрос о принадлежности Константинополя (Стамбула) и Проливов. Последний раз — сто лет назад, в годы Первой мировой войны.

Так изначально повелось, что важнейшей экономической и

транспортной артерией Древней Руси был великий водный путь «из варяг в греки», связывавший Балтийское и Черное моря. А в 626 г. впервые встал вопрос о проходе славянских ладей через Дарданеллы и Босфор — и византийские источники упоминают о появлении их у стен древнего Константинополя.

Исторически Москва — Третий Рим, а связи с Византией (экономические, политические, династические и военные) всегда были приоритетными для русской внешней политики. Восприятие Москвы как мирового центра православия, а России как преемницы Византии накладывало на наше государство обязательства бороться за византийское наследство.

Падение Орды в конце XV в. и присоединение к России Казани и Астрахани в 1550-х гг. создали на восточных рубежах нашего Отечества новый вектор внешней политики. Уже к концу XVI в. московский царь пользовался неограниченным доверием своих единоверцев на Балканском полуострове — болгар, сербов и греков, а в эпоху императрицы Екатерины Великой по итогам Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. (в который были включены статьи, касающиеся облегчения положения христианских народов Балкан) Турция признала за Россией статус покровительницы и защитницы прав славян, проживающих на территории Османской империи.

Петр Великий был последовательным и энергичным борцом с турками. Император мечтал не только о создании могучего русского флота на Черном море, но и об изгнании турок из Европы. И во время своего заграничного путешествия Петр усиленно старался создать антиосманскую коалицию. Азовские, Прутский и Персидский походы были подчинены антитурецкому вектору его внешней политики. Причем и выход петровских войск к Каспию вызвал тревогу в Турции, увидевшей в этом событии угрозу своей территории.

Екатерина II, как и Петр Великий, мечтала об уничтожении империи османов и об изгнании турок с территории Европы. Был разработан и план наступления на Константинополь. 11 ноября 1770 г. генерал-адъютант граф Г. Г. Орлов предлагал нанести удар по турецкой столице с севера — через Дунай и Болгарию, а также со стороны моря. План не был реализован, но по итогам перемирия первой русско-турецкой войны в эпоху Екатерины кораблям Турции и ее вассалам запрещалось плавание через Дарданеллы. В Проливы могли проходить только торговые суда нейтральных стран и курьерские корабли.

В эпоху этой великой императрицы был составлен «Греческий

проект».

В соответствии с ним предполагалось возрождение Византийской державы во главе с внуком императрицы великим князем Константином Павловичем (названным в честь императора — основателя Константинополя). Планировался раздел территории Османской империи между Российской и Священной Римской империями, а также Венецианской республикой. Причем конфиденциальное письмо самодержицы Всероссийской императору Священной Римской империи Иосифу II от 10 сентября 1782 г. начиналось с сетований на то, что турки препятствуют проходу российских судов через Босфор и Дарданеллы, а также подстрекают жителей Крыма к восстанию.

По этому проекту планировалось создание буферного государства на Балканах (в его состав включались Молдавия, Валахия и Бессарабия) с монархом-христианином во главе — это был прообраз будущей Румынии. Парадоксально, но установления российской гегемонии в Восточном Средиземноморье христианские государства Западной Европы боялись больше, чем турецкой опасности. Противодействие российским планам Англии и Франции и поддержка ими крупнейшей мусульманской державы, притеснявшей христиан на Балканах, не позволили реализовать этот многообещающий геополитический проект. Аналогичным образом англо-французские «союзники» будут препятствовать и реализации босфорских планов России в годы Первой мировой войны, саботируя собственную — Дарданелльскую — операцию.

Начиная с этой эпохи и вплоть до Первой мировой войны сердцевиной восточного вопроса были англо-русские противоречия, зачастую принимавшие характер открытого соперничества и даже конфронтации. Красной нитью они прошли через века, отчетливо проявившись, как увидим ниже, даже в годы Первой мировой войны, когда Россия и Англия, казалось бы, «сидели в одном окопе».

Если Россия претендовала на византийское наследство в составе Оттоманской империи, то в Лондоне предпочитали сохранять не только Турцию, но и ее балканские владения. Британский министр иностранных дел в 1812–1822 гг. Р. Каслри заметил: «Сколь бы варварской ни была Турция, она в системе Европы составляет необходимое зло»^[3].

Во многом этим постулатом в Европе продолжают руководствоваться до сих пор.

Показательно, что при миролюбивом по отношению к Турции императоре Александре I, говорившем: «Мои намерения в отношении Порты истинно миролюбивы — и они останутся таковыми, пока у нее

будет желание или возможность по собственной воле поддерживать добрососедские и истинно дружеские отношения с Россией»^[4], Турция была настроена достаточно агрессивно. Условия Бухарестского мирного договора 1812 г. она систематически саботировала, торговые интересы России нарушала, автономные права Сербии (в нем предусмотренные) не признавала, а на престолы Дунайских княжеств, Молдавии и Валахии посадила своих ставленников, грабивших эти страны. Более того, Турция (к этому времени уже ставшая «больным человеком Европы») потребовала у России (державы-победительницы и гегемона Европы!) пересмотра Бухарестского договора, что показалось неприличным даже Англии.

Император Николай I так же, как и Екатерина Великая, мечтал ликвидировать Оттоманскую империю. В тактических целях он иногда выступал не только врагом, но и союзником турок (например, в 1833 г. во время противостояния султану восставшего против него египетского паши Мехмеда-Али). Это было вызвано прежде всего попыткой урегулировать стратегический вопрос о статусе Проливов. И по Ункяр-Искелесийскому договору Россия обещала оказывать военную и морскую помощь Турции, а та, в свою очередь, в соответствующем случае обязывалась закрыть Дарданелльский пролив для иностранных военных кораблей третьих стран. Причем этот договор также вызвал активное противодействие со стороны западных государств (прежде всего Англии и Франции), в результате чего России пришлось разделить покровительство над Турцией с другими державами (Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг.).

Император Александр II почти достиг заветной цели российской внешней политики — Константинополя. Он мог решить восточный вопрос в 1878 г., но вновь позиция Англии (угроза войны) и британский флот в Проливах (уже с лета 1877 г. часть британской средиземноморской эскадры находилась в Безикской бухте у входа в Дарданеллы, был подготовлен и десантный отряд) помешали русскому солдату войти в Константинополь. Британский премьер-министр Б. Дизраэли так цинично обрисовывал британские мотивы: «Командная позиция в Персидском заливе превратится в большую нашу цель, в случае если Порта потеряет Армению... Если это поддержать посылкой британского флота на Босфор и высадкой десанта на полуострове Галлиполи... то, я думаю, Оттоманская империя выживет, хоть и перестанет быть державой первого ранга, крепкой и независимой»^[5].

Для России начала XX в. вопрос о Проливах — не только вопрос религиозно-политический, но и экономический. 50 % всего русского экспорта проходило через Босфор и Дарданеллы, а также 90 % русского

зерна. Стратегическое значение Проливов было связано и с развитием флота — существовавший режим не позволял России в случае необходимости перебрасывать корабли из одного моря на другое.

Во время Первой мировой войны контроль над Проливами — это и главная возможность военно-технического сотрудничества с союзниками по Антанте, а значит, обстоятельство, значительно повышающее боевую упругость русской военной машины.

Недаром после вступления Турции в войну на стороне германского блока Россия стала восприниматься как дом с заколоченными окнами и дверями — лишь через трубу (труба — это Владивосток и Мурманск с Архангельском) поддерживалась в нем связь с внешним миром. Вступление Турции в войну автоматически поставило Россию (крайне заинтересованную в вопросах военно-технического сотрудничества с союзниками) в условия блокады — более тяжелой, чем английская блокада Германии.

Ни в актах русско-французского военного союза, первоначально направленного как против германского блока, так и против Англии, ни в актах англо-русского соглашения 1907 г., ни в последующих заявлениях английского и французского правительств по ближневосточному вопросу 1908 г. и позднейших годов не содержалось четкого ответа на насущный для России вопрос о Проливах.

Надежда на благоприятное решение вопроса о Проливах появилась у России в период проведения Дарданелльской операции Антанты, когда британское правительство памятной запиской своего посольства в Петрограде от 12 марта^[6] 1915 г. признало притязания России на Проливы и Константинополь — при условии, что война будет доведена до успешного завершения и «будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Османской империи, так и в других местах». Министру иностранных дел России С. Д. Сазонову был вручен документ, в котором подчеркивалась ценность «уступки», сделанной Англией своей исторической сопернице, которая получает главный приз войны. Посол Англии в России Д. Бьюкенен подчеркивал, что «прочная дружба между Россией и Великобританией будет обеспечена, как только будет достигнуто предположенное соглашение»^[7].

16 апреля 1915 г. удалось получить согласие на присоединение к Российской империи Константинополя и Проливов на оговоренных в британской памятной записке условиях и от Франции.

Взамен Константинополя и Проливов императорское правительство

давало своим союзникам согласие на любые компенсации в Турции, то есть был поставлен вопрос о разделе Османской империи.

Таким образом, после присоединения Турции к германскому блоку сложилась уникальная ситуация, когда впервые за 200 лет дипломатической борьбы раскололся единый фронт европейских государств, обычно формирующийся против России и направленный против усиления ее позиций на Балканах и Ближнем Востоке. К сожалению, ход военных действий и революция в России не позволили реализовать эту возможность.

Как уже отмечалось, важнейший геополитический пункт Евразии контролирует держава, некогда претендовавшая на мессианскую роль установления мирового халифата и де-факто поддерживающая силу (ИГИЛ), стремящуюся к установлению модифицированной версии халифата в наши дни.

Причем этот геополитический пункт контролирует достаточно агрессивная мусульманская держава — до сих пор в основе турецкой внутренней и внешней политики лежат доктрины панисламизма и пантюркизма.

Доктрина панисламизма в XIX в. провозгласила султана-халифа главой всех мусульман мира. Идеологи панисламизма аль-Афгани и М. Абдо, заложившие основы этой доктрины, ориентировались на султана Абдул-Гамида, а аль-Афгани даже провел последние годы своей жизни (1892–1897) в Константинополе. Причем если в представлении идеологов этой доктрины панисламизм представлял собой движение, ставившее своей целью приспособить мир ислама к существованию в новых исторических условиях и противопоставить мусульманское единство натиску европейского колониализма, то турецкий султан воспринял суть доктрины иначе, видя в панисламизме средство укрепления собственной власти в империи и продвижения этой власти за ее пределы.

Абдул-Гамид не был рьяным мусульманином-панисламитом и прекрасно понимал зависимость своей империи от западных держав, что во многом сдерживало его глобалистские устремления. Например, еще в 1875 г. впервые был поставлен вопрос о невозможности выплаты Турцией внешних долгов, а в 1879 г. империя официально объявила себя банкротом — в результате в 1881 г. было создано интернациональное Управление османского долга, под контроль которого поступали доходы от турецких государственных монополий на табак, соль, спирт, а также ряд налогов. Вначале в Управлении преобладали англичане и французы, но с конца XIX в., особенно после приобретения железнодорожной концессии и

начала строительства багдадской железной дороги, ключевая роль перешла к немцам. В это же время германские офицеры приступили к реорганизации турецкой армии.

Да и европеизация Турции, несмотря на сопротивление панисламистов, постепенно делала свое дело.

После прихода к власти в 1909 г. правительства младотурок был проведен ряд реформ и начались гонения на нетурецкие народы под лозунгами панисламизма и пантюркизма. Именно пантюркизм стал одним из ключевых элементов идеологии младотурок.

Младотурки начали широко пропагандировать шовинистическую теорию о принадлежности турок к «чистокровной», «высшей» расе. В 1908–1913 гг. русскую Среднюю Азию буквально наводнили пантюркистские агенты, действовавшие под видом путешественников, купцов, дервишей. Они пытались установить связи с антирусскими силами и подготовить их для служения идеям пантюркизма и панисламизма.

Накануне Первой мировой войны младотурки выдвинули лозунг о подчинении всех тюркоязычных народов Турции и о захвате Кавказа. Исходя из этой концепции, огромные территории на Кавказе, в Средней Азии и Иране предполагалось присоединить к Османской империи. Младотурки мечтали о том, чтобы достичь Алтая, утверждая, что власть Турции должна распространяться до места рождения прародителя ее народа — Эртогрула.

В 1911 г. пантюркистский съезд в Салониках принял решение, в соответствии с которым следовало превратить Турцию в исключительно исламскую страну, осуществить османизацию всех турецких подданных, лишить другие народы, проживающие в Турции, прав на создание каких-либо организаций, возможности пользоваться родным языком, повсеместно внедрив турецкий язык.

Пантюркисты группировались вокруг организации «Тюрк оджагы» и ее печатного органа — журнала «Тюрк юрду» («Турецкая родина»). Редактором журнала был Юсуф Акчура, который в своих статьях «доказывал» существование «единой нации всех тюркоязычных народов, от Китая до Дуная». По его мнению, эти народы должны быть объединены в «Великое тюркское государство» под верховенством Турции.

Теоретики-пантюркисты предлагали осуществить формирование «Великого Турана» огнем и мечом. Для реализации этой задачи были разработаны программа-минимум и программа-максимум. На первом этапе турки должны были завоевать «Малый (Новый) Туран» (в границах от Байкала до Константинополя и от Монголии до Казани), на втором —

образовать «Великий Туран» (от японских вод до Скандинавских гор и от Ледовитого океана до Тибетского плато). Это должно было повлечь за собой эпоху невиданных войн и походов — эру «новой чингизиады».

Происходило взаимодействие доктрин. Так, теоретик панисламизма Джелал Нури в своем труде «Единение ислама» указывал на единство целей и задач панисламистов и пантюркистов. Он пытался доказать, что османские турки являются господствующей расой мусульманского мира. Намекая на «особые способности» османских турок, теоретик считал нормальным, что все остальные тюркоязычные народы должны полностью покориться их воле. Проводя параллели, он считал, что если арабский является языком мусульманской религии, то турецкий должен стать официальным гражданским языком всех мусульман.

Но после поражения в Первой мировой войне Турцию ждала кемалистская революция. Она была связана с именем героя боев в Галлиполи Мустафой Кемалем. Сын таможенного чиновника Мустафа Кемаль окончил офицерскую школу в Монастыре, а затем константинопольскую военную академию, после выпуска из которой был направлен поручиком в армию. Еще во время нахождения в стенах военной академии Кемаль познакомился со знаменитым запрещенным произведением «Уотан» («Отечество»). По приказу султана Абдул-Гамида каждая копия «Уотана», найденная у кого-либо, немедленно сжигалась, собственник ее арестовывался и высылался из Константинополя. Знакомство с «Уотаном» сделало Мустафу Кемаль непримиримым врагом Абдул-Гамида. Но не успел Мустафа Кемаль стать офицером, как был арестован за принадлежность к тайному «Обществу Свободы» и после допроса и трехмесячного одиночного заключения выслан в кавалерийский полк в г. Дамаск. Здесь молодой офицер, усвоивший теорию и практику революционной работы, ушел с головой в организацию местных отделений «Общества Свободы». В Сирии Мустафа Кемаль оставался до тех пор, пока смена военного министра в Константинополе не дала возможность получить перевод в Салоники, в штаб 3-й армии. Вернувшись в Салоники, он объединяет «Общество Свободы» с «Обществом Прогресса». Новая организация была названа «Комитет единения и прогресса».

В младотурецкий период истории Турции, в годы владычества Энвер-паши, Кемаль, бросив политику, вел жизнь обыкновенного армейского офицера. В 1911 г. Энвер отправил его в Триполи — командовать иррегулярными туземными частями в войне против Италии.

Когда в 1914 г. Энвер, присоединившись к Германии, поставил на карту само существование Турции, Кемаль бросил свой пост военного

атташе в Софии, на который был назначен в 1913 г., и вернулся в Константинополь. Энвер дал ему под командование 19-ю пехотную дивизию и послал в Дарданеллы. Выдающиеся военные способности и неизменное, вскоре вошедшее в пословицу боевое счастье принесли Кемалю пост командующего всеми турецко-германскими силами на Галлиполийском полуострове, а отражение наступления британцев у Анафарты явилось самым блестящим эпизодом его военной карьеры.

Кемаль был отправлен на Русский фронт — командующим 2-й армией. И здесь в 1916 г. войска будущего Ататюрка были разбиты частями доблестной Кавказской армии — в Битлисском, Эрзинджанском и Огнотском сражениях.

В дальнейшем Кемаль в свите наследника султана ездил в Германию и Австро-Венгрию, а в конце войны молодому генералу было поручено командование ильдеримской группой войск (4-я, 7-я и 8-я армии) на палестинском фронте.

Греческая оккупация Смирны 15 мая 1919 г. привела к борьбе турецких партизан с греческой армией, но после присоединения к партизанам регулярных частей и вступления в командование турецкой армией Мустафы Кемалья тактика турок резко изменилась. Умело используя особенности горного театра военных действий западной части Анатолии, Кемаль построил план обороны на принципе активных действий по внутренним операционным линиям. Эта тактика уже с осени 1921 г. принесла результаты. После генерального сражения на р. Сакариа-чай (с 17 августа по 22 сентября 1921 г.), закончившегося поражением греков, началось отступление греческой армии.

На волне национально-патриотического подъема в апреле 1920 г. в Анкаре было избрано Великое национальное собрание Турции, председателем которого стал Мустафа Кемаль-паша, провозгласивший новый орган власти единственным законным правительством Турции.

Мы так подробно остановились на биографии этого незаурядного политика, поскольку Кемаль попытался осуществить перестройку страны в «западном» стиле.

Осенью 1923 г. Турция была провозглашена республикой, а в марте 1924 г. был ликвидирован и халифат. По Конституции 1924 г., уточнявшейся и изменявшейся в последующие годы, Турция объявлялась республикой во главе с президентом, обладавшим большими властными полномочиями. Ислам, вначале утвержденный как государственная религия, вскоре потерял этот статус и был низведен до уровня религии, отделенной от школы и государства. Вакуфное имущество в основном было

национализировано, шариатские суды и духовные школы-медресе упразднены. Но пантюркизм остался основой государства.

После смерти Ататюрка и завершения политики этатизма вновь активизировалось исламское духовенство, добившееся ряда важных уступок (преподавание ислама в школе, строительство мечетей, чтение Корана по радио и др.).

Современная Турция — это пантюркистское государство с активными элементами панисламизма.

Так, протурецкая вооруженная группировка «Серые волки», причастная к убийству российского военного летчика в Сирии, является молодежным крылом турецкой Партии националистического действия — пантюркистской ультраправой организации.

Наконец, контролируя важнейший геополитический и экономический пункт Евразии, Турция на современном историческом этапе ведет и экономическую войну — прежде всего путем приобретения нефти у ИГИЛ. По справедливому замечанию специалиста, «нефть — это взрывчатый материал. Где бы она ни была найдена, куда бы она ни направлялась, она не только приводит в движение механизмы промышленности и транспорта, но является также той искрой, от которой разгораются многие большие пожары»^[8].

Стратегическое значение нефтяных ресурсов переоценить трудно. Многие военные и политические события имеют под собой «нефтяную» подоплеку. Так, именно в районе нефтяных промыслов Галиции австро-германские войска начали в 1915 г. у Горлице стратегическую наступательную операцию; нефть играла основную роль в интервенции иностранных держав против Советской России в годы Гражданской войны и тормозила международное признание СССР; нефть была истинной причиной гражданской войны в Мексике; нефть служила помехой эффективным санкциям против Б. Муссолини; нефть дала возможность Японии в 20–30 гг. XX в. победить Китай, а позже вести войну против союзников во Второй мировой войне.

Возможно, что теперь нефть, контролируемая ИГИЛ, является одной из причин того, почему эта организация до сих пор не была уничтожена, а международная коалиция не добилась или не захотела добиться решения данного вопроса. Нелегальный экспорт энергоносителей террористической группировкой «Исламское государство» достигает 1,5 млн долларов в день, а большинство нефтепродуктов реализуется через Турцию. Через турецкие пограничные пункты из контролируемой ИГИЛ территории Сирии движутся автоцистерны, количество которых «измеряется тысячами».

Поставками занимается и ряд турецких компаний, в том числе «Серии» (г. Конья) и «Сам отомотив» (г. Антакья).

Возможно, что и сама ИГИЛ была создана США для контроля над нефтяными ресурсами Ближнего Востока — прежде всего Ирака и Ливии.

Турция также уже давно уделяла самое пристальное внимание иракской нефти.

Султан Абдул-Гамид еще в 1904 г. взял в свои руки дело разработки нефтяных ресурсов, находившееся до этого времени в ведении министерства горной промышленности. В 1904 г. немецкий концерн «Анатолийская железнодорожная компания», занятый постройкой Багдадской железной дороги, получил право на разведку и разработку нефтяных месторождений в двух районах — Мосульском и Багдадском.

Особое значение имели нефтяные месторождения Месопотамии. В 1912 г. была создана Турецкая нефтяная компания, и 28 июня 1914 г., когда раздался фатальный выстрел в Сараеве, она, представляя английский и немецкий капитал, получила в аренду нефтеносные участки в Мосуле, Багдаде и Басре.

К концу войны стратегическая и коммерческая ценность мосульской нефти привела к тому, что Мосул стал топливной базой средиземноморского флота.

Англо-индийские войска полностью оккупировали Мосул 8 ноября 1918 г., продвинувшись на север после перемирия, заключенного в Мудросе, — и Великобритания фактически овладела желанными нефтяными месторождениями. Уже в то время, по мысли британского правительства, 500 тыс. курдов, населяющих Мосульский район, не должны были попасть под власть Турции, равно как и стать при этом суверенной нацией. Именно в это время зародилось враждебное отношение курдов — разменной монеты между Ираком и Турцией — к новому иракскому и старому турецкому правительствам.

Английское правительство вынудило молодой Ирак признать Великобританию своим опекуном, и после этого английские, американские, голландские и французские нефтяные компании добились от иракского парламента признания прав Турецкой нефтяной компании. Она получила на 75 лет концессию на разведку и разработку нефтяных месторождений во всем Ираке, за исключением южного района и нефтеносных земель Нафте-Хан к северо-востоку от Багдада, принадлежавших «Ханекин ойл компани» — дочернему предприятию Англо-персидской нефтяной компании. Условия договора распространялись на 24 нефтеносных участка размером по 21 кв. км каждый (при общей территории региона в 234 тыс. кв. км).

5 июня 1926 г. Кемаль Ататюрк под давлением великих держав был вынужден признать так называемую «брюссельскую линию» — границу, установленную Лигой Наций, отдавшей Мосульский район королевству Ирак. Взамен этого Турция получила право на 10 % будущих доходов иракского правительства от мосульской нефти в течение последующих 25 лет. Это условие в дальнейшем было заменено единовременным платежом в 500 тыс. фунтов стерлингов, который иракское правительство должно было передать Турции. Таким образом, турецко-иракские нефтяные противоречия были заложены также 100 лет назад.

Значение вопроса энергоносителей для прошлых и будущих войн трудно переоценить.

Исследователи экономической подоплеки Первой мировой войны совершенно справедливо отмечают топливный вектор противостояния, борьбу за энергетические ресурсы, попытки лишить этих ресурсов противника в планировании и проведении многих операций. В частности, пристальное внимание Англии к Ираку, создание Месопотамского фронта борьбы с турками, германская операция в Румынии объясняются этим обстоятельством. Поход русской армии в Персию и занятие Галиции (основной источник нефтепродуктов Австро-Венгрии) преследовали цель лишить наших противников (Турцию и Австро-Венгрию) в том числе доступа к топливным ресурсам. И если при оставлении Галиции российские войска успели уничтожить нефтяную инфраструктуру противника, то при молниеносном разгроме германо-австрийцами Румынии союзники были не столь расторопны.

Причем Россия не только в течение всей войны не испытывала перебоев с топливом, но наша нефтяная промышленность находилась вне зоны ударов противника (в отличие от Австро-Венгрии и Румынии) до тех пор, пока после Брестского мира турки и англичане не появились в Закавказье в 1918 г.

А в годы Второй мировой войны в распоряжении союзников по антигитлеровской коалиции было сосредоточено 81 % нефти, добываемой во всем мире, — достаточно сравнить это с 5 % (из них 2,4 % в Европе, в том числе 2 % — румынская нефть^[9]), контролируемые всеми державами «оси».

В настоящее время энергетические конфликты лишь набирают обороты.

Весь этот узел противоречий, сконцентрированных прежде всего в зоне Турецких Проливов, наше государство пыталось распутать 100 лет назад и пытается разрешить сейчас.

Глава 1. Вопрос о Дарданелльской операции Антанты и Россия

Сто лет назад ключевым вопросом в контексте коалиционной войны Антанты и германского блока был вопрос о контроле над Турецкими Проливами — Босфором и Дарданеллами. Пролив Босфор (длина около 30 км) соединяет Черное море с Мраморным, а Дарданеллы (длина 65 км) — европейскую часть Турции (полуостров Галлиполи) и азиатскую (северо-западную) часть Малой Азии, связывая Мраморное море с Эгейским.

Из-за стратегически важного положения турецких Проливов их статус неоднократно служил предметом спора великих держав, а в наступившей Первой мировой войне их значение трудно было переоценить.

Во-первых, вступление Турции в войну в ноябре 1914 г. рано или поздно приводило Россию в состояние изоляции от западных союзников — и под угрозой оказывался Восточный (Русский) фронт борьбы с германским блоком. Во-вторых, требовалось осуществить изоляцию Германии от Турции, что диктовалось стратегическими и экономическими соображениями — блокада Германии (в силу ее зависимости от внешних источников сырья) не могла быть полностью эффективной без закрытия Дарданелл. В-третьих, учитывая стратегическое положение Оттоманской империи и количество скованных ею войск союзников, воздействие на Проливы позволяло перемолоть главные силы турецких армии и флота и разгромить их, выведя Турцию из войны. В-четвертых, выигрывалась борьба за важнейших союзников — нейтральные страны Румынию, Болгарию и Грецию.

В военном контексте операция в Проливах отвлекала внимание турецкого командования от Суэцкого канала и других театров военных действий и через Черное море связывала русские войска Кавказского фронта и британские вооруженные силы в Персии, Египте и на Месопотамском фронте — соответственно, после разгрома Турции они могли быть использованы против германской и австро-венгерской армий. Возможно, это было бы последним толчком к крушению германского блока. Наконец, в случае удачного исхода операции по захвату Проливов Сербия и Черногория гарантированно избегали разгрома — и сохранялся Балканский фронт Первой мировой войны в первой редакции.

Так случилось, что замысел осуществить Дарданелльскую операцию принадлежал не англо-французам, а грекам.

Задолго до вступления Турции в войну первый лорд британского адмиралтейства У. Черчилль в беседе с министром иностранных дел Великобритании сэром Э. Греем поддержал предложение, сделанное премьер-министром Греции Э. Венизелосом 19 августа 1914 г. — предоставить вооруженные силы Греции в распоряжение союзников для операций против Турции. Между строк этого предложения читалось: «для операции, связанной с овладением Дарданеллами».

Ответная запоздалая реакция англичан была сформулирована в письме Э. Венизелосу от 5 марта 1915 г. греческого консула в Лондоне, который, пообщавшись с канцлером казначейства Д. Ллойд-Джорджем, сообщал, что, учитывая желание Франции и Англии, чтобы Россия не стала всемогущей на Востоке, Франция и Англия должны взять Константинополь, сделав город интернациональным. По словам Д. Ллойд-Джорджа, для союзников России по Антанте это было бы в тысячу раз лучше, чем видеть Константинополь в руках России.

В августе 1914 г. сэр Э. Грей убедил британский кабинет отказаться от предложения Э. Венизелоса на основании того, что выступление Греции на стороне Антанты могло в это время повлечь за собой автоматическое присоединение Болгарии к германскому блоку.

Катастрофическая близорукость военно-политического руководства величайшей морской державы не позволила увидеть того, что увидел премьер-министр Греции: именно в августе 1914 г. практически безболезненная оккупация к тому моменту беззащитных Проливов позволяла автоматически не только решить вопрос Балканского фронта мировой войны, но и заложить фундамент достаточно скорой победы. И никакая реакция болгар ничего в этом случае не значила, тем более что почти наверняка Болгария предпочла бы остаться нейтральной.

Но идея о штурме Дарданелл и о греческом участии в этой операции сохранилась. Первое упоминание о возможной операции в Проливах содержится в письме У. Черчилля начальнику Главного морского штаба сэру Ч. Дугласу от 1 сентября 1914 г., в котором он указывал, что два офицера Адмиралтейства должны встретиться с двумя офицерами, назначенными директором Департамента военных операций Военного министерства, чтобы изучить и составить план захвата греческой армией Галлиполийского полуострова — с целью ввода британского флота в Мраморное море.

Через два дня директор Департамента военных операций генерал

Каллуэлль высказал убеждение, что предлагаемая Галлиполийская операция представляет собой большие трудности и потребует высадки не менее чем 60-тысячного десанта. Наконец, 4 сентября У. Черчилль послал главе английской морской миссии в Греции контр-адмиралу М. Керру телеграмму, в которой предлагал ему совместно с греками обсудить вопрос о греческой войсковой операции для захвата Галлиполийского полуострова и о вхождении англо-греческого флота в Мраморное море для борьбы с германо-турецким флотом. Отмечалось, что такая операция должна проводиться во взаимодействии с русским Черноморским флотом и русскими сухопутными силами. Но переговоры об этой операции должны были (!) вестись без ведома России.

9 сентября 1914 г. У. Черчилль получил ответ, что Греция сможет выступить лишь при условии одновременного вступления Болгарии в войну с Турцией, то есть Греция не может довольствоваться нейтралитетом Болгарии, которой не верит, — вновь болгарский вопрос стал камнем преткновения при планировании многообещающей стратегической операции.

Вступление Турции в войну на стороне Германии помогло союзникам по Антанте иначе взглянуть на дарданелльскую проблему.

25 ноября У. Черчилль обратился в Высший военный совет империи с запиской, где доказывал, что суть обороны Египта — это захват Галлиполийского полуострова, но что это достаточно трудная операция, требующая значительных сил — 60-тысячного десанта, который двумя эшелонами должен быть переброшен к месту операции. Но и эта идея потерпела крах (как считали англо-французы — при напряженном состоянии Французского фронта, малой численности «Новой армии», организуемой Г. Китченером^[10], и нехватке боеприпасов).

Когда в декабре 1914 г. обстановка на фронтах стабилизировалась (удачный исход напряженных боев у Ипра и на Изере на Французском фронте и перенесение центра тяжести германских наступательных действий на Русский фронт — в Восточную Пруссию и Польшу), ситуация на Французском фронте позволила задуматься об активных операциях на других театрах военных действий. Турецкое наступление на Египет было маловероятным, а 2 декабря последовало уничтожение германской эскадры адмирала фон Шпее у Фолклендских островов.

Встал вопрос о формах дальнейшего использования основной боевой силы Великобритании — ее флота. Обстановка на Французском фронте приняла характер позиционной войны, не обещавшей быстрых и решительных успехов. Положение на Восточном фронте свидетельствовало

о том, что при всей своей потенциальной многочисленности русские войска не в состоянии там, где они сталкиваются с мощной железнодорожной системой и техникой германской военной машины, оказать решающее давление на Германию. Возникла мысль о нанесении эффективного удара по германскому блоку на Средиземноморском театре военных действий, то есть против Турции. Вопрос военно-технического сотрудничества с Россией, почти израсходовавшей ресурсы мирного времени, также выдвигался на первый план. Д. Ллойд-Джордж обосновывал необходимость активной операции на Балканском полуострове важностью присоединения Греции и Болгарии к делу Антанты.

30 декабря 1914 г. Верховный главнокомандующий русской действующей армией генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (младший) в разговоре с британским представителем при русской Ставке генералом сэром Хэнбери-Уильямсом подтвердил обязательство России строго придерживаться концепции сосредоточения всех военных сил, «хотя бы и в ущерб собственным интересам», против «главного» врага, то есть против Германии.

В период начала крупномасштабного наступления турецких войск на Кавказском фронте русский Главноверх признал необходимым настолько оголить от войск Кавказский фронт, насколько это будет нужным для общесоюзных интересов, но запрашивал — не сочтет ли Англия возможным оттянуть как можно большие силы турок на другие антитурецкие фронты путем военных демонстраций в «наиболее уязвимых и чувствительных местах».

Впервые с русской стороны вопрос о Проливах был поставлен министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, для которого англо-греческие переговоры не могли остаться тайной. 21 декабря 1914 г. в письме к начальнику штаба Верховного главнокомандующего он указывал:

1) на огромную важность овладения обоими Проливами «с точки зрения общегосударственных интересов и огромных жертв», приносимых Россией в войне;

2) на невозможность добиться этого результата путем побед над Германией и Австрией, потому как «очевидно, что турки добровольно не согласятся уйти из Константинополя», если не будут вынуждены к этому силой.

Считая «крепко приобретенным то, что добыто нами самими, нашей кровью, нашими усилиями», министр высказывался за самостоятельную операцию русских вооруженных сил хотя бы и при участии Болгарии и даже Румынии. В то же время штаб Верховного главнокомандующего

(Ставка), руководствуясь «первоначальной программой военных действий», признавал самостоятельную операцию против Босфора и Дарданелл невозможной.

Соответственно, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич ответил С. Д. Сазонову, что в данное время о самостоятельной боевой операции в Проливах и речи быть не может, но если бы после победы на австро-германском фронте не удалось обеспечить обладания Константинополем и Проливами дипломатическим путем (!), это может стать предметом совершенно особой военной операции, об объеме которой пока говорить бесполезно.

Но С. Д. Сазонов на этом не успокоился, и 29 декабря в новом письме к Н. Н. Янушкевичу повторно упомянул о Проливах под тем предлогом, что МИДу необходимо знать, следует ли подготовить для наступления нашей армии к Проливам условия, которые позволили бы избежать переправы по Черному морю (то есть обеспечить проход через Румынию и Болгарию), либо сократить таковую (то есть обеспечить высадку русских войск в Варне или Бургасе). На этот раз ответ ему был дан самим Верховным главнокомандующим. Великий князь Николай Николаевич категорически заявил, что «одни мы захватить Проливы ни под каким видом не можем». Более того, Главковерх допускал существование таких условий, при которых для достижения этой цели потребуются не только содействие второстепенных балканских государств, но и военная помощь Англии и Франции. Вследствие этого, по мнению Николая Николаевича, в данный момент следует довольствоваться тем, что Россией уже получено от Англии и Франции, то есть заявлениями союзников относительно соблюдения русских интересов при разрешении вопроса о Проливах и Константинополе.

Стратегический кругозор русской Ставки оставлял желать лучшего.

Англо-французы начинают склоняться к практической реализации операции у Дарданелл.

После получения запроса великого князя фельдмаршал лорд Г. Китченер имел продолжительную беседу с У. Черчиллем касательно того, что мог бы осуществить английский флот для помощи России. В этой беседе вспоминалось и о ноябрьских дискуссиях, где речь шла о возможности отправить десант из Египта в Галлиполи. Черчилль настаивал на нежелательности серьезного наступления на Константинополь, предпочитая операцию демонстративного характера.

Соответственно, и ответ на обращение великого князя был уклончивым — о том, что «будут предприняты шаги для совершения

демонстрации против турок», но вместе с тем отмечалось, что никакое действие, на какое бы ни решились союзники, не сможет серьезно отразиться на численности турецких войск на Кавказе.

Вопрос о Дарданелльской операции рассматривался не только с точки зрения военной целесообразности, но и с точки зрения политических целей, преследуемых Англией на Ближнем Востоке. Среди последних обеспечение интересов англичан в районе Проливов и Константинополя занимало особенно важное место. Но англичане колебались, не зная, какое впечатление произведет в России укрепление Англии в районе Проливов, и сомневаясь в возможности выделить против Дарданелл силы, необходимые для успеха операции.

Интересно, что с первых же дней планирования наряду с дарданелльским фигурировало и другое направление перспективной операции — александреттское^[11].

Так, первый морской лорд адмирал Д. Фишер, высказываясь против «бесплодного бомбардирования Дарданелл», разработал план крупной операции, которая должна была осуществляться английским флотом и десантом, частично состоявшим из войск Греции и Болгарии. Оккупация Александретты представляла для англичан особую ценность с точки зрения доступа к нефтяным ресурсам Месопотамии. Фишер предлагал под видом защиты Египта заменить индийские войска и 75 тыс. бойцов Экспедиционного корпуса во Франции территориальными войсками из Англии и скрытно перебросить их в залив Безику (около входа в Дарданеллы), чтобы направить вместе войсками, сосредоточенными в Египте, против Хайфы и Александретты. Параллельно планировалось начать наступление Греции на Галлиполийский полуостров и Болгарии на Константинополь — при поддержке британского флота.

В ноте, врученной У. Черчиллем французскому военному атташе 15 января 1915 г., указывалось, что британское правительство решило осуществить атаку на дарданелльские форты и прорваться в Мраморное море, оккупировав при этом и район Александретты. Адмиралтейство выражало надежду, что средиземноморская эскадра французских линкоров при поддержке подводных лодок и самолетов будет поддерживать английскую эскадру.

Таким образом, Александретта даже рассматривалась как стратегически более подходящий объект для воздействия английских вооруженных сил, чем Дарданеллы.

Британское военно-политическое руководство вновь в конце декабря 1914 г. — начале января 1915 г. говорило о желательности содействия

русских морских и сухопутных сил, но лишь к тому моменту, когда внешние форты Дарданелл будут разрушены.

Характер Дарданелльской операции и состав необходимого для ее реализации количественного и качественного состава флота были определены 3 января 1915 г. В этот день У. Черчилль запросил командующего дарданелльской эскадрой вице-адмирала С. Кардена, считает ли он возможным форсирование Дарданелл только силами флота, включающего в свой состав значительное количество старых линейных кораблей и вспомогательных судов. 5 января С. Карден ответил, что не находит возможным захватить Дарданеллы одним ударом, но они могут быть форсированы в ходе продолжительных боевых действий и при участии значительной корабельной группировки. 6 января У. Черчилль предложил адмиралу представить свои подробные соображения, и 11 января эти соображения были представлены — речь в них шла исключительно о морской операции, которая должна закончиться в течение одного месяца. Возражений со стороны Адмиралтейства не последовало, но было предложено усилить корабельную группировку новейшим дредноутом «Куин Элизабет» с 15-дюймовой артиллерией главного калибра.

На заседании 13 января 1915 г. Военный совет одобрил операцию.

Целью Дарданелльской операции провозглашался проход (после уничтожения фортов и расчистки минных полей) англо-французской эскадры к Константинополю.

В документе от 20 января 1915 г. указывалось время, желательное для начала штурма Дарданелл (15 февраля), и отмечалась нежелательность концентрации всей массы линкоров, необходимых для операции. То, что часть флота должна быть распределена между Мальтой, Александрией и Александреттой, говорит нам о том, что уже на этапе планирования союзники закладывали в операцию минимум напора при ее реализации.

Соответственно, часть флота должна была быть сконцентрирована к тому направлению, на котором будут одержаны успехи.

С началом Дарданелльской операции связывался и захват Александретты.

Таким образом, решение важнейшей стратегической для всей Антанты задачи изначально планировалось в качестве демонстрации, прикрывающей операцию, которая преследовала чисто британские интересы — контроль над ближневосточными нефтяными ресурсами. Так, У. Черчилль писал Г. Китченеру, что весьма желательно, чтобы александреттская операция осуществилась *одновременно* с атакой на

Дарданеллы.

Но занятие Александретты не состоялось — и не по доброй воле английского правительства, а под давлением Франции, уже наметившей в качестве своей доли при разделе Османской империи (помимо Сирии) Киликию и оценившей значение Александретты не хуже Англии.

Г. Китченер, по инициативе которого был выдвинут александреттский проект, только 16 февраля 1915 г. согласился выделить войска для поддержки Дарданелльской операции.

Иную позицию занял У. Черчилль, увидевший в реализации Дарданелльской операции возможность втянуть в мировую войну Грецию и Болгарию, укрепиться в районе Проливов и предотвратить часть последствий надвигавшейся блокады России.

Союзники были уверены в успехе. Здесь необходимо привести «программу действий союзных правительств», выработанную С. Д. Сазоновым совместно с послами М. Палеологом и Д. Бьюкененом «на случай обращения Порты с просьбой о мире под влиянием прорыва союзного флота через Дарданеллы». Чрезвычайно показательно в ней прежде всего то, что союзники «не заключат отдельного мира с Турцией, пока Австро-Венгрия и Германия не положат оружия» (то есть речь может идти только о перемирии).

Основной особенностью перемирия было то, что оно рассчитано лишь на район Проливов и Константинополя (лишь при необходимости может быть заключено отдельное перемирие и для других театров военных действий — для Закавказья, района Персидского залива, Египта, Сирии с Киликией, а также Малой Азии со Смирной). Условия дарданелско-константинопольского перемирия были для турок очень тяжелы. Среди них фигурируют (наряду с разоружением турецких батарей, уцелевших на Дарданеллах и Босфоре, и с удалением мин из обоих Проливов) не только немедленная выдача германских судов (военных и коммерческих) и всех германцев, находящихся на турецкой службе, но и согласие Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем, а также сдача тех укрепленных пунктов, занятие которых необходимо для безопасности эскадр держав Антанты и поддержания порядка в Константинополе.

Совершенно ясно, что принятие таких условий было равносильно полной капитуляции османского правительства.

Тем самым союзные правительства, в первую очередь английское в районе Персидского залива и Сирии и русское — в Закавказье, сохраняли за собой право устанавливать желательные территориальные приобретения, которые затем можно было закрепить в условиях перемирий. В худшем

положении оказывалась Франция, не имевшая смежных с Турцией границ, а значит, и войск, которые могли бы продвинуться в турецкие области и приобрести ценные «залог» для будущих переговоров. Именно поэтому министр иностранных дел Франции Т. Делькассе 1 марта 1915 г. признал необходимым «заранее сговориться» как относительно дальнейшей судьбы азиатских владений Турции, так и относительно «совместной оккупации» Константинополя и его окрестностей.

Ликвидация всех средств обороны Константинополя — как со стороны Дарданелл, так и со стороны Босфора — вместе с пребыванием союзной (прежде всего английской) эскадры у Константинополя означала установление английского господства в районе Проливов. Пока длилась война с Германией, Англия, разумеется, была заинтересована в сохранении дружеских отношений с Россией, но опасалась того, что, получив Константинополь, Россия может подвергнуться искушению и считать основную цель войны для себя достигнутой, а потому ослабить энергию в борьбе с Германией. Английский флот в Проливах выполнял гарантийную функцию.

Это поняли Николай II, признавший лишним пункт «программы», в котором говорилось о согласии Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем, и Ставка, мечтавшая о скорейшем выводе с Кавказа возможно большей части сосредоточенных там войск на австро-германский фронт. Центр тяжести забот великого князя находился в чисто военной задаче — снять с Кавказа как можно больше из состава тех 150 батальонов, которые участвовали в войне с Турцией. Для того чтобы направить их на Балканский полуостров или на австро-германский фронт, нужна была достаточная гарантия, а именно:

1) включение в число укрепленных мест, которые должны быть сданы турками, Чаталджинских позиций, господствующих с севера над районом Константинополя и Босфора, и разоружение Адрианополя — основного форпоста Константинополя — с севера;

2) распространение перемирия на малоазиатский фронт с разоружением Эрзерума и отходом турецких войск к юго-западу от этой крепости.

Вопрос о заключении перемирия или мира с Турцией остался, поскольку западные державы фактически подтвердили свое намерение уклониться от немедленной передачи России «ключей от Царьграда» и воспользовались (в лице Франции) случаем поставить вопрос о разделе малоазиатских владений Турции и организации совместного оккупационного управления Константинополем, что было равносильно

временной интернационализации города — к общим интересам англо-французов и балканских государств.

Политические последствия возможного успеха англичан в Проливах настолько беспокоили С. Д. Сазонова, что он задал Николаю Николаевичу вопрос: не лучше ли было бы просить наших союзников, вследствие изменившейся в пользу русского оружия обстановки на Кавказском фронте, повременить с действиями против Дарданелл? Но опасения МИДа не встретили отклика в Ставке, на которую не произвели впечатления и приведенные им чисто военные соображения — «рискованность задуманного предприятия и опасные последствия возможного неуспеха», с одной стороны, и улучшение обстановки на Кавказском фронте после блестящей победы в Сарыкамышской операции, с другой.

Ответ Ставки англичанам сводился к следующему: во-первых, русское Верховное командование при всем желании не может обещать помощи союзному флоту ни со стороны ВМС, ни со стороны армии; во-вторых, с военной точки зрения любой удар, нанесенный Турции, будет выгоден России, потому как облегчит положение не только на Кавказе, но и в Европе (поражение турок переориентирует еще не определившиеся балканские государства в пользу Антанты). В Ставке отнеслись скептически к успеху «английского предприятия», основанного лишь на действиях флота.

Штаб Верховного главнокомандующего, несмотря на недавние победы на Кавказе, считал, что положение на Кавказском фронте пока непрочное, и не верил в победу англичан; тем более что даже при условии их успеха отправка русских войск для десантной операции на Босфоре считалась в этот момент невозможной.

Учитывая разногласия между МИДом и Ставкой, в качестве арбитра выступил император. 14 февраля 1915 г. С. Д. Сазонову была сообщена воля государя, что дело об овладении Проливами должно сосредоточиться в Ставке и допустимо только одно решение этого вопроса: присоединение к России обоих Проливов.

Таким образом, и Россия, и ее союзники проявили полное непонимание значения захвата Проливов на этом этапе мировой войны. Русское военно-политическое руководство не имело внятного оперативно-стратегического планирования (хотя проекты овладения Босфором и Дарданеллами были составлены еще в 80–90-е гг. XIX в.), «зациклившись» на действиях Кавказского фронта. Для Англии Дарданелльская операция первоначально была демонстрацией и прикрытием операции у Александретты, Францию же интересовали только европейские фронты.

И это притом, что для России «с нападением... Турции война приобрела... великодержавный смысл. Соображения духовного порядка — крест на Святой Софии. Соображения политические — проливы. Соображения экономические — те же проливы, без которых Россия осенью 1914 года уже начала задыхаться. Эти троякие соображения придали войне с Турцией активно-великодержавный (и творческо-великодержавный) характер, которого была лишена оборонительная война против Германии и Австро-Венгрии»^[12].

Для союзников России по Антанте победа над Турцией фактически была битвой за сохранение их колониальных империй, за счет которых они в значительной мере черпали свои ресурсы, и за сохранение своих материальных и людских ресурсов в закончившейся на 2–3 года раньше мировой войне.

Глава 2. Как союзники нам «помогали» — упущенные возможности Дарданелльской операции 19 февраля 1915 г. — 9 января 1916 г.

Исследуя Дарданелльскую операцию Антанты, хотелось бы остановиться не на ходе боевых действий, подробно изложенном в ряде больших и малых работ, а на промахах союзников России, сказавшихся не только на ходе и исходе мировой войны, но и на состоянии современного миропорядка.

Как отмечалось, уже целеполагание для данной операции содержало в себе серьезные ошибки. Так, с одной стороны, союзники не хотели прикладывать излишних усилий, предпочитая реальной операции демонстративную, но, с другой стороны, для того чтобы занять серьезные стартовые позиции на востоке в послевоенный период, им было необходимо овладеть Проливами и Константинополем, обогнав Россию.

По словам британского посла во Франции Ф. Берти, в первые дни после начала Дарданелльской операции (его запись в дневнике относится к 26 февраля 1915 г.) в Париже «все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится впереди Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решать вопрос о будущем этого города и Проливов — Дарданелл и Босфора»^[13]. Позднее (в марте 1915 г.) посол сообщал, что во французской палате депутатов наблюдались «опасения», что Англия и Россия распорядились насчет судьбы Константинополя за спиной Франции.

В своих мемуарах резко отрицательное отношение к передаче России Константинополя и Проливов выражают и многие видные французские государственные и общественные деятели (Ж. Клемансо, А. Бриан, Г. Ганото и др.).

Не лучшим было и отношение англичан. Д. Ллойд-Джордж, отмечавший, что интернационализировать Константинополь «для нас это было бы в тысячу раз лучше, чем видеть его окончательно в руках России», не исключение. Причем мотив опередить Россию присутствует в письме от

5 марта 1915 г., когда велись благоприятные для нашей страны переговоры России, Англии и Франции о Константинополе и Проливах, а потому особенно характерно показывает отношение союзников к России.

Окутана туманом и более ранняя история о том, как германские линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» прорвались в Проливы, значительно усилив турецкие ВМС и изменив стратегическое равновесие на Черном море. Британский флот, фактически пропустивший эти корабли, таким образом «помог» своему русскому союзнику.

4 августа 1914 г. греческий король Константин получил от кайзера Вильгельма II телеграмму, извещавшую о заключении германо-турецкого союзного договора. В этой телеграмме Вильгельм II информировал греческого короля-германофила, что германские военные корабли («Гебен» и «Бреслау») идут на соединение с турецким флотом. Константин сообщил содержание этой телеграммы главе английской морской миссии вице-адмиралу Марку Керру.

Кто вооружен — тот предупрежден...

Но действуя под командованием адмирала В. Сушона в Средиземном море, оба корабля благополучно ускользнули от британской эскадры, войдя 10 августа 1914 г. в Дарданеллы. Крейсера вошли в состав ВМС Турции, получив названия «Султан Селим Явуз» и «Мидилли» соответственно. Этот факт, подтолкнув Турцию к вступлению в войну, резко усилил оттоманский флот. 16 августа оба крейсера были включены в состав турецкого флота, причем вместе с командами, интегрированными в турецкую структуру ВМФ. Крейсера впоследствии активно действовали на Черном море.

«Гебен» (типа «Мольтке») конструктивно был одним из самых удачных линейных крейсеров (или, как их еще называли, крейсеров-дредноутов) Первой мировой войны. Его броневой защите мог позавидовать едва ли не любой иностранный линкор: главный пояс толщиной 270 мм простирался от носовой башни до кормовой, поднимаясь выше ватерлинии на 1,4 м и погружаясь в воду на 1,75 м (под водой его толщина уменьшалась к нижней кроме до 130 мм). Сверху примыкал еще один 200-мм пояс, а над ним — 150-мм каземат, доходивший до верхней палубы. Главный броневой пояс соответствовал поясу английских дредноутов вплоть до «Колоссуса» включительно. Корабль имел хорошо защищенные оконечности и дымоходы. В глубине корпуса по всей длине шла продольная противоторпедная переборка толщиной от 30 до 50 мм, а также более тонкие переборки, разделявшие все примыкавшее к борту пространство на многочисленные отсеки и коффердамы. На испытаниях при форсировке

котлов «Мольтке» и «Гебен» развили мощность более 85 тыс. л.с. и скорость в 28–28,4 узла. Наличие пятой башни главного калибра также явилось весьма удачным техническим решением (пятая башня могла стрелять поверх кормовой), приборы управления огнем и оптика в то время у германцев считались лучшими в Европе. Из всех германских линейных крейсеров именно «Гебен» имел наибольший угол возвышения орудий (22,5 градуса) и, соответственно, внушительную дальность огня — 20 км. Близнец «Гебена» — «Мольтке» (головной корабль в серии) показал себя грозным противником кораблям британского Гранд-Флита в Ютландском бою. Четыре поразивших его 381-мм снаряда хотя и вывели из строя 46 человек и вызвали затопление ряда отсеков, но не привели к серьезному снижению боевой мощи корабля.

По скорости хода, вооружению и бронированию «Гебен» значительно превосходил на начало 1915 г. любой русский линейный корабль на Черном море. Его боевая мощь примерно соответствовала суммарной силе трех лучших русских черноморских линкоров, а 10-узловой перевес в скорости позволял немцам выбирать время и место боя, а в бою командовать дистанцией. «Гебен» нес смертельную угрозу русским крейсерам и большинству эскадренных миноносцев, которые из-за недостаточной скорости могли быть быстро уничтожены при удалении от своих линейных кораблей.

Сравнительно слабый (двенадцать 105-мм орудий) «Бреслау» благодаря 28-узловому ходу являлся прекрасным дополнением к «Гебену» и пользовался полной свободой передвижения даже при соприкосновении со всем Черноморским флотом, лишенным возможности разделить свои силы.

Добиться преимущества русскому Черноморскому флоту удалось лишь весной 1915 г. после вступления в строй первых линкоров-дредноутов.

Этот стратегический «прорыв» германских крейсеров удивителен целым рядом странных обстоятельств.

«Гебен» имел в этот момент неисправные котлы (текли трубки) и в середине 1914 г. мог держать скорость хода всего 12–14 узлов (и лишь на очень короткой дистанции — 20 узлов). После убийства австрийского наследника крейсер поставили на ремонт в австрийской базе Пола, где с помощью присланных из Германии мастеровых удалось заменить свыше 4000 трубок — и к 4 августа максимальная скорость «Гебена» достигала уже 24 узлов, хотя на продолжительных переходах он мог давать лишь до 18 узлов.

Причем неисправность котлов флагманского корабля значительно

уменьшала радиус действия отряда, и расстояние до Дарданелл в 1150 миль не могло быть пройдено крейсерами без дополнительной погрузки угля. Поэтому В. Сушон решился на выбор более дальнего (50 миль) маршрута, лежавшего через Мессинский пролив, планируя попутно принять в Мессине полный запас угля.

4 августа показались английские линейные крейсера «Индефатигебл» и «Индомитебл» — они повернули за «Гебеном», а на германском корабле поминутно сдавал то один, то другой котел, иногда выходило из строя до трех котлов одновременно. Уголь был на исходе, приходилось брать его из запасных угольных ям, для чего в помощь кочегарам была послана и строевая команда. Один матрос даже умер за работой.

Но британские крейсера... прекратили преследование и удалились.

В итоге — германские морские и технические специалисты значительно содействовали приведению оттоманского флота в порядок и созданию сильной береговой обороны, а «Гебен» и «Бреслау» стали ударной частью турецкого флота, позволили ему перейти к наступательным действиям и ударом по черноморским портам втянули Россию в русско-турецкую войну.

Ключевое значение для неудачи Дарданелльской операции имела потеря стратегической и оперативной внезапности. Когда стало очевидным, что Турция планирует перейти на сторону германского блока, 3 ноября 1914 г. английский флот осуществил первую бомбардировку фортов Дарданелл.

Обстрел турецких наружных фортов у входа в Пролив, не дав полезных результатов, показал туркам, что им нужно готовиться к встрече врага со стороны Эгейского моря.

Тем самым оборона Дарданелл значительно усилилась. Еще 4 и 5 августа 1914 г. в Проливе были установлены два ряда мин и мобилизована расположенная в районе Галлиполи 9-я пехотная дивизия.

Но после 3 ноября были усилены дарданелльские береговые батареи, установлены девять новых рядов минных заграждений, поставлены прожектора, организованы торпедные станции, установлены противолодочные сети. Турецкий флот укрылся в Мраморном море, готовый поддержать береговую оборону своей артиллерией и атаковать корабли союзников, прошедшие через оборонительные преграды в центральной части Дарданелл. В конце 1914 г. в районе Галлиполи уже был сосредоточен III армейский корпус в составе 7-й, 9-й и 19-й пехотных дивизий.

А к началу Дарданелльской операции дислокация оттоманских войск

была следующей: а) 1-я армия в составе 3-го армейского корпуса — Галлиполийский полуостров, 15-го армейского корпуса — азиатский берег Дарданелл, 14-го армейского корпуса — Принцевы острова, 6-го армейского корпуса — Сан-Стефано близ Константинополя; б) 2-я армия — на Северном фронте — находилась в стратегическом резерве (она должна была парировать возможный русский десант). Силы турецких войск в Проливах возросли с двух (в начале войны) до 20 (конец 1915 г.) пехотных дивизий. Численность этих армий достигала 200 тыс. человек.

Турецкая артиллерия в Дарданеллах насчитывала до двух сотен орудий с дальностью стрельбы 7,5–9,6 тыс. м (более половины орудий были калибра 152-мм и выше). В Килид-Баре находилось три 450-мм торпедных аппарата, а минные заграждения состояли из 10 минных поясов (375 мин).

Противопоставить этому союзный флот в Дарданеллах мог 12 линкоров-додредноутов (в дальнейшем 16), линейный крейсер, а также новейший линкор-дредноут «Куин Элизабет». Нелинейные силы флота союзников на начало операции: 4 легких крейсера, 16 эсминцев, 7 подводных лодок, авиатранспорт с 7 самолетами, тральщики, вспомогательные суда. Линкоры додредноутной постройки пусть и были несколько устаревшими, но вполне подходили на роль плавучих батарей, которые и требовались для данной операции.

Костяком сил десантного корпуса были британские части. К моменту высадки в состав экспедиционных войск были включены кадровая 29-я пехотная дивизия, 10-я, 11-я и 13-я пехотные дивизии из состава так называемых китченеровских формирований военного времени, АНЗАК (Австралийско-Новозеландский армейский корпус) — на начало наземной операции британский контингент насчитывал около 70 тыс. бойцов.

Французский экспедиционный корпус, которому отводилась вспомогательная роль, включал в свой состав две дивизии.

Очевидно, что соотношение сил не позволяло союзникам сразу добиться серьезного успеха — и это в операции, для которой скорость имела ключевое значение.

Морской этап операции (19 февраля — 18 марта 1915 г.) характеризовался тем, что был упущен наступательный темп. В этот период (атаки 19, 25, 26 февраля, 1–8, 11, 18 марта) вялотекущие попытки эскадры союзников прорваться в Дарданеллы закончились безрезультатно, продолжаясь почти месяц, — вплоть до решительного штурма 18 марта, хотя быстрый серьезный натиск в феврале сулил гораздо больше шансов на успех.

В ходе проведения морской операции была переоценена роль

артиллерийского огня и недооценен фактор взаимодействия сил и средств.

Уверенное в превосходстве огня своей корабельной артиллерии командование Антанты совершенно не учитывало, что в борьбе флота с береговой артиллерией все преимущества находятся на стороне последней. Лишь огонь артиллерии не способен дать искомого результата — противник всегда имеет возможность отвести живую силу в тыл, а форты — достаточно живучие и самодостаточные сооружения. И 26 февраля впервые были применены десантные подразделения. Будучи высажены с кораблей на европейский и азиатский берега, они уничтожили несколько орудий в передовых фортах противника. Показательно, что из шести тяжелых орудий форта Седд-эль-Бар четыре совершенно не пострадали после всех предыдущих бомбардировок и были выведены из строя только одной из десантных групп.

Авиационная корректировка огня линкоров была неудовлетворительна вследствие зависимости корректировщиков от капризов погоды, а наземные корректировщики не использовались. Более того, в начале операции корабельные артиллеристы даже отказывались принимать сигналы с аэропланов^[14]. И это тогда, когда вывести из строя орудия противника на закрытых позициях можно было только прямым попаданием! Например, за день боя 19 февраля союзные линкоры вели огневые дуэли с фортами Кум-Кале, Хеллес, Седд-эль-Бар и Орkanie, в ходе которых было подавлено лишь одно 280-мм орудие в Кум-Кале^[15] и в форту Орkanie — также одно (снаряд попал в дуло орудия!).

Решительный штурм Пролива 18 марта принес потери союзникам: из 16 участвовавших в операции линейных кораблей три погибли («Буве», «Иррезистибл» и «Оушен»), еще три («Инфлексибл», «Голуа», «Сюффрен») были так сильно повреждены артиллерийским огнем, что два последних отправили в доковый ремонт, более умеренно пострадали еще два линкора («Агамемнон» и «Альбион»). Главной бедой союзников в этом бою стали турецкие минные заграждения.

В этот день потери союзников в людях были весьма значительны — около 800 человек убитыми, ранеными и утонувшими. Потери турок в личном составе также оказались ощутимыми: 40 убитых и 74 раненых, в том числе 18 немцев.

18 марта турки своим минно-артиллерийским оружием фактически ополовинили костяк эскадры союзников в Дарданеллах. Мины, внесшие опустошения в ряды англо-французской эскадры, были установлены минным заградителем «Нусрет», который нанес, таким образом, самый

большой ущерб флотам стран Антанты на Средиземном море: его мины стали причиной гибели сразу трех линкоров — «Иррезистибла», «Оушена» и «Буве».

Тактически получался замкнутый круг — для гарантированного подавления береговой артиллерии противника кораблям союзников нужно было подойти на близкую дистанцию (5–6 тыс. м), но тогда, во-первых, даже устаревшие орудия турецких фортов смогли бы вести эффективный огонь, а во-вторых, в этом случае корабли попадали на минные поля, с успехом защищаемые как береговыми, так и полевыми батареями германотурок.

К борьбе с турецкой полевой артиллерией союзники вообще не готовились. В силу высокой мобильности (что позволяло перебрасывать орудия на угрожаемые участки) и плотности огня именно орудия и гаубицы легких и тяжелых полевых батарей турок стали главным противником кораблей союзников как в артиллерийских дуэлях, так и во время осуществления тральных работ. Расчет союзников на уничтожение турецких полевых батарей был ошибочен — большинство их стояло на закрытых позициях. Благодаря мобильным турецким и германским батареям число огневых позиций на берегах постоянно возрастало.

Плохая союзная разведка не позволила вскрыть ни всю глубину турецкой обороны, ни осуществляемые противником действия в ходе операции (достаточно вспомнить гибель «Буве» на скрытно выставленном турками минном заграждении на уже протраленном до этого фарватере). Недооценили союзники и минную опасность. Тральщики с задачей не справились — их контингент пришлось усиливать. К тому же на тральных работах сказывались сильное течение в Проливе.

Непродуманно применялись выделенные для операции силы и средства. В частности, «Агамемнон» и французские линейные корабли были хорошо защищены броней для борьбы против береговых батарей, чего нельзя было сказать ни о старых британских кораблях, ни о новом линейном крейсере «Инфлексибле» (бронирование которого было недостаточным для боя с мощной артиллерией фортов).

Летные качества самолетов были невысоки, например их практический потолок составлял всего 600 м.

Вопросы имелись и к снаряжению боеприпасов.

В неудачном исходе для союзников морской фазы операции велика была роль знаний и умений германских специалистов. Они с большим искусством импровизировали в ходе боя, при отсутствии автотранспорта и лошадей на буйволах перебрасывали мобильные гаубицы с места на место,

так что британцам никак не удавалось их накрыть. Немцы даже изготовили примитивные, но эффективные дымовые устройства, которые пускали клубы дыма из специальных трубок каждый раз, когда стреляли их пушки. И это отвлекло несколько десятков британских и французских снарядов от турецких и германских батарей.

Но после боя 18 марта германо-турки столкнулись с главной неприятностью: было израсходовано свыше половины артиллерийских боеприпасов (в том числе почти все тяжелые снаряды), и если бы англо-французы на следующий день повторили удар с моря, береговая оборона почти наверняка была бы сломлена.

Но этого сделано не было, в итоге за месяц морского штурма Дарданелл был упущен момент начала десантной операции, и турки успели принять необходимые антидесантные меры.

Решающее заседание английского Военного совета по вопросу подготовки комбинированной фазы операции состоялось 16 февраля 1915 г. На нем было решено оперативно (в течение 9–10 дней) перебросить одну регулярную (29-ю пехотную) дивизию на остров Лемнос, подготовиться к дополнительным переброскам войск из Египта; перебросить необходимые транспортные средства.

Обсуждение сухопутной фазы операции между Лондоном и Парижем носило довольно напряженный характер. Обеспокоенное в связи с вопросом об Александrette чрезмерной инициативой, проявленной англичанами на Ближнем Востоке, французское правительство, руки которого были связаны необходимостью напрячь все свои военные силы для защиты Франции, в то же время опасалось усиления Англии на Ближнем Востоке. У. Черчилль помог французам понять сущность предстоящей наземной операции.

20 февраля русский посол в Париже А. П. Извольский сообщил руководству о разговоре с министром иностранных дел Франции Т. Делькассе, в котором последний высказал надежду, что Черноморский флот предпримет против Босфора необходимые действия и в случае успеха обе эскадры — русская и англо-французская — одновременно появятся перед Константинополем, что очень важно как с военной, так и с политической точки зрения.

Изменение взглядов Ставки на возможность участия русских вооруженных сил в начавшейся 19 февраля Дарданелльской операции в значительной мере помогло преодолеть англо-французские противоречия.

Комбинированный этап операции по овладению Дарданеллами осуществлялся 25 апреля 1915 г. — 9 января 1916 г. На этом этапе

проводились совместные действия армии и флота. Галлиполийский полуостров как основная сфера приложения сил десанта был выбран потому, что обеспечивал фланг эскадры.

На этом этапе действия союзных сил сопровождались целой вереницей просчетов и неудач. Так, планирование операции и единоначалие над сухопутными и морскими силами отсутствовали. Остров Лемнос, выбранный в качестве главной базы, при наличии большой гавани имел слабую инфраструктуру для погрузки-выгрузки войск, вследствие чего многие подразделения десанта оказались разбросаны по островкам Эгейского моря или размещались на транспортах. Орудия, боеприпасы и снаряжение шли на разных кораблях, повозки — отдельно от лошадей. Прежде чем приступить к высадке всего десанта, пришлось отправить все транспорты в Александрию и провести погрузку заново. В результате десантная операция задержалась на целый месяц, чем противник вновь не преминул воспользоваться.

У командующего экспедиционными силами генерала Я. Гамильтона имелось только четыре британские и одна французская дивизии (и это при примате обороны над наступлением, выраженном в соотношении 1:3) — всего с частями усиления около 78 тыс. человек. Малая численность войск и то обстоятельство, что Я. Гамильтону была поставлена ограниченная задача — оказать помощь флоту при форсировании пролива, — заставили его провести высадку десанта не на европейском или азиатском побережье Турции, а на Галлиполийском полуострове.

Турки же под руководством германских военных специалистов организовали мощную оборону береговой линии, протянув на всех удобных для высадки пляжах колючую проволоку и установив пулеметы на близлежащих высотах. Были исправлены повреждения на фортах, полуостров покрылся полевыми укреплениями. Командующим сухопутными силами германо-турок являлся мушир (маршал) Турции и генерал кавалерии Германской империи Лиман фон Сандерс; специально для обороны Дарданелл была создана 5-я армия, численность которой в апреле достигла 60 тыс. человек.

25 апреля 1915 г. в 5 часов 30 минут началась высадка англо-французского десанта, сопровождавшаяся большими потерями в людях. Был потерян и темп наступления.

Район высадки АНЗАКа изначально рассматривался как второстепенный, но стратегически он был гораздо важнее направления главного удара (южной оконечности полуострова у Седд-эль-Бар и Текебурну). Локализовав в боях 25–28 апреля наступление австралийцев и

новозеландцев, турки фактически предрешили исход операции.

Когда турки окружили береговые плацдармы британцев (1–1,5 км в глубину) кольцами траншей, англичане поняли, что оказались втянутыми в такую же окопную войну, что и на Французском фронте, но с еще меньшим пространством для маневра. Положение десантников усугублялось тем, что шанцевый инструмент не подходил для каменистой местности и прочных корней кустарника, в некоторых местах склоны были слишком крутыми, чтобы в них рыть окопы. Десант отчаянно нуждался в артиллерийской поддержке, но из-за пересеченного характера местности и неопределенности линии фронта корабельная артиллерия мало чем могла помочь.

В ходе Первого сражения за Критию 28 апреля британцы потеряли 3 тыс. бойцов из 14 тыс. участвовавших в наступлении.

Потери англо-французов (основной десант в Галлиполи и вспомогательный — у Кум-кале) меньше чем за неделю боев достигли 18 тыс. человек (например, 1-я австралийская дивизия АНЗАКа в боях 26–27 апреля лишилась 4,5 тыс. солдат). Борьба на всех плацдармах все больше приобретала позиционный характер.

Я. Гамильтон был вынужден затребовать подкрепления — прежде всего 42-ю пехотную дивизию и 29-ю индийскую бригаду.

Лиман фон Сандерс реорганизовал свои части, и турецкие войска с учетом подкреплений из Константинополя достигли внушительной силы в 75 батальонов.

В ходе боев 1–7 мая атаки десантников перемежались с контратаками турок. С подходом резервов британские атаки на турецкие позиции продолжились, причем в лучших традициях Французского фронта. Например, только за 8 мая союзники лишились 6,5 тыс. человек. Причем в зависимости от подходящих резервов центр тяжести союзных атак перемещался на южный фронт либо на позиции АНЗАКа, но ощутимых результатов это не дало.

Я. Гамильтон последовательно, но безуспешно провел вторую (6–8 мая) и третью битвы за Критию. В результате боев за обладание высотами Ачи-Баба с начала операции потери англо-французов достигли 50 тыс. человек.

Начиная с 25 апреля по 20 мая оба противника серьезных результатов не достигли. Англо-французы не обеспечили своему флоту возможности проникновения в Проливы хотя бы на небольшую глубину, турки же не смогли сбросить в море англо-французский десант, несмотря на введение в боевую линию присланной из Константинополя элитной 2-й пехотной

дивизии.

На море события складывались неблагоприятно для союзников: в ночь на 13 мая турецкий эскадренный миноносец «Муавенет-и-Миллет» в заливе Морто трехторпедным залпом поразил линейный корабль «Голиаф», 25 мая германская подводная лодка U-21 у Габа-Тепе потопила старый британский линейный корабль «Трайэмф», а 27 мая та же лодка в 7 часов утра у мыса Геллес потопила старый линейный корабль «Маджестик».

Постепенно боевой флот англо-французов, опасаясь германо-турецких подводных лодок, вышел из Пролива и встал на якорь на Мудросском рейде острова Лемнос. Командование флотом больше не думало о прорыве через пролив в Мраморное море и создании угрозы Константинополю — минные силы деморализовали (!) мощный линейный флот.

Таким образом, действия германо-турецких подводных лодок и миноносцев привели к тому, что вскоре у Дарданелл остались лишь старые боевые единицы англо-французского флота, к тому же тщательно охраняемые и неохотно вводимые в бой. Это сразу же сказалось на огневой поддержке сухопутных частей. Бомбардировка флотом турецких берегов (в целях совместных действий с высаженными войсками) в значительной степени потеряла свою интенсивность — атакующие Критию в июне англо-французские войска почувствовали это в полной мере.

Экспедиционный корпус, предназначенный служить поддержкой флота, остался один на скалах Седд-эль-Бара и мыса Габа-Тепе.

Германо-турки начинают охоту за транспортом союзников — 13 немецких подводных лодок в Эгейском море только с 28 сентября по 11 октября потопили 18 транспортов с войсками, боевым снаряжением и вооружением, а до конца октября эта цифра возросла до 23 судов. Это сильно ухудшило положение союзников в Галлиполи.

Десант получал огневую поддержку теперь только в светлое время суток. Транспорты разгружались не у берега Галлиполи, а в бухте острова Мудрос. Снабжение десанта из-за подводной опасности теперь осуществлялось только по ночам. И это в преддверии осенне-зимней непогоды и холодов.

Угроза коммуникациям союзников сказалась на всем ходе Дарданелльской операции.

В августе союзники предприняли последнюю решительную попытку переломить ход операции в свою пользу, в том числе и посредством новой высадки. Операция получила название августовских боев у Сувлы. Серия сражений у Сувлы считается одной из самых кровопролитных операций в английской военной истории. Еще в конце июня в Лондоне было принято

решение послать Я. Гамильтону 5 свежих союзных дивизий, что доводило число дивизий экспедиционных сил на Галлиполи до 12 (10 британских и 2 французские). С вновь прибывшими войсками под командованием Я. Гамильтона было 157 тыс. солдат, в том числе 30 тыс. французов. Численный штат всех частей, в том числе Австрийско-новозеландского корпуса и французских дивизий, был пополнен, также была пополнена и материальная часть. Вместе с тем стоит отметить, что по качеству вновь прибывшие части являлись сырыми и не могли сравниться с войсками, высаженными в апреле. Это касалось 10-й, 11-й и 13-й дивизий (составивших имеющий важную боевую задачу 9-й корпус) и 53-й и 54-й дивизий (территориальные дивизии, имевшие более слабую артиллерию из 13-фунтовых орудий).

Англо-французский флот, стоявший на рейдах Имброса и Лемноса, был в полной боевой готовности, но боязнь подводных лодок стесняла действия союзников в августе. Эта боязнь предотвратила удар по Булаирскому перешейку, хотя и не помешала союзникам высадить новый десант в бухте Анзак и бухте Сувла. Августовское наступление поддерживали 5 соединений кораблей, каждое из которых отвечало за поддержку войск в своем секторе — в общей сложности 5 линкоров, 8 крейсеров, 12 эсминцев, 16 мониторов, другие суда.

Я. Гамильтон планировал охватить от Ари-Бурну до южной оконечности бухты Сувла правый фланг турецкой армии, а для отвлечения внимания турок провести демонстрации на побережье у мыса Геллес, между мысом Геллес, Ари-Бурну и в Саросском заливе.

Во время демонстрации АНЗАК должен был атаковать турок четырьмя километрами южнее бухты Сувла, а 9-й армейский корпус генерала Ф. Стопфорда — высадиться в бухте Сувла.

Командующий рассчитывал натиском этих двух корпусов, то есть силой в 65 тыс. человек, отбросить передовые части турок и охватить правое крыло их основной группировки, обойдя с севера массив, после чего захватить в тылу у турецкой армии порт Ак-баш на Мраморном море. Наступательные задачи были поставлены и перед британскими силами на юге Галлиполи.

Английское командование решило широко использовать принцип внезапности — как оперативной, так и тактической.

Но...

6–8 августа осуществляется вторая высадка союзников — и яростные бои, продолжавшиеся по 21 августа, закончились безрезультатно. Августовская операция англичан у Сувлы обошлась обоим сторонам

примерно в 45 тыс. человек.

Потеря оперативного времени, безынициативность английского генералитета, пренебрежение к занятию господствующих высот — главные просчеты союзников в этом сражении.

Ненадлежащее взаимодействие между корпусом Стопфорда и АНЗАКом явилось важнейшей предпосылкой неуспеха союзников в августовских боях. Так, только в 4 часа 9 августа 32-я бригада начала подниматься на высоты Сагир-Анафарт, причем турки дали ей возможность отделиться от своих главных сил, после чего атаковали ее с фронта и флангов и через час уничтожили. К 6 часам утра развернулись для наступления остальные части 11-й пехотной дивизии, но турецкие контратаки отбросили их с огромными потерями. 53-я территориальная дивизия, переброшенная в Сувлу и высадившаяся ночью 9 августа, была брошена на помощь 11-й пехотной дивизии в направлении на Кучук-Анафарту, но была остановлена контрударом 12-й турецкой дивизии. Все эти уже ничего не решавшие атаки начались только 9 августа, в то время как судьбоносные бои в секторе АНЗАК произошли с 6 по 9 августа.

Турки получили великолепную возможность осаживать противника по частям.

Несмотря на полученные мощные подкрепления (2-я горная дивизия из пяти бригад, 2-я австралийская дивизия из трех бригад, четыре отдельные горные бригады) и не менее тяжелое материальное и моральное состояние турок, союзное командование начинает думать об эвакуации Галлиполи и прекращении Дарданелльской операции. И это еще один серьезный просчет.

Но эвакуация была проведена блестяще — к 18 декабря было эвакуировано 40 тыс. человек, а в 5 часов утра 9 января 1916 г. на Галлипольском полуострове не осталось ни одного солдата союзного десанта. Несмотря на полнейшую тишину и высокую степень организации эвакуации, пришлось бросить на берегу 49 полевых орудий и гаубиц, около 800 лошадей и мулов, 1600 повозок.

Для комбинированного этапа Дарданелльской кампании характерны неорганизованность взаимодействия сухопутного и морского компонентов операции, ошибки в планировании и осуществлении операций десантными силами. Так, после гибели в мае трех линкоров войска практически остались без должной огневой поддержки корабельной артиллерии крупного калибра, хотя следовало, не прекращая действий крупных кораблей, осуществить противоминные мероприятия.

Действия войск в интересах флотской операции превратились в

самостоятельные, то есть сместились причинно-следственные связи и сама цель операции.

Высадка союзных войск 25 апреля осуществлялась импровизированно, с накладками и большими потерями. Расстановка сил и выбор направления главного удара были осуществлены неверно — именно удар в секторе АНЗАКа на Чунук-баир мог позволить перехватить «бутылочное горло» Галлиполийского полуострова, отрезав путь отхода главным турецким силам на юге. Союзники же видят перспективу на юге, проводя по одному сценарию три безуспешные лобовые атаки на Критию.

Возможный успех в августовском сражении у Сувлы был парализован нераспорядительностью командования на участке решающего удара, его медлительностью и нерасторопностью. Руководство не смогло своевременно понять, что в условиях гористой местности ключевой является борьба за обладание командующими высотами — такие точки вначале были недооценены, а впоследствии сильно укреплены турками и остались в их руках. Это прежде всего горы Ачи-баба на юге Галлиполи, Чунук-баир и Анафарат в секторе АНЗАКа, хотя своевременное занятие этих высот, по мнению самих турок, давало победу союзникам. Участники боев также отмечали данный факт: «Преимущество турок заключалось в том, что все господствующие высоты они держали в своих руках»^[16].

Дарданелльская операция — одна из самых кровопролитных (военно-оперативные потери сторон составили до 50 % от численности войск, так или иначе участвовавших в ней) и дорого стоивших, но в то же время безрезультатных кампаний Первой мировой войны.

Через Дарданелльский фронт прошло до миллиона человек, более половины из них были убиты, ранены, пропали без вести, заболели. Так, общие жертвы турок на суше — 250 тыс., Антанты — более 266 тыс. человек. Несмотря на то что потери убитыми у турок (87 тыс. человек) почти вдвое превышали аналогичные потери у союзников (46,4 тыс. человек — 36,4 тыс. британцев (в том числе 1,7 тыс. индийцев и 9,7 тыс. австралийцев и новозеландцев) и 10 тыс. французов), у последних большой процент раненых и в основном заболевших отчетливо указывает как на низкий уровень руководства и степень заботливости командования Антанты в отношении своих войск, так и на специфику борьбы плохо снабжаемого десанта на непривычной местности (163 тыс. раненых и заболевших у турок, 173,3 тыс. у британцев и 46,5 тыс. у французов). На флоте прежде всего за счет гибели больших кораблей потери англо-французов значительно превышают турецкие.

Всего на море турками были потеряны линкор, эсминец, миноносец,

две канонерские лодки и минный заградитель — на них погибли 652 человека. Англо-французы лишились 6 линкоров, эсминца, 7 подводных лодок, не считая мелких судов, и 1540 человек из состава экипажей перечисленных кораблей.

Главную вину за просчеты союзников в этой операции несет высшее командование — ни в одной другой операции не был так силен личностный фактор, как в Дарданелльской, где распорядительность, решительность и быстрота реализации плана операции могли стать залогом победы.

Так, Д. А. Фишер, первый морской лорд, не одобрил форсирования Дарданелл, и его отношение к операции проходило красной нитью через весь ее ход (например, инициированный им на пороге новых тяжелых боев отзыв «Куин Элизабет»). Факт использования устаревших в основной массе линкоров при форсировании Дарданелл явился иллюстрацией взглядов на операцию со стороны высшего морского командования и боязни возможных потерь среди кораблей, составляющих главную силу британского флота.

Фельдмаршал Г. Китченер как военный министр приложил значительные усилия к организации экспедиционного корпуса, его снабжению, принял решение об эвакуации Галлиполи. Главная вина этого человека заключается в несвоевременном начале сухопутной фазы кампании (потеря двух месяцев драгоценного времени), хотя изначально была видна бесперспективность чисто морского форсирования Дарданелл. Также в Министерстве обороны при формировании экспедиционных войск Г. Китченеру не удалось должным образом согласовать стратегию, тактику и возможности материально-технического обеспечения. И, как следствие, генералу Я. Гамильтону было отказано в необходимых по количеству и качеству войсках и толковых штабных офицерах.

Вице-адмирал Карден, руководитель союзной эскадры в февральском форсировании Проливов, человек с большим опытом морской службы (в том числе на командных должностях), не смог должным образом распорядиться внушительными силами, отданными под его командование, и решительным броском справиться с поставленной задачей. Адмирал случайно оказался в Дарданеллах (до этого момента занимал должность начальника верфи на Мальте), но самое главное, как отмечали современники, он потерял веру в удачный исход операции.

Сменивший его де Робек принял решение прервать морскую операцию, когда успех практически находился у него в руках, что выглядит особенно странным. Правда, он внезапно потерял 6 из 16 крупных кораблей, но ему было известно, что экспедиционный корпус союзников

уже на подходе. При таких обстоятельствах даже если бы у него остался всего один линейный корабль, способный поставить Константинополь под удар своей артиллерии, он обязан был действовать. И совсем плохо смотрится фактическое устранение мощной союзной эскадры от поддержки войск на берегу после гибели в мае от торпед трех линкоров, хотя следовало лишь принять меры противоторпедной защиты. Де Робек сделал и то и другое (!) — принял меры и увел главные силы флота в бухту острова Мудрос.

Я. Гамильтон, центральная фигура кампании, был сведущим в военном деле человеком. Полный генерал, участник индийских кампаний, боев в Афганистане и Южной Африке, Англо-бурской войны, наблюдатель на Русско-японской войне, он, к моменту назначения его в марте 1915 г. командующим экспедиционными силами союзников в Дарданеллах, имел за плечами 42 года военного стажа. Тем более нелепо выглядят его просчеты и недостаточная оперативность и решительность в реализации боевых задач на посту командующего сухопутными войсками союзников в Галлиполи. В апрельско-майских боях (во многом решающих для всей кампании) штаб Гамильтона располагался в комфортабельных каютах «Куин Элизабет», связь же с войсками осуществлялась преимущественно через посыльных на шлюпках. Помимо морального фактора такого «командования» (войска на берегу попали в кровавую баню, а впоследствии пребывали в жаре, без воды, в то время как штабные находились в комфорте и безопасности) это нарушало принцип близости командующего к вверенным ему войскам в целях лучшей оценки оперативной обстановки и грамотного принятия решений.

Вообще в этой операции англичане прибегли к весьма нетривиальной системе управления войсками: командиры всех уровней, начиная от дивизии и выше (за редкими исключениями), отдавали приказы своим солдатам из адмиральских кают линейных кораблей — что ж, результат не замедлил сказаться. Я. Гамильтон к тому же еще до начала сражения решил не вмешиваться в ход боев до тех пор, пока его не попросят, а свою тактическую власть передал Хантер-Вестону над английскими частями на фронте мыса Геллес и Бердвуду над АНЗАКом на Габа-Тепе. Командующему следовало находиться на берегу, самому видеть происходящее и побуждать своих подчиненных к решительным действиям. Не следовало ему и мириться с явной некомпетентностью некоторых из них. Решение ряда вопросов оставляло желать лучшего: гибкое реагирование на изменение обстановки, взаимодействие войск (например, французские части во время битвы у Сувлы в августе до последнего не

знали о британской диспозиции), упорство в достижении поставленной цели.

Командующие корпусами были совершенно бесцветны. Так, Хантер-Вестон, командир 29-й пехотной дивизии и впоследствии 8-го корпуса, характеризуется как «очаровательный, но лишенный воображения человек», командующий 9-м корпусом Стопфорд получил свою должность не вследствие заслуг, а на основании принципа старшинства и никогда не был в бою. Стопфорду был шестьдесят один год, и, хотя в 1880-х гг. он побывал в Египте и Судане, а во время Англо-бурской войны служил военным секретарем при генерале Буллере, у него была репутация преподавателя военной истории, а с 1909 г. он находился в отставке и часто болел. Стопфорд, командир 9-го корпуса при Сувле, потерял драгоценное время (когда после взятия Шоколадной горы 7 августа британцы долго стоят на месте и ждут приказа, они получают, наконец, приказ Стопфорда с распоряжением... окапываться), не поддержав своевременно левого фланга частей АНЗАКа, достигших вершины Кодья-Шимендаг, что решило исход битвы.

Французский генерал д'Амада, участник североафриканских экспедиций и боев во Франции в 1914 г., отстраненный от командования вследствие отступления вверенных ему частей, имел характеристику пессимиста — очевидной причиной была гибель его сына.

На общем фоне выделяются в лучшую сторону австралийские генералы. Сосредоточив в составе АНЗАКа лучших своих солдат, Австралия и Новая Зеландия вполне могли ими гордиться: упорство в бою, одни из наиболее высоких потерь в экспедиционных силах в процентном отношении иллюстрируют боевой путь АНЗАКов. Среди командования АНЗАКа следует упомянуть прежде всего командира Бердвуда, некоторые генералы погибли (Бридж и Чевел). Из трех погибших в Дарданеллах британских генералов два, таким образом, из АНЗАКа (третий — генерал-майор Кокс из 29-й индийской бригады).

Итак, заметен дисбаланс между стратегической значимостью операции для судеб войны и определением круга людей, которые должны ее осуществлять. И это притом что оперативно-стратегическая обстановка благоприятствовала союзникам. Изначально операция была возможна уже потому, что британский флот господствовал на море. И десантная операция сулила радужные перспективы союзникам. «Если бы мы начали высадку в сотый раз, — позже писал Я. Гамильтон по поводу высадки в Сувле, — мы бы не могли надеяться встретить условия более благоприятные, чем те, которые мы нашли. Но мы не сумели ими воспользоваться».

«Никогда еще в мировой истории, — отмечал один из адмиралов, принимавших участие в операции, — флот не выходил в такую экспедицию, никогда еще такая крупная кампания не была организована так поспешно и никогда не случалось, чтобы такое предприятие было так мало обдумано в метрополии».

Операция провалилась, и Россия оказалась надолго отрезанной от союзников по Антанте. Интересно, что, как утверждает очевидец событий Мюллер, «немецкие офицеры на полуострове Галлиполи утверждали, что англичане подвели русских, т. к. весь смысл Дарданелльской кампании заключался в том, чтобы обеспечить морские коммуникации, с помощью которых можно было бы оказывать материальную поддержку военным усилиям России»^[17].

Халатное отношение военно-политического руководства и высшего союзного командования к Дарданелльской операции предопределило и соответствующий подбор исполнителей. Это, конечно, не относится к бойцам и офицерам союзных войск и флота, героически павшим в ходе важнейшей операции Первой мировой войны, но их жертвы оказались напрасными.

Глава 3. Борьба за несостоявшихся союзников — судьба Дарданелльской операции и болгарско-греческий вопрос

Как уже отмечалось, Дарданелльская операция была тесно связана с болгаро-греческим вопросом.

Греки в значительной степени подтолкнули британское командование в сторону организации операции, предоставили англо-французским военно-морским и сухопутным силам островную инфраструктуру во время ее реализации. Позиция Болгарии значительно повлияла на сроки и параметры осуществления операции.

Разумеется, союзники желали привлечь оба этих государства на сторону Антанты.

Но без урегулирования вытекающего из итогов Балканских войн болгаро-сербско-греческого конфликта это было маловероятно. Попытки его преодолеть предпринимались дипломатами Антанты в преддверии и в ходе Дарданелльской операции.

В период подготовки операции министр иностранных дел Великобритании Э. Грей 23 января 1915 г. предложил Греции за активную помощь союзной с Антантой Сербии «весьма важные территориальные приобретения в Малой Азии», заверив Болгарию, что если притязания Сербии и Греции будут удовлетворены в «других местах», болгары получают «удовлетворительные» компенсации в Македонии.

Премьер-министр Греции Э. Венизелос, назвав эти предложения «нелепыми», в двух меморандумах королю Константину — от 24 и 30 января 1915 г. — настаивал на немедленном вступлении Греции в войну: ради идеалов создания неовизантийской империи с Константинополем в качестве столицы.

Константинополь был камнем преткновения для держав Антанты — вопрос о его судьбе интересовал и Англию с Францией, и Россию, и Грецию.

Английская дипломатия У. Черчилля и Д. Ллойд-Джорджа даже во время войны была направлена против своих союзников по Антанте — России (прямо) и Франции (косвенно), но острый конфликт между союзниками был чреват победой Германии, и его до поры до времени британцы старались избегать, используя в качестве разменной монеты

интересы балканских государств.

По своей сути это был конфликт между западными державами и Россией — закономерный и неизбежный, впервые во время Первой мировой войны отчетливо проявившийся при выборе дальнейшей судьбы Османской империи, которая имела две альтернативы: произойдет ли интернационализация Константинополя и Проливов или они перейдут (вместе со сконцентрированными в этом регионе экономическими, военными и политическими интересами Англии и Франции) под власть России.

Наряду с конфликтом Англии и Франции с Россией присутствовал и конфликт Англии с Францией, ярко проявившийся после победы «западных демократий» над «германским милитаризмом» (он был отголоском десятилетий предшествующей конкуренции между этими странами в Европе и мире).

Необходимо отметить, что если дипломаты Франции на Балканах (в большей степени) и в Константинополе (в меньшей степени) достаточно давно привыкли ориентироваться на русскую политику, то для английских дипломатов сам факт русско-английского сближения был очень непривычным и побуждал их к сохранению собственных, как правило, антирусских контактов с политическими кругами балканских государств.

Удельный вес держав Антанты в разных балканских государствах был далеко не одинаков. Из трех традиционных держав-покровительниц Греции — Англии, Франции и России — две первые хотя объективно и сыграли меньшую роль, чем Россия, в достижении Грецией независимости, но по причинам географическим, экономическим и иным имели в Греции доминирующее положение, что сказалось и на позициях Ближнего Востока в эпоху Первой мировой войны. Сербия мало привлекала Англию, в то время как Франция интересовалась Сербией только с точки зрения займов и заказов французского вооружения. Болгария же еще с 80–90-х гг. XIX в. была ареной борьбы не только русского и австрийского, но и русского и английского влияния — этой балканской стране, по мнению политиков Европы, отводилась ведущая роль на полуострове.

Таким образом, традиционная разнородность, если не враждебность английской и русской политики, проявилась именно в Болгарии и Греции, тем более что Сербия уже участвовала в войне. И это было крайне некстати в преддверии такой судьбоносной операции, как Дарданелльская.

Обе державы понимали значение балканского театра военных действий. Обе считали наиболее желательным восстановление Балканского союза, направленного, с точки зрения России, прежде всего против

Австрии, а с точки зрения Англии — не только против Германии и Австрии, но и против Турции (а в перспективе и против России).

Но, конкурируя между собой, союзники утратили, в частности в Болгарии, заметную долю своего влияния и находились в этой стране в менее благоприятных условиях, чем Германия и Австрия.

Другим моментом, предопределявшим глухую борьбу России и Англии (в которой Франция принимала участие на стороне Англии), был вопрос о Константинополе и судьбе Османской империи.

Францию Константинополь интересовал больше, чем Проливы. Ее волновала не столько проблема Проливов в узком смысле, то есть право России беспрепятственно проводить через Проливы свои суда, сколько защита Константинополя (где имелись значительные французские интересы) как от русского, так и от английского засилья.

Англия, напротив, могла отнестись более равнодушно к Константинополю, чем к Проливам, хотя вопрос о Проливах не принадлежал к числу первостепенно затрагивающих ее интересы, но это не означало, что она (как владычица морей и колониальный доминион того времени) была готова созерцать воцарение в Проливах России, получавшей возможность свободного выхода ее флота из Черного моря.

По мнению англичан, на роль враждебного России «привратника Черного моря» вместо разлагающейся Турции лучше всего годились болгары — наиболее крепкая, энергичная и жизнеспособная нация балканского полуострова.

Но несдержанная политика правительства болгарского царя Фердинанда возложила на Болгарию ответственность за межсоюзническую Вторую Балканскую войну и этим рассредоточила внимание английских политиков между Грецией и Болгарией, тем более что Греция была и морской державой восточного Средиземноморья, особенно полезной в период проведения Дарданелльской операции.

Поэтому Греция, имевшая флот и мечтавшая о захвате Галлиполийского полуострова, и Болгария, имевшая самую сильную армию на Балканах, были желанными союзниками Антанты.

Русская дипломатия считала, что содействие Болгарии, причем независимо от исхода войны, может быть обеспечено передачей этому государству македонских территорий Иштиба и Кочан (до Варадара), а в случае победоносной войны Болгария получает так называемую спорную территорию, предусмотренную 2-й статьей тайного приложения Сербоболгарского договора от 29 февраля 1912 г., — от вершины Голема, севернее Кривой Паланки, до Охридского озера (с включением Струги).

Сербия должна была гарантировать эти положения.

Но греки и сербы воспротивились территориальным уступкам Болгарии.

Еще 1 сентября 1914 г. премьер-министр Сербии Н. Пашич категорически отказался от каких-либо подвижек, до тех пор пока державы Антанты не гарантируют Сербии «сербско-хорватских земель с прилегающим к ним побережьем», что на данной стадии войны было явно невозможно — как исходя из сложившейся обстановки на фронтах, так и вследствие опасности оттолкнуть Италию от Антанты предоставлением Сербии Фиуме и Далмации.

Британский МИД считал, что державы Антанты должны ограничиться лишь указанием на желательность компенсаций в пользу Болгарии, предоставив балканским государствам самим (путем взаимных переговоров) определить их размер. Очевидно, что рассчитывать на добровольные уступки со стороны Сербии было невозможно. По отношению к Греции Э. Грей заявил о гарантиях против нападения на нее Болгарии, не отдавая себе отчета в том, что успокоенное подобными заверениями греческое правительство тем более не хотело идти навстречу требованиям Болгарии.

Таким образом, по мнению С. Д. Сазонова, Англия была в значительной степени ответственна за такой исход переговоров: «Имея войну против Германии и Австрии, мы не можем не стремиться избежать столкновения с Турцией и Болгарией из-за безрассудства Греции, опирающейся на попустительство англичан».

Такая ситуация сложилась в преддверии штурма Проливов — союзники не смогли даже дипломатически подготовить эту операцию.

О том, как виделась политическая конъюнктура в случае начала штурма Дарданелл, свидетельствуют четыре соображения У. Черчилля, которые были им приняты в расчет при подготовке операции:

1) появление английского флота перед Константинополем вызовет восстание греческого и армянского населения Турции и движение среди самих мусульман против младотурецкого правительства;

2) начинается «неминуемое» движение болгар на Адрианополь;

3) Россия сочтет себя вынужденной, как бы ни была тяжела обстановка на австро-германском фронте, принять участие в водворении креста над храмом Св. Софии — и тем самым поможет Англии довершить дело захвата Проливов и Константинополя (в то же время не имея достаточных сил, чтобы самой занять здесь доминирующее положение);

4) в случае падения турецких фортов в Дарданеллах Греция

присоединится к Антанте, передавая свои вооруженные силы в распоряжение англичан.

Конечно, в значительной степени это был не политический расчет, а мечты британской политики об идеальном развитии ситуации.

Последняя посылка содержит в себе ключ к пониманию сути Дарданелльской операции в ее ранней фазе. Найденные Г. Китченером после закрытия александреттской темы «свободные» войска, используемые в качестве десанта, должны были оказать «нравственное воздействие» на Грецию и вовлечь ее в операцию.

Именно приобретение такого выгодного геополитического союзника, как Греция, было важнейшей целью операции-демонстрации у Дарданелл для англичан.

Следовательно, первоначально суть Дарданелльской операции мыслилась в овладении Грецией при поддержке Англии Проливами и Константинополем (с интернационализацией последнего), в то время как Англия, осуществляя демонстрацию и поддерживая греков в Проливах, получала контроль над нефтяными районами Ближнего Востока (александреттская операция).

Итак, Дарданелльская операция фактически проводилась против России, точнее — против установления ее владычества в Проливах.

Этим объясняется и внезапный перелом в настроении Э. Венизелоса, когда он уже 24 января 1915 г. страстно доказывал королю, что Греции следует немедленно принять участие в войне и не только не противодействовать (ради привлечения к делу Болгарии) сербским уступкам в Македонии, но и самой добровольно отказаться от Кавалы. Его меморандум, представленный королю 30 января, был посвящен территориальным приобретениям в Малой Азии и надежде, что территория Греции в перспективе будет удвоена.

В то же время С. Д. Сазонов сообщил англичанам, что Россия не будет препятствовать оккупации Галлиполи Грецией, но при условии, что французское и британское правительства примут меры к тому, чтобы Греция не препятствовала русской политике и русским интересам в вопросе о Проливах. Русская оговорка, поддержанная Францией, весьма разочаровала греческое правительство.

Переговоры Англии, Франции и России в Афинах 14 февраля, имевшие целью простимулировать Грецию выступить на помощь Сербии (в связи с отправкой туда двух союзных дивизий, будто бы страхующих ее против нападения со стороны Болгарии), показывали, что от теории двукратного увеличения территории до практического оформления

приобретений — огромная дистанция, а без согласия России, не желавшей допустить греков в Константинополь, но готовой втянуть ее вооруженные силы в борьбу с Австрией, решить вопрос не удастся. В итоге Э. Венизелос ответил отказом на вступление Греции в войну — и этот отказ, как было заявлено, будет действовать до тех пор, пока Антанте не удастся привлечь на свою сторону Румынию. Греческий премьер назвал вступление Греции в войну на указанных союзниками условиях «актом безумия».

О значении Балканского полуострова для дела Антанты говорят следующие мысли, изложенные на заседании британского Военного совета 26 февраля 1915 г. с рассмотрением роли основных театров военных действий, сложившихся к этому моменту.

1. Россия. Не следует ожидать, что Россия в течение предстоящих месяцев сможет с успехом вторгнуться в Германию. Однако можно рассчитывать на то, что она свяжет и задержит весьма значительные германские силы на своем фронте. Нет оснований предполагать, что Германия сможет в какой-либо срок перебросить на Запад около 1 миллиона бойцов, нужных ей против России.

2. Англо-французские позиции на Французском фронте весьма сильны и не могут быть подвергнуты обходному движению. Союзные позиции и силы во Франции несравненно более значительны, чем в начале войны. Поэтому союзники должны приветствовать всякое германское наступление самого крупного масштаба. Шансы отражения его будут благоприятными, но даже если потребовалось бы отступление на другие позиции, более крупные потери германцев, чем у союзников, представляли бы хорошую компенсацию. При этом на этот результат не могли бы оказать решительного влияния четыре или пять британских дивизий.

3. Решительным и единственным пунктом, где возможно захватить и сохранить инициативу, является Балканский полуостров. При условии соответствующего взаимодействия сухопутных и морских сил и при имеющихся силах присутствует уверенность, что удастся захватить Константинополь в конце марта 1915 г. и уничтожить турецкие силы в Европе (за исключением находящихся в Адрианополе). Этот удар может быть нанесен раньше, чем проявится судьба Сербии. Его успех мог бы иметь принципиальное влияние на обстановку на Балканах. Турция могла быть уничтожена как военная сила.

Союзники также отмечали, что необходимые для операции войска могут быть сконцентрированы у Булаирского перевалка (на Галлиполийском полуострове) к 21 марта 1915 г. Если морская операция не приведет к успеху, они могут быть использованы на Галлиполийском

полуострове для обеспечения продвижения флота. Как только Дарданеллы будут открыты, эти войска смогут: а) оперировать у Константинополя; б) если Болгария выступит на стороне Антанты и решит занять территорию до линии Энос — Мидия, они смогут пройти через Болгарию на помощь Сербии; в) если Болгария сохранит дружественный нейтралитет, но Греция вступит в войну, они смогут продвинуться через Салоники на помощь Сербии.

Причем на этом этапе Э. Венизелос, опасавшийся, что Англия найдет необходимую ей точку опоры для реализации Дарданелльской операции в Болгарии, 1 марта предложил отправить к Дарданеллам три греческие дивизии.

После очередных англо-греческих переговоров британцы, заинтересованные в поддержке греками (после русского демарша потерявших интерес к операции) своего флота, предложили им в качестве возможного варианта будущей судьбы Константинополя принцип интернационализации.

Фактически речь шла об интернационализации целого государства, контролируемого державами-победительницами. Грекам делался прозрачный намек на возможность появления греческого принца в роли Верховного комиссара в интернационализированном Константинополе.

Но 2 марта 1915 г. ушатом холодной воды на головы греков (и не только одних греков) стала фраза С. Д. Сазонова, что «ни при каких условиях мы не можем допустить участие греческих войск во вступлении союзных войск в Константинополь».

Э. Грей обратил внимание русского коллеги на важность форсирования Дарданелл для воздействия на все балканские государства и заметил, что Адмиралтейство по техническим соображениям придает большое значение греческому флоту, заявив при этом, что «препятствовать Греции означало бы сильно замедлять события».

5 марта состоялось очередное заседание греческого совета, на котором размер греческого десантного отряда был снижен с трех до одной дивизии. Также было отмечено, что планов на Константинополь Греция не имеет и греческие войска, вступившие в Османскую столицу, ее покинут, ограничившись посещением храма Св. Софии.

В итоге С. Д. Сазонов 6 марта заявил британскому послу в России Д. Бьюкенену о позиции императора (что он ни при каких обстоятельствах не даст своего согласия на какие-либо морские или сухопутные операции вооруженных сил Греции в районе Проливов). Россия соглашалась допустить проведение греками военных операций в районе Смирны, но это

согласие сопровождалось четырьмя достаточно тяжелыми для Греции условиями:

1) чтобы Греция сама предложила свою помощь в Дарданелльской операции, а не была приглашена Антантой;

2) каковы бы ни были результаты операции в Проливах, Греция не получит никаких территориальных компенсаций ни в южной Фракии, ни вблизи Проливов;

3) военные действия греческой армии должны быть ограничены теми местностями, которые будут установлены союзным командованием;

4) греческая армия ни при каких обстоятельствах не должна вступить в Константинополь.

В ответ на это король Греции отказался одобрить инициативы Э. Венизелоса, отправив его в отставку.

С. Д. Сазонов 7 марта через посла передал греческому правительству информацию, что Россия не может допустить, чтобы судьба Константинополя и Проливов была решена иначе, как «в полном соответствии с жизненными стремлениями русского народа», а Греция за участие в войне с Турцией будет «широко вознаграждена в Малой Азии, но отнюдь не в области, безраздельное господство над которой необходимо для обеспечения нашего права на выход к свободному морю».

Новое греческое правительство, со своей стороны, окутало свою внешнюю политику (при помощи обычной ссылки на угрожающую Греции от Болгарии опасность) полуобещаниями, обусловленными заботой как о неприкосновенности греческой территории, так и о защите «прав эллинизма», сохранив при этом враждебное отношение к русским притязаниям на Константинополь.

Таким образом, мы видим, что Россия сделала все, чтобы не допустить участия братской православной Греции в Дарданелльской операции, и это значительно повлияло как на характер, так и на ход штурма Проливов. Камнем преткновения стал Константинополь, на который, кстати говоря, греки имели больше права, чем любой из участников операции.

Более того, в течение Дарданелльской операции Россия бдительно следила за судьбой островов, расположенных у западного входа в Дарданеллы. Попытка греков объявить об аннексии Имброса и Тенедоса, а также Кастелоризо и Северного Эпира, потерпела неудачу.

После того как выяснились последствия неудачи морского штурма Дарданелл 18 марта, английское правительство вновь вернулось к мысли об участии Греции в операции и осуществило давление на С. Д. Сазонова, чтобы заставить его отказаться от непримиримой позиции, занятой в начале

марта.

И русский МИД пошел навстречу пожеланиям союзников. Русская сторона подтвердила возможность территориальных приобретений Греции в районе Смирны, и греческий кабинет министров указал на два альтернативных предварительных условия для отказа Греции от нейтралитета: для этого требовалось либо присоединение Болгарии к Антанте, либо «формальное обязательство» держав, гарантирующее Греции неприкосновенность ее континентальной и островной территории, включая Северный Эпир.

Тем самым Греция вступала в антигерманскую коалицию, что исключало возможность каких-либо территориальных уступок за счет ее территории Болгарии, если только она сама не была бы инициатором этого. Наряду с Северным Эпиром Греция приобретала и желаемые ею острова.

В дальнейшем в содержание этого акта были включены:

- 1) территориальные уступки, которые будут сделаны Греции в Малой Азии;
- 2) территориальные и другие компенсации, которые державы предоставляют Греции для охраны прав и интересов эллинизма;
- 3) финансовые льготы и льготы в сфере военного снабжения.

За такой договор Греция соглашалась открыть военные действия против Турции, целью которых было уничтожение Турецкой империи, и взаимодействовать с союзными войсками на суше и на море. Было уточнено, что в случае если Болгария будет оставаться нейтральной, сфера действий греческой армии не будет вынесена за пределы европейской Турции.

Вспомнили греки и о Константинополе.

Так, принц Георгий, прибывший из Парижа, заявил, что приложит все усилия, чтобы восторжествовала идея интернационализации Константинополя, и намекнул на желательность вступления греческих войск в турецкую столицу. Этим дело не ограничилось: британский посланник в Греции известил Э. Грея, что в число условий греческого участия в войне входят интернационализация Константинополя, вступление короля во главе греческих войск в Константинополь, а также уступка Кипра.

Очевидно, что в данном случае присутствовал коварный расчет французского правительства, отстаивавшего первостепенное значение боевых действий против Германии и неохотно решившегося принять серьезное участие в Дарданелльской операции — не допустить чрезмерного укрепления Англии на Ближнем Востоке. Демарш с участием

принца Георгия был рассчитан на то, чтобы парализовать дальнейшее расширение Дарданелльской операции. Соответственно, под влиянием французов и были предложены нежелательные как для России (интернационализация Константинополя), так и для Англии (уступка Кипра) условия.

Наиболее опасной для англичан была не уступка Кипра, а усиление французского влияния на греческую политику, которое грозило перемешать британские карты.

В свою очередь, желая сравнить русских с французами и греками, Э. Грей сообщал русским коллегам, что греческий принц считает существенным, чтобы Константинополь был занят вооруженными силами Англии, Франции и Греции, до того как русские войска смогут вступить в него, поскольку он опасается, что если русские войдут в город первыми, то не пустят туда других союзников.

Возбудив подозрения России против Греции, французская дипломатия признала свое дело сделанным и дезавуировала заявления принца Георгия. 19 апреля посол Франции в России М. Палеолог уведомил С. Д. Сазонова о том, что:

1) нецелесообразно гарантировать Греции на длительное время неприкосновенность ее территории, ибо это исключает возможность привлечь к участию в войне Болгарию, с которой в это время также велись переговоры;

2) невозможно объявить, что уничтожение Оттоманской империи является конечной целью войны, в которой Греция приняла бы участие;

3) невозможно допустить, чтобы Греция сама определила как территорию, где может быть использована ее армия, так и условия начала военных действий.

Цель была достигнута — во время дележа шкуры неубитого медведя, благополучно играя на русско-греческих противоречиях, англичане с одной стороны и французы с другой сделали все, чтобы Проливы и Константинополь не вернулись в православные руки.

В итоге С. Д. Сазонову оставалось, к удовольствию англо-французских «партнеров», которые своими «уступками» приобретали новые права на «благодарность России», ломиться в открытые двери и взять на себя ответственность в отклонении греческой помощи, причем незадолго до тяжелых неудач русской армии на австро-германском фронте.

20 апреля С. Д. Сазонов высказал убеждение, что не может быть и речи о переговорах между союзниками и Грецией. Великий князь Николай Николаевич также сообщил министру, что считает с военной точки зрения

(!) крайне желательным избежать совместного с греческими войсками вступления в Константинополь.

Грекам было заявлено, что судьба Константинополя «окончательно решена союзниками» и никаких изменений в этом отношении быть не может, вступление греческого отряда в Константинополь и тем более во главе с королем Константином недопустимо, а уступка Греции Кипра нежелательна не только с точки зрения Англии, но и с точки зрения России, потому как она «обеспечила бы Греции преобладающее положение в восточной части Средиземного моря (!)».

Вопрос об участии Греции в Дарданелльской операции окончательно отпал.

По мере того как на пути реализации Дарданелльской операции вставали преграды, а перспективы на привлечение к ней Греции становились вследствие позиции России все менее благоприятными, английский кабинет стал усиленно интересоваться болгарским вопросом.

Уклончивая позиция, занятая Э. Греем в августе 1914 г. по отношению к попытке С. Д. Сазонова привлечь Болгарию на сторону Антанты путем обеспечения ей серьезных компенсаций со стороны Сербии, Греции, Румынии и обещания ей восточной Фракии до линии Энос — Мидия, объяснялась как нежеланием британцев содействовать воссозданию Балканского союза под эгидой России, так и надеждами на участие в Дарданелльской операции Греции.

Отношение правящих кругов Греции к Болгарии и территориальным уступкам в ее пользу в области Эгейского и Мраморного морей протекало в духе старой вражды к опасному конкуренту. Более того, Греция всеми силами старалась удержать от уступок Болгарии и сербское правительство.

Получался замкнутый круг, в котором Греция и Болгария были связаны как сообщающиеся сосуды — друг с другом, с судьбой Балканского фронта и Дарданелльской операции.

Этим во многом предreshалось отношение держав Антанты к Болгарии, которое в феврале 1915 г. привело к получению Болгарией займа не в Париже, а в Берлине.

Когда после неудачи у Дарданелл 18 марта в Лондоне вновь попытались привлечь Болгарию на свою сторону, шансов уже оставалось мало.

С момента обретения независимости от турецкого владычества Болгария стала ареной напряженной борьбы ведущих держав за влияние на Балканах. В 80-х гг. XIX в. это была борьба между Россией с одной стороны, и Австрией и Англией, к которым вскоре примкнула Италия, с

другой стороны. Германия пока воздерживалась от активного участия в болгарском вопросе. Первым проявлением интереса к Болгарии в германской политике явился отказ в 1890 г. от возобновления русско-германского секретного договора от 18 июня 1887 г., одним из основных положений которого являлось признание Германией законности преобладающего и решающего влияния России в Болгарии и Восточной Румелии. С превращением железнодорожных концессий Германии в обширную багдадскую концессию (1899) в России поняли, что Германия, опираясь на мощь своей торговли и промышленности и быстрый рост финансового капитала, вступает на путь борьбы за политическое влияние на Оттоманскую империю, а вместе с тем и за влияние на Болгарию. С появлением на болгарской арене Германии усилился интерес к болгарским делам и Франции.

В это же время стремительно рос удельный вес Болгарии на Балканском полуострове — как в военном, так и экономическом аспекте — по сравнению с Сербией и Румынией.

Политическая игра европейских держав в Софии отразилась на характере политической жизни болгарского общества, постоянно осложняя острую борьбу за власть многочисленных болгарских партий примесью внешнеполитических соображений, отравлявших развитие политической жизни страны. Интерес болгарского общества к международной борьбе подогревал и тот факт, что вследствие пересмотра Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе 1878 г. (приведшего к своего рода разделу Болгарии) основным в национальной жизни страны оставался вопрос о «собрании» частей болгарского народа в одно целое.

События 1908–1909 гг. и 1912–1913 гг. продемонстрировали, что державы Антанты перед лицом категорического протеста Германии не решатся настоять на предоставлении Сербии выхода к Адриатическому морю, который ослабил бы ее движение в сторону Македонии и Салоник. Именно это обстоятельство, вновь направившее усиленное внимание Сербии в сторону спорной Македонии, привело к союзнической войне между Болгарией и Сербией и Бухарестскому миру, фактически лишившему Болгарию кроме македонских областей еще другого, высоко ценимого ею приобретения — Адрианополя, вновь отошедшего к Турции. В Болгарии, естественно, не могли примириться ни с исходом 2-й Балканской войны, ни с жестким непониманием прав страны, исходящих прежде всего от стран Антанты. В частности, впечатление от одобрения Россией предательского, с болгарской точки зрения, удара Румынией в тыл болгарской армии (одобрения, нашедшего отражение в даровании королю

Карлу Румынскому русского фельдмаршальского жезла и в принятии Николаем II звания шефа Румынского полка, который первым вступил в 1913 г. на болгарскую территорию) было крайне тяжелым. Создавалось впечатление, что Россия охотно выкинула за борт своей политики Болгарию, чтобы не допустить чрезмерного ее усиления, способного угрожать Константинополю.

Экономические отношения в большей степени связывали Болгарию с Австрией и Германией, в то время как ее экономическая связь с Францией, Англией и особенно с Россией была весьма слаба. Это, как и блестящее развитие Германии в довоенные годы, привлекало усиленный интерес болгар к культурной жизни Германии и Австрии, в высших учебных заведениях которых число болгарских студентов росло с каждым годом.

С другой стороны, имелись и две причины, не благоприятствовавшие в начале войны повороту Болгарии в сторону Германии и Австрии. Они заключались в стремлении Австрии к захвату (через Сербию) Македонии и Салоник, то есть к господству на Балканах, и в не менее явном стремлении Германии занять доминирующее положение в одряхлевшей Оттоманской империи (из чего вытекала желательность для германцев сохранить за Турцией не только Константинополь, но и значительную часть Фракии). В результате в начале войны Болгария заняла выжидательную позицию. Вывести ее из этого положения могли только конкретные и осязаемые выгоды либо такой ход войны, который убедил бы ее правительство в неминуемой победе одной из сторон.

Ближе всего к пониманию важности участия Болгарии в войне была Россия, заинтересованная в том, чтобы отвлечь как можно большие силы Австрии с Русского на Сербский фронт и обезопасить себя от возможного удара Румынии. Но попытка С. Д. Сазонова добиться этого результата потерпела, как мы отметили, неудачу, прежде всего из-за сопротивления Э. Грея и поддержанного им упрямства Сербии и Греции.

Вступление Турции в войну сразу осложнило вопрос и привело к новым переговорам между Россией и Болгарией — известие о русско-турецкой войне вызвало в Софии большое возбуждение. Наиболее влиятельные оппозиционные партии (демократы, народники, радикалы) высказались за присоединение Болгарии к Антанте. К этому склонялись даже русофобские круги, один из представителей которых (бывший помощник главнокомандующего болгарской армией во 2-й Балканской войне 1913 г. генерал М. Савов) сформулировал условия вступления его страны в войну на стороне Антанты, сводившиеся к тому, что Россия гарантирует Болгарию:

1) Македонию в соответствии с договором 1912 г. и границу Мидия — Энос;

2) безопасность тыла со стороны Румынии;

3) безопасность черноморских берегов;

4) самостоятельность болгарских войск.

С. Д. Сазонов, осведомленный о настроении в Софии, сообщил, что помощь Болгарии в войне с Турцией обеспечивает ей «наше согласие» (но не гарантию!) на приобретение Фракии по линии Энос — Мидия, содействие же на Австрийском фронте в районе действий сербских войск обеспечило бы Болгарии в случае победоносной войны территориальные компенсации на базе договора 1912 г. Безопасность болгарского побережья, по мнению русского министра, могла быть достигнута путем разрешения русскому флоту пользоваться г. Бургасом и его гаванью как базой для действий против Турции.

Комментарии, как говорится, излишни. Вместо того чтобы использовать любую возможность приобретения любых союзников в стратегическом регионе Европы (неважно, под каким соусом), русская дипломатия отталкивала потенциальных союзников.

Таким образом, готовность Болгарии в наиболее ответственный момент войны выступить плечом к плечу с Россией против Турции при условии гарантирования Болгарии компенсаций не столько за счет Турции, сколько за счет Сербии, столкнулась со стремлением России использовать болгар на более важном для нее с военной точки зрения, чем турецкий (!), Австрийском фронте (!) и опять же — с нежеланием допустить болгар не только в Константинополь, но и в Адрианополь.

Причем болгары, не претендуя на Константинополь и прекрасно понимая русские намерения, в отличие от греков, были противниками интернационализации Константинополя.

Новые переговоры держав Антанты с Сербией и Грецией об уступках Болгарии не дали результатов.

Успешный (до 18 марта) ход Дарданелльской операции произвел в балканских столицах немалое впечатление, но в Лондоне прекрасно понимали необходимость сухопутной операции, в связи с чем на фоне провала надежд на греческий десант появился интерес к участию болгарской армии в этих событиях. 4 марта 1915 г. Д. Ллойд-Джордж в беседе с болгарским премьер-министром В. Радославовым вновь пытался склонить Болгарию на сторону Антанты.

Говоря с уверенностью о громадных силах — 500 тыс. солдат, которые Антанта через шесть недель отправит в Турцию, «если сочтет это

необходимым», о присоединении к союзникам Италии, о том, что через три недели начнется бомбардировка Смирны греками и Румыния последует примеру Греции, Д. Ллойд-Джордж убеждал собеседника в необходимости немедленного вступления и войны Болгарии. За это Антанта гарантирует ей:

1) Македонию в пределах договора 1912 г. вплоть до Битолы и Охриды;

2) утраченную в 1913 г. часть Добруджи;

3) Фракию до линии Энос — Мидия.

Единственный пункт, в котором Д. Ллойд-Джордж оказался несговорчивым, это вопрос, касавшийся уступок Греции. Опасаясь возможной отставки Э. Венизелоса в случае постановки вопроса об отказе от Кавалы, Д. Ллойд-Джордж ограничился туманными фразами о том, что Антанта не дала Греции обязательств не настаивать на уступке Кавалы. Однако эта территория могла бы отойти к Болгарии, если вопрос о Битоле будет решен в пользу Греции, которой за Кавалу обещан район Смирны. Действовать болгарская сотысячная армия должна была в восточной Фракии.

Падение кабинета Э. Венизелоса через три дня после этой беседы еще сильнее запутало ситуацию, а в Болгарии увидели трудности, с которыми столкнулись англо-французы при форсировании Дарданелл. В то же время предложения Д. Ллойд-Джорджа не получили официального подтверждения со стороны представителей Антанты, а Россия загадочно молчала.

Показателен любопытный разговор английского генерала Пэджета, находившегося в Софии 16–17 марта 1915 г., с королем Фердинандом. Король заявил, что линия Энос — Мидия не настолько сама по себе интересует Болгарию, чтобы из-за этого воевать с Турцией. Генерал спросил: «А Константинополь?» «Мы туда придем, чтобы уйти», — возразил король. На что Пэджет заявил: может так случиться, что вы там и останетесь, ведь мы с Францией можем не всегда оставаться союзниками России, и тогда для нас будет лучше, чтобы в Константинополе были вы.

В данном случае вновь имеет место двойная закулисная игра «союзников» России с перспективными балканскими союзниками. Налицо и истинное отношение их к нашему государству.

Но молчание Петрограда не означало, что там перестали интересоваться вопросом об отношении Болгарии к войне. На другой день после того, как было решено направить русский десант к Босфору (2 марта 1915 г.), Верховный главнокомандующий предложил С. Д. Сазонову

«употребить все безусловно возможные средства», чтобы заставить Болгарию дать свое согласие на использование русским флотом гавани г. Бургас. Вечером того же дня на совещании трех министров — иностранных дел С. Д. Сазонова, военного генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова и морского адмирала И. К. Григоровича — С. Д. Сазонов заявил, что считает обращение к Болгарии за соответствующим разрешением крайне нежелательным, поскольку это потребует крупных компенсаций, а переговоры будут длительными и станут известными противнику, что затянет операцию.

Было признано предпочтительным овладеть Бургасом без разрешения Болгарии (нейтральной на тот момент страны!), для чего флот входит на бургасский рейд, тралит его и остается в гавани, а Бургас превращается в промежуточную базу Черноморского флота.

Отмечалось, что овладеть Бургасом путем открытого насилия все же невыгодно в политическом отношении и желательно обойтись без этого. Обсуждался вопрос о других коммуникационных базах и о том, что предпочтительнее: занять силой Бургас и этим вызвать осложнения с Болгарией или же захватить Зонгулдак или Эрегли на малоазиатском либо Инаду на европейском побережье Турции. Было запрошено мнение командования Черноморским флотом.

4 марта командующий Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард весьма резонно ответил, что вопрос о том, каким образом занять Бургас, относится к компетенции правительства, которое должно решить — нарушить ли нейтралитет Болгарии или нет, но с военной же точки зрения лучше Бургаса базы для флота не существует.

Во всеподданнейшей записке от 5 марта С. Д. Сазонова Николаю II отразилась вся безнадежность позиции России по отношению к Болгарии. С одной стороны, просьба к болгарскому правительству о согласии на использование Бургаса как базы русского флота представляется затруднительной, так как «наше достоинство не позволяет нам подвергнуться возможности получения от Болгарии даже уклончивого ответа, под предлогом необходимости для нее придерживаться и впредь нейтралитета». С другой стороны, «занятие Бургаса без предварительного уговора связано с серьезными последствиями, потому что будет истолковано болгарским правительством как посягательство на его независимость», а в этом отношении российское правительство еще в 80–90 гг. XIX в. имело возможность убедиться в щепетильности не только правительства, но и общественного мнения Болгарии.

В итоге вопрос о Бургасе закрывался, и высказывалось мнение, что

«было бы предпочтительнее, чтобы адмирал Эбергард нашел возможным грузиться углем в портах Анатолии». Император поддержал этот подход.

Вынужденная считаться с высочайшей волей, Ставка на этом не успокоилась. Она запросила С. Д. Сазонова о том, каков срок, допущенный правилами нейтралитета для стоянки в болгарских портах военных кораблей воюющих держав. Высказывалась надежда, что удастся добиться от Болгарии продления этого срока сверх обычного (установленного 2-й Гаагской конференцией 1907 г.) 24-часового срока.

Верховный главнокомандующий сообщил министру, что, мирясь с невозможностью пользоваться Бургасом как базой для военного флота, необходимо по крайней мере обеспечить нашим судам возможность грузиться в этом порту углем в рамках предусмотренного международным правом 24-часового срока стоянки в нейтральном порту судов воюющих держав. Поэтому желательно безотлагательно предупредить болгарское правительство о том, «что мы намерены воспользоваться предоставленным нам несомненным правом и рассчитываем на корректное отношение к нам болгар». Причем отмечалось, что всякая отговорка, например ссылка на существование минного заграждения и на отсутствие лоцманов для ввода судна в порт, будет сочтена за недружелюбный акт.

Великий князь подчеркивал, что вопросу о пользовании Бургасом придается «для успешного действия нашего флота у Босфора» решающее значение, в то время как другие порты и стоянки отвергаются.

После поездки Николая II в Ставку дискуссия о Бургасе имела продолжение.

19 марта (на другой день после роковой для Дарданелльской операции неудачи англо-французского флота) начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич обратился к С. Д. Сазонову с письмом, в котором вновь говорилось о Бургасе. Адмирал А. А. Эбергард высказался о невозможности реализовать Босфорскую операцию, не базируясь на Бургасе, и Николай II вновь указал на необходимость обсудить эту проблему. Император признал «крайне желательным поставить вопрос нашим союзникам, что, т. к. они признают необходимым наше одновременное содействие в овладении Босфором и Константинополем, то как бы они посмотрели на занятие нами Бургаса как промежуточной базы для флота и десанта даже вопреки согласию (но без всякого вооруженного с нею столкновения). В этом отношении мы могли бы действовать лишь в согласии с нашими союзниками». С. Д. Сазонову ставилась задача в кратчайшие сроки выяснить точки зрения союзных правительств по данному поводу.

Как и следовало ожидать, Э. Грей считал, что занятие Бургаса без согласия Болгарии было бы, особенно после 18 марта, серьезной политической ошибкой, которая может привести к губительным последствиям, и поручил Д. Бьюкенену повторить С. Д. Сазонову возражения английского правительства против такой операции в письменной форме.

Ставка пошла на попятную, и 28 марта Бьюкенен мог сообщить Э. Грею, что великий князь разделяет английские возражения политического характера против занятия Бургаса без согласия Болгарии.

Ни в России, ни в Англии не отдавали себе отчета в значении для Болгарии событий этих недель — сначала успеха, а затем неудачи Дарданелльской операции. Русская контрразведка сообщала об одном любопытном документе от 27 марта, в котором болгарское правительство решило отказать Антанте, а особенно России, даже в той помощи, которую Греция оказывала Франции и Англии. Ни в России, ни в Англии тогда не поняли, что весы болгарской политики склонялись на сторону Тройственного союза.

В Англии в это время усиливалось убеждение, что Дарданелльская операция после 18 марта обречена без содействия болгар на неудачу.

3 апреля британский военный агент объяснял трем дипломатическим представителям Антанты в Афинах, что из всех планов высадки десанта высадка в находившемся в руках болгар г. Дедеагач наиболее перспективна и позволит избежать десанта на укрепленном турками Галлиполийском полуострове.

Болгарский нейтралитет было решено сохранять, о чем Э. Грей сообщил Д. Бьюкенену 9 апреля.

Таким образом, вопрос о занятии двух болгарских портов — Бургаса и Дедеагача — связывался с доброй волей болгарского правительства. И это несмотря на то, что Николай II в резолюции на телеграмме от 14 апреля констатировал, что Бургас нужен как последний этап на пути к Босфору.

В целом русская политика по отношению как к грекам, так и к болгарам в марте-апреле 1915 г. стремилась, максимально используя потенциал балканских стран, спасти Константинополь и Проливы от захвата их ближайшими балканскими соседями — орудиями в руках Англии, которой требовалось создать объективные условия, ведущие к интернационализации района Проливов.

Дальнейшая борьба за балканских союзников находилась под влиянием двух крупных стратегических событий: неудачи англо-французской попытки овладеть Галлиполийским полуостровом в апреле-

мае 1915 г. и успешных действий германо-австрийских войск в Галиции и Прибалтике.

Горлицкий прорыв отбросил русские войска до р. Сан, приведя в дальнейшем к оставлению ими северной Венгрии (к 6–9 мая), а 11 мая началось русское отступление из Галиции. 3 июня пал Перемышль, а 9 июня — Львов. 27 апреля началось германское наступление в Курляндии.

После неудачи апрельской десантной операции в Галлиполи 14 мая в Лондоне наступил острый правительственный кризис, приведший через неделю к коренной реорганизации кабинета Г. Асквита, причем У. Черчилль, на которого возлагалась главная ответственность за Дарданелльскую операцию, лишился должности первого лорда Адмиралтейства.

Все это произвело в рядах колеблющихся нейтральных держав большое впечатление, что было на руку тем общественно-политическим кругам в Греции и Болгарии, которые склонялись на сторону германского блока.

Момент во всех смыслах был упущен, но прекратить Дарданелльскую операцию в Англии сочли невозможным: это подорвало бы престиж союзников как на Ближнем Востоке, так и среди мусульманского мира. Учитывая, что вопрос об усилении десантного корпуса иными воинскими контингентами приобретал первостепенное значение, вновь возрастала важность участия в этом деле Болгарии, так как на Россию в сложившихся условиях не приходилось рассчитывать, а участие греческих войск могло повлечь за собой опасность перехода Болгарии на сторону противника.

В то же время было крайне нежелательным оттолкнуть и Грецию, несмотря на подозрения в германофильстве короля Константина и на сведения о стараниях греческого Генерального штаба убедить сербов в необходимости подготовиться к совместному наступлению на Болгарию, как только последняя приступит к мобилизации. Учитывая, что это грозило нежелательными последствиями, С. Д. Сазонов охотно согласился на предложение Э. Грея довести до сведения греческого кабинета отрицательное отношение двух держав ко всякому выступлению греческого правительства, способному вызвать трения с Болгарией.

Ответ греков 5 мая был, как обычно, уклончив: в нем указывалось, что Греции раньше, чем принять решение, необходимо удостовериться, что неприкосновенность ее территории будет уважаться как во время войны, так и в будущем мирном договоре, а размер территориальных приобретений в Малой Азии после окончания войны будет приблизительно соответствовать тому, на что рассчитывал в свое время Э. Венизелос.

Король Константин поручил 10 мая принцу Георгию добиться встречи с президентом Франции Р. Пуанкаре и получить от него необходимые для Греции точные заверения и гарантии. Не добившись вразумительного ответа, 13 мая Греция объявила державам Антанты, что вынуждена отказаться от вступления в войну, но сохранит дружественный нейтралитет.

После высадки союзников в Галлиполи 27 апреля начались переговоры Болгарии с Антантой — по инициативе Болгарии в лице ее посланника в Лондоне. 4 мая состоялся разговор между британским военным атташе в Софии и военным министром Болгарии. Последний настаивал, что для того, чтобы после тяжелых жертв и разочарований, причиненных Болгарии последними войнами, вызвать в ее народе энтузиазм, необходимо предоставить нации перспективный объект борьбы. Если грянет новая война во Фракии, нация должна получить окончательный вердикт по македонским территориям. Отсюда вытекало требование гарантии союзными державами линии Энос — Мидия во Фракии, линии 1912 г. в Македонии и части Добруджи.

Союзные державы вновь столкнулись с неизменными требованиями болгарского правительства и общественного мнения, неустранимость которых С. Д. Сазонов признал еще в начале августа 1914 г.

Э. Грей на запрос болгарского посланника в Лондоне относительно судьбы спорной зоны в Македонии ответил уклончиво (что он подлежит совместному обсуждению союзных держав, как и вопрос о ненападении на Болгарию со стороны Греции и Румынии). Более того, англичане мотивировали невозможность дать такие гарантии тем, что... русские войска отступают в Галиции.

19 мая Э. Грей передал С. Д. Сазонову полученную из Софии телеграмму, настаивающую на желательности направить Болгарии окончательный вариант предложения о сотрудничестве следующего содержания: «В обмен на сотрудничество Болгарии против Турции союзные державы соглашаются на немедленную оккупацию и владение Болгарией Фракией до линии Энос — Мидия. Союзные державы гарантируют Болгарии по окончании войны часть Македонии между нынешними границами Греции и Болгарии и линией Эгри — Паланка — Сопот — Охрида, включая город Эгри-Паланка». В тот же день С. Д. Сазонов принял эту программу действий.

Но переговоры союзников с Болгарией стали известны в Сербии и Греции.

Руководство Сербии 28 мая известило посланников Антанты об отрицательном отношении к их предложениям касательно уступок

македонских территорий Сербии ради привлечения Болгарии к войне против Тройственного союза.

Греческое правительство пошло еще дальше, выразив державам Антанты торжественный протест — об ограблении, изувечении страны и оскорблении прав греков.

В таких условиях неудивительно, что выступление представителей Антанты в Софии 29 мая было безрезультатным.

После встречи английских и французских министров, состоявшейся в первых числах июля в Кале, союзники пришли к выводу, что больше шансов заставить вступить в войну Румынию, чем Болгарию. Скептицизм по отношению к Болгарии летом 1915 г. заметно усилился — прежде всего из-за демарша Сербии и Греции.

Затягивание военных действий у Дарданелл и маловероятный позитивный исход переговоров с Болгарией придали большую цену выступлению Греции (тем более в условиях возвращения Э. Венизелоса во власть).

Но вскоре по неизвестным причинам вновь произошел поворот в сторону Болгарии. Была осуществлена попытка воздействия на Болгарию путем предложения ей за немедленное объявление войны Турции следующих территорий:

1) части «бесспорной» зоны Македонии (вопрос об остальной части этой зоны, а также о спорной зоне должен был решаться при заключении мира);

2) Фракии до линии Энос — Мидия;

3) Сереса. Британское правительство предлагало рассмотреть и вопрос о Кавале, но при условии отказа Болгарии от Салоник, Кастории и Водена.

Этот бесконечный торг вызывал все больше недоверия в Петрограде, кроме того, лидерство Англии в переговорном процессе с Болгарией и нажим, который она предлагала осуществить прежде всего на Сербию и лишь во вторую очередь на Грецию, действовали раздражающе на русские правящие круги. И тогда в личной телеграмме Георга V к Николаю II от 28 июля британский монарх настаивает на том, что немедленное сотрудничество Болгарии с Антантой имеет ключевое значение для обеспечения успеха операции в Дарданеллах, и очень надеется, что Николай найдет возможным согласиться на предложенные шаги и пошлет соответствующее письмо сербскому престолонаследнику. В ответной телеграмме от 30 июля Николай II признал необходимость участия Болгарии в Дарданелльской операции, но выразил сомнение в том, что его письмо принцу Александру «могло иметь какой-либо результат». Не желая,

чтобы на Россию возложили ответственность за уступки, которые вызвали сопротивление Сербии, он считал необходимым, чтобы одновременно с ним к сербам обратились сам Георг, король Италии Виктор-Эммануил и Р. Пуанкаре.

Тем не менее письмо в Сербию было отправлено — с заметным запозданием и не на имя принца Александра, а на имя короля Петра Сербского — 10 августа 1915 г.

Начались длительные переговоры с Сербией.

Очередная попытка союзных десантных сил овладеть Галлиполийским полуостровом, начатая 6 августа, привела к очередному поражению. Чрезвычайно кровопролитные бои 6–10 августа, 15–16 августа и 21 августа фактически решили судьбу Дарданелльской операции.

6 сентября в Плессе был заключен союзный договор Болгарии с Германией и Австрией, а 15-го, когда вопрос уже был окончательно и бесповоротно решен, Антанта сделала еще одну (нелепую в данных условиях) попытку привлечь Болгарию на свою сторону.

21 сентября была объявлена мобилизация Болгарии, а 4 октября последовало вступление Болгарии в войну на стороне Германии, Австрии и Турции.

Еще до этого произошло и крушение последних надежд Антанты на выступление Греции, несмотря на то что 3 августа Э. Венизелос вновь возглавил греческое правительство. Отношение его к уступкам в пользу Болгарии было таким же враждебным, как и сербов. Получив известие об условном согласии сербской стороны на уступки, на которых настояла Антанта, Э. Венизелос 31 августа опротестовал решение Сербии как противоречащее самому смыслу греко-сербского союза — территориальному равновесию на Балканском полуострове и взаимной гарантии владений.

Но позиция Болгарии и сведения о концентрации германо-австрийских войск на северной границе Сербии предвещали предстоящий удар по Балканскому полуострову. Взмолнованные этой перспективой и, в частности, тем, что при таких условиях союзникам придется оставить Галлиполи, представители Антанты в Афинах вновь зондировали почву относительно позиции Греции. Выяснилось, что для отказа Греции от нейтралитета потребовалось бы создание оборонительного союза Румынии, Греции и Сербии против Болгарии.

В итоге союзники начали высадку своих войск в Салониках, а на следующий день, 2 октября, в Греции наступил новый правительственный кризис — и Э. Венизелос подал в отставку. Новый кабинет известил

державы Антанты, что Греция остается нейтральной.

Таким образом, раскачивание союзниками балканского маятника «Греция — Болгария» принесло лишь потерю драгоценного времени и дискредитацию держав Антанты в регионе. Взаимные претензии и противоречия Греции и Болгарии не были непреодолимыми, просто не хватило дальновидности и политической воли, чтобы справиться с ними, отсутствовала и согласованность усилий союзников по Антанте.

Стратегически вступление в борьбу с Турцией любого из пары балканских государств Греция — Болгария оказывалось ключом, открывавшим Проливы. При определенном политическом мастерстве оба этих государства могли вступить в войну в нужном месте и в нужный момент, но близорукие политики Антанты не смогли склонить ни одно из них на свою сторону. Более того, Болгария встала на сторону Тройственного союза, что способствовало разгрому Сербии и Черногории, значительно затруднив проведение Дарданелльской операции и способствуя ее скорейшему и бесславному окончанию.

Глава 4. Плечом к плечу — Россия в Дарданелльской операции Антанты

С самого начала Дарданелльская операция планировалась во взаимодействии с вооруженными силами России.

В январе 1915 г. было принято решение о совместной операции, но содействовать друг другу союзники должны были в рамках самостоятельных операционных планов — прежде всего силами флота.

5 марта 1915 г. У. Черчилль сообщал военнополитическому руководству России: «Великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что русский флот, когда наступит этот момент, тотчас же придет ко входу в Босфор и начнет в соответствии с английской морской атакой Мраморного моря систематическую с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора. Великобританское правительство придает первостепенное значение совместным действиям русского флота с союзным флотом»^[18].

Россия поддерживала реализацию этой операции повышенной стратегической важности, планируя и собственную Босфорскую экспедицию (см. ниже).

Начало Дарданелльской операции поставило вопрос о характере помощи, которую могла бы оказать Россия помимо организации Босфорской операции.

Считалось, что кроме усиления уже выполнявшейся блокады угольного района Анатолийского побережья (Зонгулдак — Эрегли) для прекращения снабжения углем Константинополя, турецких промышленных предприятий и флота русское командование сможет демонстративными действиями флота приковать к району Константинополя значительные сухопутные силы противника, не позволив их перебросить на Галлиполийский полуостров.

Не имея весной 1915 г. возможности немедленно выделить крупные сухопутные силы для десанта, русское командование намечало оказать союзникам содействие «в виде демонстраций Черноморского флота у Проливов, которые в зависимости от достижения союзниками успеха могут быть развиты, включительно до занятия Босфора Черноморским флотом и флотом союзников совместно»^[19].

Действия русского Черноморского флота определялись приказом

командующего флотом адмирала А. А. Эбергарда на основе директивы Ставки от 19 февраля 1915 г., в которой, в частности, говорилось: «В ближайшее время предполагаются совместные действия англо-французского флота с участием их десантного корпуса против Дарданелл. Черноморскому флоту надлежит оказать содействие в виде демонстрации у проливов, которая, в зависимости от достижения нашими союзниками успеха, может быть развита включительно до занятия Босфора совместно Черноморским флотом и флотом союзников»^[20].

Русский флот получил в качестве задачи решение вопросов блокады Босфора и разрушения укреплений и инфраструктуры противника, что он в течение 1915 г. успешно и осуществлял.

Первая бомбардировка состоялась после получения от английского командования в Дарданеллах сообщения о намеченном на ближайшие дни прорыве союзного флота в Мраморное море (28 марта). Затем бомбардировки повторились 25 апреля, 2, 3 и 10 мая.

Адмиралы А. А. Эбергард и С. Карден поддерживали постоянную связь; в частности, на союзном флоте присутствовал специально откомандированный на британский флот русский офицер-наблюдатель.

Черноморский флот осуществил несколько набегов на берега Турции, в том числе используя пролив Босфор. В это время он включал в себя линейные корабли-додредноуты «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав», крейсера «Кагул», «Память Меркурия» и «Алмаз», миноносцы, авиатранспорты, подводные лодки и вспомогательные суда.

Укрепления противника подверглись артиллерийскому обстрелу с линкоров, топились турецкие транспортные суда, выставлялись минные заграждения. Кроме того, Черноморский флот осуществлял поиски вдоль анатолийских берегов Турции для осмотра и обстрела прибрежных пунктов и для уничтожения турецких судов, перевозящих в Константинополь уголь из Зонгулдака. Эти действия были весьма успешны. Так, при бомбардировке 28 марта «было несколько прямых попаданий в батареи, причем в одном случае был вызван взрыв, давший характерный столб дыма, окутавший на время одну из батарей»^[21].

2 мая были расстреляны с моря и атакованы гидросамолетами с воздуха турецкие береговые батареи у Босфора. В операциях участвуют линкоры и крейсера при поддержке миноносцев и гидроавиации с авиатранспорта, ходят к Босфору и русские подводные лодки. Так сковывались турецкие сухопутные и морские силы, уничтожались ресурсы.

Бомбардировки были направлены прежде всего на угольные копи (в основном район Зонгулдака) и объекты инфраструктуры противника. Очевидец вспоминал: «...флот подошел к Зонгулдаку, где от него отделился линейный корабль “Три Святителя” с тралящей партией и миноносцами 1-го дивизиона. Крейсера и миноносцы 1-го дивизиона ушли в дозор, дивизия кораблей держалась в море в качестве прикрытия на случай появления “Гебена”. Идя за тралящей партией, линейный корабль “Три Святителя” начал обстрел сооружений для промывки угля с 40 кабельтовых на первом галсе и закончил свою стрельбу, сделав последний галс в расстоянии 20 кабельтовых от Зонгулдакского маяка. Громадное здание промывки угля с большими фабричными трубами несколькими 12-дм снарядами было совершенно разрушено, также были разбиты здания для сортировки угля, электрической станции и стенки набережной мола; залпами 6-дм орудий уничтожены оба погрузочных крана в гавани, перекидным огнем обстреляны сооружения по добыче угля и железнодорожная станция заводской дороги, расположенная за горным кряжем.

С моря было видно, что Зонгулдак после бомбардировки принял неладный вид, но, как последствия показали, хотя разрушения и были велики, угольная деятельность турок уничтожена не была... Многие сооружения с моря не могли быть обстреляны, так как гористая местность защищала их от обстрела»^[22].

Материальный эффект деятельности Черноморского флота был очень существенным: в условиях отсутствия других видов транспорта с началом войны морские перевозки угля из угольного района Зонгулдак — Эрегли в Босфор приобрели для Турции большую важность. Удары русских линейных кораблей и блокада, которую осуществляли миноносцы и подводные лодки против турецкого судоходства, постепенно наращивались, поставив под угрозу срыва поставки угля в турецкую столицу. Бомбардировки и блокада босфорского бассейна и уничтожение транспортных судов почти полностью парализовали вывоз угля. Стремясь получить хотя бы минимальное его количество, турки вынуждены были постоянно эскортировать суда, перевозившие уголь, используя для конвоирования даже такие крупные корабли, как «Гебен».

Действия русского флота против Эрегли-Зонгулдакского бассейна привели к тому, что турецкий военно-морской флот был посажен на голодный паек и расходовал топливо лишь для самых необходимых операций, а все военные мероприятия постоянно находились под угрозой остановки.

Черноморский флот сковал лучшие корабли германо-турок — «Гебен» и «Бреслау». Линейный крейсер «Гебен», самый современный и боеспособный корабль неприятеля, так и не смог принять участие в отражении союзников у Дарданелл. Хлопот же он мог доставить, ведь даже старый турецкий линкор «Хайреддин Барбаросса» причинил много неприятностей англичанам. Вместе с тем удаленность Босфора и ограниченность сил флота, требовавших периодической замены участвующих в операциях кораблей для ремонта и отдыха экипажей, не позволяли вести ближнюю блокаду Проливов. Превосходство же «Гебена» в скорости и вооружении^[23], особенно по сравнению с устаревшими русскими линейными кораблями, заставляло Черноморский флот выходить только соединениями, чтобы не допустить уничтожения кораблей поодиночке. В то же время отработанная на флоте сосредоточенная стрельба соединения кораблей по одной цели должна была обеспечить уверенный отпор или даже уничтожение «Гебена» в прямом бою.

Первая встреча бригады линкоров Черного моря с «Гебеном» и «Бреслау» состоялась 18 ноября 1914 г., когда «Гебен», узнав о выходе русского флота в море и очередном обстреле им Трапезунда, подстерегал русские корабли на обратном пути. Русские корабли, обнаружив по радиопереговорам присутствие «Гебена» и «Бреслау», начали сокращать интервалы, миноносцы стали подтягиваться к эскадре. Из-за державшегося вокруг сильного тумана бой свелся в основном к поединку «Гебена» с наблюдавшим его лучше всех линкором «Евстафий». Русские старые линкоры показали себя грозным врагом новейшему кораблю. Когда дистанция до противника составляла лишь 38 кабельтовых, державший флаг на «Евстафий» А. А. Эбергард приказал немедленно открыть огонь.

С первого же залпа русские комендоры накрыли «Гебен», и 12-дюймовый снаряд, пробив 127-мм броню, разорвался внутри кормового каземата левого борта, вызвав сильный пожар. Немцы, в то время заслуженно считавшиеся отличными артиллеристами и гордившиеся своей способностью поражать цель третьим залпом (перелет, недолет, накрытие), такого не ожидали. Противник резко изменил курс и открыл ответный огонь из своих 11-дюймовых орудий.

В дальнейшем сражение, известное как бой у мыса Сарыч, свелось к дуэли флагманских кораблей. К сожалению, плохая видимость и низко стелющийся дым не позволили вести прицельную стрельбу следовавшим в кильватерном строю за «Евстафием» русским линкорам «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя» и «Ростислав». Но и огня одного корабля оказалось достаточно, и через 14 минут после начала боя «Гебен», получив

14 попаданий (в том числе три 305-мм снарядами) и явно опасаясь столь же меткой стрельбы других вступающих в бой кораблей, поспешил отвернуть.

«Гебен» и только что появившийся на горизонте «Бреслау» скрылись в тумане, воспользовавшись своим преимуществом в скорости хода. Поединок со старым линкором дорого обошелся «Гебену». Данные о потерях в его экипаже противоречивы, но, по наиболее авторитетным источникам^[24], они составили 164 человека (105 убитыми и 59 ранеными). «Евстафию» также пришлось несладко. Из 19 выпущенных «Гебеном» 280-мм снарядов четыре поразили русский флагманский корабль, нанеся ему ряд серьезных повреждений. «Евстафий» потерял 58 человек (в том числе 5 офицеров) команды — из них 34 (в том числе один из офицеров умер от ран) убитыми^[25], что для столь скоротечного боя также чрезвычайно много.

В докладе командующего Черноморским флотом императору об итогах этого боя отмечалось: «До этого боя общее мнение морских специалистов сводилось к тому, что “Гебен” несравненно сильнее Черноморского флота из устаревших броненосцев, так как вся его мощная артиллерия сосредоточена на одной платформе и потому может хорошо управляться, так как броневая защита его сильнее и так как ход его в 2 раза больше, благодаря чему он занимает выгодное для него положение и легко маневрирует, особенно по сравнению с неповоротливой эскадрой тихоходных судов.

Бой... не опровергая преимуществ судов дредноутного типа, показывает, что отличная стрельба и правильное маневрирование настолько парализуют преимущества “Гебена”, что наш флот может рассчитывать на победу при встрече с этим сильным противником. По обстоятельствам погоды... бой со столь сильным кораблем свелся на одиночную борьбу с одним линейным кораблем “Евстафием”, так как прочие наши корабли, идя в строе кильватера, закрываясь дымом и мглой, или совсем не видели неприятеля, или видели его урывками, и вся тяжесть боя досталась на долю моего флагманского корабля, причинившего много сильнейшему противнику очень серьезные повреждения. О них можно судить из факта, что за истекшее... время этот неприятельский корабль ни разу не показался в виду наших сил, несмотря на последовавшее затем усиленное крейсерство наше у берегов Анатолии вдали от своей базы, т. е. в самых невыгодных для нас условиях»^[26].

В декабре 1914 г. «Гебен», возвращаясь из Трапезунда после конвоирования турецких транспортов, подорвался сразу на двух минах (русское минное заграждение у входа в Босфор из 585 мин). Корабль

принял 600 тонн воды с обоих бортов и с большим трудом дошел до базы. Из-за отсутствия у турок дока, необходимого для столь большого корабля, «Гебен» ожидал длительный ремонт. Впоследствии «Гебен» также подрывался на русской мине и выходил на время из строя.

Повторная встреча бригады (причем до этого боя бригада разделилась, и два корабля — «Три Святителя» и «Пантелеймон» — в начале боя не участвовали) с «Гебеном» состоялась полгода спустя. 10 мая 1915 г. у Босфора противники провели 22-минутный поединок на очень большой — 90 кабельтовых (порядка 16,5 тыс. м) — дальности. Последняя и предопределила низкую результативность огня.

Из 150 выпущенных немцами 280-мм снарядов в русские корабли не попал ни один. Наши линкоры послали в неприятеля 169 305-мм снарядов — три из них поразили «Гебен» и уничтожили одно 150-мм орудие, также была временно выведена из строя третья башня. Как отмечал очевидец, один из разрывов дал «сильный огонь и громадный столб дыма», долго стоявший над кораблем и некоторое время даже следовавший вместе с ним^[27]. После чего линейный крейсер быстро ретировался.

Со вступлением в строй нового русского линкора-дредноута «Императрица Мария» «Гебену» осталось лишь прятаться на базе.

«Бреслау» же в походе 10–11 июня 1915 г. подвергся у Босфора торпедной атаке подводной лодки «Тюлень» и должен был, потеряв 7 человек убитыми, отступить перед торпедно-артиллерийской атакой шедших ему навстречу под турецким берегом двух русских эсминцев. Подорвавшись 18 июля на минах подводного заградителя «Краб», «Бреслау» принял 642 тонны воды и встал на длительный ремонт, продолжавшийся до конца февраля 1916 г.

Реализовывалась и такая форма участия русских кораблей в борьбе за Проливы, как непосредственное участие в составе англо-французского флота в период осуществления Дарданелльской операции.

Еще в августе 1914 г. крейсера «Аскольд», «Жемчуг» и пароход Добровольного флота «Полтава» вышли из Владивостока для совместных действий с силами союзников против германских крейсеров на просторах Тихого океана. Впоследствии «Аскольд» совместно с кораблями союзников вел разведку, нес дозорную службу у турецкого побережья, высаживал диверсионные группы, наносил удары по береговым батареям. Во время Дарданелльской операции «Аскольд» вошел в 6-ю эскадру союзного флота под командованием французского контр-адмирала Гепратта, представляя среди 200 кораблей и судов стран Антанты вооруженные силы России.

25 апреля 1915 г. плавсредства русского крейсера использовались для

высадки десанта у Кум-Кале, а сам корабль занял позицию для ведения артиллерийского огня.

Шлюпки с «Аскольда» первыми подошли к берегу. Огнем турецких орудий аскольдовский баркас был потоплен прямым попаданием снаряда. Продвижению подразделений десанта на берегу мешал пулемет, установленный на мельнице. Русский крейсер первым же удачным залпом разрушил ее, и пулемет замолк. За 25 апреля было израсходовано 748 152-мм и 1503 75-мм снарядов^[28], причем меткость огня русского крейсера вызвала удивление и восхищение союзников.

26 апреля в результате огня «Аскольда» и вспомогательного крейсера «Савойя» около 500 турецких солдат сдались в плен. До конца апреля «Аскольд» действовал у Дарданелл: входил в пролив и вел огонь по батареям турок на азиатском берегу, прикрывая союзные войска на Галлиполийском полуострове. Потери экипажа за Дарданелльскую операцию составили 4 человека убитыми и 9 человек ранеными. В мае нахождение корабля в Дарданеллах носит эпизодический характер. О пребывании «Аскольда» в это время сообщает командир германской подводной лодки U-21 О. фон Херзинг: он заметил «Аскольд», но предпочел атаке легкого крейсера цели более высокого ранга — линкоры «Триумф» и «Маджестик».

Наконец, говоря о взаимодействии с союзниками в ходе Дарданелльской операции, необходимо отметить, что предполагалось наличие крупного русского воинского контингента в составе союзного экспедиционного корпуса в Дарданеллах. Данный проект, одобренный штабом Верховного главнокомандующего^[29], предполагал необходимость послать 40-й Сибирский стрелковый полк с батареей (3-я легкая батарея в составе 6 орудий) в Проливы. Переброска — через Владивосток. Снаряжение — из расчета 1,5 тыс. патронов на винтовку и орудие, 45 тыс. патронов на пулемет. Отряд также должен был включать в свой состав команду велосипедистов и мотоциклистов, 2 автомобиля, сотню 53-го Донского казачьего полка^[30].

17 мая 1915 г. генерал-квартирмейстер отправил начальнику военных сообщений при Верховном главнокомандующем предписание подготовить отряд для перевозки^[31].

Начальник морского управления Ставки контр-адмирал А. Д. Бубнов телеграммой от 27 мая № 428 уведомил, что возможно перевезти предназначенный для участия в операции Сибирский полк начиная с 1 июля, но при этом присутствует риск потери 25 % лошадей^[32].

Сотню 53-го Донского казачьего полка было решено заменить подразделениями Уральского, Забайкальского или Сибирского казачьих войск^[33]. Были выбраны сибирцы.

Было установлено, что во главе отряда должен быть генерал-майор, начальник штаба — подполковник или капитан, два старших адъютанта должны были обладать знанием английского, французского и турецкого языков^[34].

Отряд был технически усилен и должен включать в свой состав отделение самокатчиков, подразделения мотоциклистов и радиотелеграфа, саперную роту и дивизионный лазарет, а также 10 автомобилей^[35]. Предполагалось улучшение снабжения и снаряжение отряда, а командиром был назначен военный агент в Черногории генерал-майор Потапов^[36].

30 мая вопрос об отправке был решен Ставкой^[37]. Но для Николая II вопрос оказался «совершенно новым» и вызвал недоумение. «Не знаю, — телеграфировал он 31 мая, — какую пользу принесет участие столь малого отряда в операциях с союзниками у Дарданелл. Напротив, всякое усиление нашего десантного корпуса в Черном море, по-моему, крайне необходимо».

В замечаниях великого князя Николая Николаевича говорилось, что посылка отряда имеет моральное значение: он будет участвовать в занятии Константинополя вместе с союзниками, в то время как босфорский десант возможен лишь после проникновения союзного флота в этот пролив через Мраморное море. Главковерх, в отличие от императора, не верил в успех Босфорской операции.

Во всеподданнейшем докладе, представленном Николаю II и сообщенном в Ставку, С. Д. Сазонов высказался, что «с политической точки зрения» посылка наших войск к Дарданеллам может соответствовать нашим интересам при условии, что отряд не будет слишком незначителен, «ибо иначе намеченная цель не была бы достигнута, оставив в силе обещание союзникам относительно черноморского десантного корпуса».

Но процесс пошел, и отряд готовился к переброске в Дарданеллы.

Общая численность отряда — до 6 тыс. человек^[38]. Но фактический состав был следующим: штаб — офицеров (в скобках — нижних чинов) 9 + 1 чиновник (28), подразделение связи — 1 (45), заведующий укомплектованиями — 5 (14) + 2 чиновника, 40-й Сибирский стрелковый полк — 78 (4436), маршевый батальон — 29 (2029), полусотня — 3 (82), маршевая полусотня — 2 (77), батарея — 5 (267), артиллерийский взвод — 2 (72), искровое отделение — 2 (40), автомобильная команда — 1 (84),

мотоциклетная команда — 1 (34), саперная полурота — 5 (325) и пр. Всего 148 офицеров, 37 чиновников, 8094 нижних чинов, 990 лошадей, 8 орудий, 32 автомобиля, 23 мотоцикла, 16 самокатов (из них 4 запасных)^[39].

31 мая Ставка сообщала, что французы готовы перевезти на своих транспортах до 5 тыс. человек 1 июля^[40]. Предполагалось возможным задействовать и суда Добровольного флота «Киев» и «Могилев», 4 французских парохода и еще 2 парохода^[41].

Так как численность отряда возросла, возникли сложности и задержки. В итоге было решено отправлять десантников эшелонами.

12 июня начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич доложил о сроке отправки отряда — 14 июля. Но уже 7 июля Н. Н. Янушкевич известил С. Д. Сазонова о том, что накануне Николай II одобрил предложение великого князя об отмене отправки нашего экспедиционного отряда в Дарданеллы вследствие встреченных затруднений технического характера.

9 июля С. Д. Сазонов известил об этом Париж и Лондон.

Учитывая, что в августе 1915 г. союзники взяли курс на сворачивание операции, отпала и необходимость в переброске русского отряда.

Показательно, что Г. Китченер был очень недоволен проектом отправки русского десантного отряда в Дарданеллы; он считал, что перебросить 4,5 тыс. человек с лошадьми, пушками, обозами достаточно тяжело и это причинит англичанам массу хлопот. С. Д. Сазонов на это заметил, что не может допустить и мысли, что при взятии Константинополя не будет русских войск и что «если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не беда, этим стесняться не надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вместе с ними». «Это вопрос политический, а не военный», — отметил он.

На возражение, что принять «символическое» участие в занятии Константинополя Россия могла бы и путем отправки к Босфору десантного отряда из Одессы, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов ответил, что «взятие Константинополя может состояться и без завладения Босфором», тогда как одесский десант может быть высажен только на Босфоре, и «если мы хотим участвовать в церемониале взятия города, то наши войска должны прибыть с юга».

Очевидно различие подходов Ставки, МИДа и императора к вопросу осуществления операции в Проливах — и у военно-политического руководства России не хватило политической воли, чтобы привести все это

к единому знаменателю.

Конечно, видеть в 5–6-тысячном отряде средство, препятствующее Англии прочно завладеть Константинополем, нельзя. Но все формы взаимодействия с союзниками России по Антанте должны были приближать общую победу и способствовать престижу России и русского оружия.

Глава 5. Босфорская экспедиция — взвесим шансы на успех

Еще до начала Дарданелльской операции (21 декабря 1914 г.) С. Д. Сазонов обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии Н. Н. Янушкевичу с официальным запросом о том, к каким военным операциям «решено прибегнуть для фактического проникновения к Проливам и захвата их вместе с прилегающей областью».

В ответ ему было разъяснено, что только после достижения решительного успеха над Германией и Австро-Венгрией и при условии, что «если бы после достижения такового успеха нам не удалось обеспечить себе обладания Константинополем и Проливами дипломатическим путем», вопрос этот должен будет составить предмет специальной военной операции.

20 января 1915 г. решение британского Военного совета было сообщено в русскую Ставку. У. Черчилль ставил союзника в известность, что атака Дарданелл начнется в начале второй половины февраля, и выражал надежду, что русское правительство окажет ей мощное содействие, предприняв в подходящий момент морскую операцию у устья Босфора и имея наготове войска, чтобы использовать достигнутый успех.

С началом Дарданелльской операции в Ставке было созвано совещание, предметом которого стало обсуждение того, «что мы в силах сделать» в случае, если бы Черноморскому и Англо-французскому флотам удалось, прорвавшись через Проливы, подойти к столице Турции. Шансы на успех Черноморского флота после выхода из строя «Гебена», подорвавшегося на русских минах у Босфора, были высоки, но применительно к десантной операции положение было иным — декларировалось, что «свободных войск» нет.

В Ставке относились к десантной операции скептически.

Так, 23 февраля директор Дипломатической канцелярии при Ставке князь Н. А. Кудашев извещал С. Д. Сазонова о состоявшемся накануне в Ставке собеседовании, в котором выяснилось, что «если в отношении нашего флота произошла некоторая перемена к лучшему... то в отношении сухопутных войск перемен к лучшему нет, и никакой десантной операции мы и ныне не в состоянии сделать на Босфоре, даже если бы там появились

наш и союзные флоты».

Но учитывая волю императора — сторонника Босфорской операции — и в ответ на запросы союзников^[42] начала реализовываться подготовка к десантной операции. И 24 февраля Н. А. Кудашев был извещен, что штаб Верховного главнокомандующего «находит возможным» посадить один из кавказских армейских корпусов, выделенный из состава войск Кавказского фронта, на транспорты и выслать его к Босфору на случай удачного прорыва союзников через Проливы.

С. Д. Сазонов с удовлетворением воспринял весть о выделении десантного корпуса для захвата Босфора, но считал, что этих сил явно недостаточно. Его тревога возросла после того, как он узнал, что союзники решили не ограничиваться действиями флота, а собираются выделить для высадки десанта и занятия Константинополя мощную армию.

Столкнувшись в феврале с первыми трудностями, 28-го числа союзники вновь предложили России послать к Константинополю достаточный по силе десант. И в тот же день через Дипломатическую канцелярию при Ставке С. Д. Сазонов обратился к Верховному главнокомандующему с запросом о возможности направить в Босфор «по крайней мере» еще и ополченческие бригады, предназначавшиеся для переброски на Балканский фронт в помощь Сербии. Не надеясь на положительный ответ Ставки, одновременно он адресует Николаю II записку, в которой обосновывает необходимость безотлагательного выделения новых частей для десантной экспедиции (казацкого полка и ополченческих частей). Как и предполагал С. Д. Сазонов, ответ был отрицательным.

Окончательное решение о начале Босфорской операции было принято 1 марта. Н. Н. Янушкевич подтвердил, что в случае прорыва союзников в Проливы будет отправлен кавказский корпус, но его погрузка на транспорты в Батуме потребует до 20 дней. Союзники были извещены, что великий князь Николай Николаевич «повелел подготовить десант из числа войск, находящихся на Кавказе».

Штаб-офицер Морского управления штаба Верховного главнокомандующего капитан 2-го ранга Апрелев записал в своем дневнике: «18 февраля (3 марта)... Десант в Черном море в составе 36 000 человек (1-я и 2-я пластунские бригады и 3-я кавказская стрелковая дивизия) готовится к походу»^[43].

8 марта был получен запрос от союзников: «Мы хотели бы получить сведения о том, что делает русский флот в Зонгулдаке и когда может начать

совместную с нами соединенную атаку Босфора в случае входа нашего в Мраморное море, а также когда можно рассчитывать на корпус русской армии»^[44].

Обстановка изменилась после выработки соглашения о Проливах, в котором британцы (позже французы) соглашались на переход Константинополя и Проливов к России. В это время С. Д. Сазонов говорил послам союзников о возбуждении, которое вызывает в стране вопрос о Константинополе, и призывал к необходимости радикального решения этого вопроса. Император также требовал у союзников ответа, дадут ли они согласие на включение Константинополя в состав Российской империи в случае победы в мировой войне.

С. Д. Сазоновым совместно с союзными послами была составлена памятная записка, переданная от имени русского правительства Франции и Англии. В этом меморандуме были сформулированы требования о включении в состав Российской империи Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также Южной Фракии. Документ, как уже отмечалось, был поддержан союзниками.

13 марта (после изданной днем ранее памятной записки) британский посол сообщил «лично царю» о согласии Англии с его требованием.

И темп подготовки десантной операции ускорился.

Ставка Верховного главнокомандующего официально сообщила Лондону и Парижу, что в Одессе и Батуме, как только союзный флот прорвется через Дарданеллы и войдет в Мраморное море, десантный корпус погрузится на суда, которые незамедлительно с двух сторон пойдут к берегам Босфора. То есть Россия была готова развить наступательный успех своих союзников, имея и сухопутные войска, и транспортные суда, и Черноморский флот для огневого прикрытия высадки десанта.

Состав русского экспедиционного корпуса крайне интересовал союзников. На запрос Г. Китченера 31 марта С. Д. Сазонов ответил, что «численность сил, назначенных для действий против Константинополя, равняется одному корпусу в полном составе под командой генерала Истомина»^[45].

Готовя боевое расписание войск Антанты, штурмующих Проливы, Г. Китченер 10 марта определял английские силы в 63,1 тыс. человек при 133 орудиях, французские — в 18 тыс. человек при 40 орудиях, русские — в 47,6 тыс. человек при 120 орудиях. Итого — 128,7 тыс. человек при 298 орудиях, из которых более половины приходилось на Россию и Францию.

Используя результат сарыкамышской победы, в марте-апреле 1915 г. по

распоряжению Ставки осуществлялось сосредоточение сил и средств, необходимых для проведения планирующейся десантной операции в Проливах. Для операции первоначально предназначались 5-й Кавказский армейский (сформированный из частей Кавказской армии, высвободившихся после Сарыкамышской операции и являвшийся армейским резервом командования Кавказской армии) и 2-й армейский корпус, начавшие сосредоточение в черноморских портах, прежде всего в Одессе. Общее руководство операцией возлагалось на командующего 7-й армией генерала от артиллерии В. Н. Никитина^[46].

Был разработан проект комбинированной Босфорской операции, которая, как отмечал документ, будет иметь успех^[47]: при условии высадки в нескольких портах одновременно и не более чем одной дивизии и одной артиллерийской бригады. Порты высадки должны обеспечиваться железнодорожной инфраструктурой. Каждой группе транспортов предназначался свой пункт высадки^[48]. Отмечалось, что успех операции зависит от тщательности ее подготовки^[49].

Цель Босфорской операции — «приобрести берега Босфора, фракийский берег до Чаталджи, Вифинский берег от Босфора до Сакарии»^[50].

Во время переброски морем части десантных войск должны были иметь продовольствие и фураж на семь дней, кроме запасов, находящихся в обозе. Пресная вода должна была поставляться морским ведомством. После высадки 5-й Кавказский армейский корпус должен был базироваться в Одессе.

5 апреля телеграмма наместнику Кавказа генерал-адъютанту Воронцову-Дашкову сообщала, что «в целях удобства посадки и быстроты подачи к пунктам высадки десанта у Босфора признано необходимым 5-й Кавказский корпус, предназначенный для десантной операции и ныне расположенный в районе Батума, перевезти по железным дорогам частью в Севастополь, частью в Одессу. При этом штаб корпуса, корпусные учреждения, обе пластунские бригады с артиллерией и гаубичная батарея должны направляться в Севастополь, а 3-я Кавказская стрелковая дивизия в Одессу. Верховный главнокомандующий повелел безотлагательно приступить к указанной перевозке корпуса»^[51].

Но расчеты союзников на быструю удачу в Дарданеллах не оправдались, и высадка десанта в апреле застопорилась — прорваться через Дарданеллы не удалось. Стало откладываться и сосредоточение русского десантного корпуса к портам для посадки на транспорты.

При подготовке десантной операции в марте 1915 г. встал вопрос о создании промежуточной базы Черноморского флота — ближе к Босфору. Командующий флотом составил секретный доклад, который был отправлен в Ставку. В этом докладе говорилось о болгарском городе Бургас (см. выше вопрос о Бургасе в дипломатическом аспекте) и содержались, в частности, следующие замечания: «Ввиду предстоящих в близком будущем серьезных операций у Босфора считаю долгом изложить свой взгляд на совершенную необходимость теперь же занять Бургас как базу флота. [...] Многолетнее изучение десантного на Черном море вопроса убедило меня в том, что основывать расчеты на успешную высадку войск под Босфором, переведя их из Батума, т. е. более чем за 500 миль, нельзя: погоды настолько непостоянны, настолько различны в разных частях моря, что транспортная флотилия, благополучно сделавши переход морем, может в конце пути быть поставлена в невозможность высадить десантные войска. Удобные для высадки участки побережья в сколько-нибудь свежую погоду становятся недоступными. Невозможность произвести высадку в избранном участке и в назначенное время заставит принять одно из двух решений: или идти в Севастополь, ближайший к Босфору порт, отстоящий от него в 300 милях, или же держаться в море и ожидать исправления погоды, что может продолжиться несколько дней, в течение которых десантные войска, не привыкшие к морю, будут страдать от качки и тесноты помещения, что неизбежно отзовется самым нежелательным образом на боевых качествах высаженных. Кроме того, нахождение в море вблизи Босфора значительного числа транспортов (более 70 пароходов) и конвоирующих судов даст легкую и верную добычу неприятельским миноносцам, бороться с которыми ночью нам будет невозможно.

Все эти соображения указывают, что, произведя перевозку на расстояние более 500 миль, мы ставим успех всей операции в полную зависимость от случайностей, как то: условий погоды, опасностей от атак противника, утомления десантных войск и, наконец, может быть, необходимости произвести высадку во что бы то ни стало. Выходом из такого положения может быть только занятие для базирования наших сил порта Бургас, расположенного всего в 110 милях от входа в пролив.

Предрешая занятие Бургаса для наших целей, можно наметить предстоящую операцию в следующих общих чертах.

- 1) Посадка войск в любом порту.
- 2) Переход пошелонно транспортов в Бургас под прикрытием частей флота по особому плану, обеспечивающему безопасность операции.
- 3) Выжидание подходящей погоды и отдых десантных войск после

продолжительного плавания.

4) Выполнение высадки под прикрытием флота.

[...] Препятствия, которые противник противопоставит нашим усилиям:

1) флот (“Гебен”, “Тургуты”, крейсера, миноносцы, подводные лодки и летательные аппараты);

2) мины заграждения, о присутствии которых имеются достоверные данные, не считая нами же поставленных;

3) береговые батареи;

4) полевые войска на побережье.

Вес эти средства могут быть парированы флотом, только поддерживая тесную блокаду, опираясь на Бургас. При базировании же на Севастополь флот будет вынужден уходить за углем к базе, т. к. погрузка топлива в открытом море, ввиду особого устройства судов, возможна лишь в штиль и производится весьма медленно. Эти отлучки флота каждый раз будут требовать несколько дней.

Близость к Босфору позволит неприятелю использовать все свои, даже второстепенные, силы, которые во время отсутствия нашего флота будут хозяевами положения и способны предпринять операции в тыл нашим высаженным войскам. Если же наш флот базируется на Бургасе, т. е. может сосредоточить и получить все необходимое в порту за 110 миль от места высадки, погрузка запасов не отвлечет его от главного объекта, позволит судам по очереди уходить грузиться. Оставшиеся суда продолжают тесную и непрерывную блокаду побережья и пролива.

Для действительной блокады наших сил совершенно недостаточно, если мы сохраним базирование на Севастополь. Так, например, в настоящее время мы можем выслать к Босфору по очереди 2 автономные подводные лодки. В случае же устройства маневренной базы в Бургасе в нашем распоряжении будет еще 8 подводных лодок, которые по причине своего малого водоизмещения и незначительности района действия из Севастополя к Босфору ходить не могут.

Наблюдение за проливом и нападения на батареи и войска гидроаэропланов будут осуществляться с большей легкостью, чем теперь; не будет надобности всем флотом подводить крейсер с аппаратами, что часто стесняет флот и не позволяет воспользоваться ими в дурную погоду у пролива.

Минные заграждения, поставленные как нами, так и противником у Босфора, требуют удаления их до начала активных операций у пролива.

При удалении от базы в 300 миль в моем распоряжении находятся

лишь несколько весьма ценных мореходных пароходов, оборудованных для траления, которые благодаря своей значительной осадке подвержены опасности взорваться на минах. Если бы флот попал на минную банку, имея впереди эти тральщики, мы можем оказаться без всяких средств для дальнейших операций, в которых видную роль должны сыграть суда тралящих партий. При базировании на Бургас туда в благоприятную погоду будут переведены из Севастополя рейдовая партия траления и партия из Керчи. Эти партии обладают большим числом мелкосидящих судов, которые одни способны с меньшей опасностью очищать заминированные площади. Такие тральщики могут быть использованы только при наличии близкой базы.

Береговые батареи могут быть уничтожены только флотом, которому для этого нужно свободно маневрировать, не опасаясь мин. При стоянке флота в Бургасе получается возможность привести туда часть судов устарелого типа и малого водоизмещения и хода, не пригодных для боя в море, но отлично приспособленных для действия по берегу. Таковы старые линейные корабли “Синоп”, “Георгий Победоносец”, канонерские лодки “Терец”, “Кубанец” и “Донец” и даже пароходы с артиллерией. Кроме них еще полезны миноносцы и другие мелкие суда, исполняющие в силу необходимости (отдаленность объекта от базы) лишь второстепенные задачи полумирного характера...

Подготовка высадки, поддержка наступления и прочее должны производиться без перерыва, что достигается лишь при постоянном нахождении флота у атакованного участка берега. Подходить к самому берегу большие суда флота не могут — нужны малые суда, требующие близкой базы.

Подтверждение моего взгляда на необходимость иметь промежуточную базу для стоянки десантной флотилии я вижу в сообщенном мне содержании беседы нашего посла в Лондоне с британским министром иностранных дел (донесение посла от 17 февраля сего года). Говоря о предполагавшемся десанте союзников, британский министр заявил, что подготовка десанта более намеченного состава встречает препятствие в малых размерах острова Лемноса и неимении другой близкой к Дарданеллам базы. По-видимому, англичане не допускают мысли о возможности непосредственной переброски войск из отдаленной базы к месту высадки, хотя у них для этого есть полная возможность: ближайшие пункты, принадлежащие Англии, — Кипр (630 миль) и Египет (570); пути в большей своей части лежат в Архипелаге, где к услугам десанта имеется множество закрытых бухт как на островах, так и

на материке; кроме того, у англичан есть полная возможность выбрать время последней перевозки в смысле погоды, т. к. флот их имеет базу у места высадки. Что же касается размера острова Лемнос, то указание на незначительность его несправедливо, т. к. в бухте Мудрос может укрыться весь английский флот со всеми транспортными судами в любом числе.

Получив разрешение на занятие Бургаса хотя бы силою, я приму немедленные меры к оборудованию этой бухты в безопасную якорную стоянку и защищенный с моря пункт снабжения флота и войск десантного корпуса. Плавающая база в составе мастерской, госпиталя, угольных, нефтяных и водяных транспортов, спасательного судна, баз подводного плавания и партий траления оборудована. Крейсера-базы гидроаэропланов готовы и испытаны. Боновое заграждение может быть взято из Севастополя. Запас мин заграждения вполне достаточен для надлежащего заминирования подходов к базе. Севастопольская крепостная артиллерия готовится для переноса на Босфор или в Бургас, если бы в этом встретилась надобность...»^[52].

Как уже отмечалось, МИД был против конфликта с Болгарией, советуя морякам занять Эрегли, Зонгулдак или Инаду.

Н. Н. Янушкевич 19 марта ответил командующему Черноморским флотом: «Вполне оценивая всю трудность десантной операции и форсирования Босфора при базировании на Севастополь, удаленный на 300 миль от цели действия, государь повелел срочно войти в сношение с министром иностранных дел в целях выяснения, как отнесется Болгария и наши союзники к нашей высадке в Бургасе (без применения вооруженной силы против болгар).

Не допуская риска в такое время, когда все силы должны быть сохранены для предстоящей Черноморскому флоту исторической задачи овладения Босфором и Константинополем, тем не менее необходимо идти навстречу пожеланиям союзников, ожидающих от нас содействия еще до окончания ими операции у Дарданелл. Цель такой операции двоякая: 1) оттяжка сил и внимания турок у Дарданелл; 2) фактическая подготовка наших будущих боевых действий у Босфора путем вылавливания мин и обстрела ближайших к устью Босфора береговых укреплений.

Таким образом, намеченный вами... план операции охватывает более широкую задачу, чем нами намеченная. То, что предположено вами, отвечает идее вполне самостоятельной и законченной операции с развитием сухопутных действий против большой и не деморализованной турецкой армии и может быть выполнено силами от 8 до 10 армейских корпусов. Такая задача в настоящее время, до окончания войны на главном

театре, для нас непосильна. При условии же, что захват Дарданелл и Мраморного моря союзниками и дальнейшее их движение в тыл босфорским укреплениям произведет ожидаемое впечатление на турок и побудит их отказаться от расширения сферы боевых действий путем сосредоточения к берегам проливов всей их сухопутной армии, наше движение к Босфору и высадка нашего корпуса в качестве оккупационного явятся вполне возможными, целесообразными и необходимыми. Причем предполагается занятие территории как Константинополя, так и прилегающих районов проливов, т. е. Босфора по обоим его берегам, а Дарданелл по западному берегу, заранее предусмотренным выделением в ведение союзников отдельных кварталов турецкой столицы. Вот для этой цели и намечалось назначение сухопутного десантного корпуса»^[53].

Но и без ясности относительно Бургаса десантной операции не суждено было осуществиться, так как обстановка на австро-германском фронте заставила десантный корпус, готовый к выходу на Константинополь, 11 мая высадиться обратно в Севастополе — после начала австро-германской Горлицкой стратегической наступательной операции он потребовался на Юго-Западном фронте. В итоге генералу В. Н. Никитину вместо 5-го Кавказского армейского корпуса были переданы 2-я, 12-я и 38-я ополченские бригады.

Когда 13 мая до С. Д. Сазонова дошли сведения о возможной переброске на австро-германский фронт намеченного для отправки в Константинополь экспедиционного корпуса, он обратил внимание начальника штаба Верховного главнокомандующего на крайнюю нежелательность с политической точки зрения нецелевого использования корпуса, считая «невозможным, чтобы Царьград, составляющий самое ценное приобретение, которое нам может дать настоящая война, был завоеван исключительно трудами наших союзников, помимо нашего участия». С. Д. Сазонову сообщили, что оперативно-стратегическая обстановка в Галиции не позволяла мариновать собранные в Одессе для будущего десанта у Босфора войска и они были использованы на «самом важном» (?!), то есть австро-германском фронте.

На следующий день министр был успокоен сообщением из Ставки, что хотя намеченный для десантной операции корпус действительно направлен в Галицию, он уже заменен в Одессе другим соединением. Но когда С. Д. Сазонов 15 мая решил узнать, состоит ли соединение из первоочередных войсковых частей, он получил неприятное известие, что отряд состоит из трех бригад ополченцев, трех морских батальонов

(включая батальон Гвардейского экипажа)^[54], одного казачьего полка (к этому «следует прибавить одну кавказскую дивизию») — всего около 40 тыс. человек.

Таким образом, первоочередные войска были заменены не спаянной разнородной группой войск, в которой численно преобладали ополченские части, боевое значение которых оценивалось весьма невысоко. Назвать эту группировку сколоченным соединением, обладающим необходимой артиллерией и иными организационными ресурсами, было невозможно.

Такое отношение Верховного командования русской действующей армией имело катастрофические последствия для самой многообещающей операции мировой войны. Да, неблагоприятная для русских войск оперативно-стратегическая обстановка весной-летом 1915 г. предопределила использование десантных войск для других целей. Но что мог сделать армейский корпус на австро-германском фронте? Срок жизни — несколько дней, после которого обескровленное соединение было необходимо доукомплектовывать, а иногда и реорганизовывать. На Босфоре же корпус мог сыграть важнейшую стратегическую роль, переломную для хода мировой войны.

Г. Вильсон отмечал, что «русские не имели резервов для нападения на Константинополь, которое являлось необходимым дополнением к операции форсирования Дарданелл. Правда, для этой цели были выделены русские войска, но их отсутствие в критический момент на сухопутном фронте, может быть, спасло Венгрию и помешало наступлению русских армий через Карпаты на Будапешт»^[55]. Но вряд ли корпус (даже два) мог сыграть сколько-нибудь заметную роль в решении вышеуказанных задач на фоне грандиозных масштабов Великой войны. Мы склонны поддержать мнение А. А. Керсновского, считавшего, что, не осуществив Дарданелльский проект, Россия упустила реальный шанс ускорить выигрыш мировой войны в свою и Антанты пользу.

После того как стало понятно, что обстановка «не позволяла» выделить серьезные силы для десантной операции, было решено ограничиться бомбардировкой босфорских укреплений и демонстративной подготовкой десанта в Одессе. Но даже это пошло на пользу союзникам. Г. Лорей, автор германского официального издания «Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг.», указывает, что германо-турецкое командование имело от своей агентуры сведения о сосредоточении в Одессе транспортов и о подготовке к переброске войск. Со своей стороны русское командование из показаний пленных, захваченных на судах,

перевозивших уголь из Зонгулдака, узнало о том, что в ожидании возможного десанта турецкое командование сосредоточило в районе Босфора до четырех корпусов, отказывая в выделении из этого района каких-либо подкреплений для Дарданелл.

Проект Босфорской операции неоднократно видоизменялся.

Так, в дальнейшем разрабатывались планы десанта в случае выступления Болгарии на стороне Антанты.

Позже весной 1916 г. для штурмовой операции в районе Босфора началось формирование Черноморской десантной дивизии (полки Цареградский, Нахимовский, Корниловский и Истоминский) под командованием генерала А. А. Свечина (начальник штаба полковник А. И. Верховский). Предполагалось, что в авангарде десанта будет ударный отряд морской пехоты, командовать которым был назначен генерал Комаров, отличившийся во время боев в Галиции летом 1915 г. Фактически новое соединение было дивизией только по названию — его планируемый состав доходил до корпуса. Для доукомплектования на тот период требовались 3 генерала, 31 штаб-офицер, 245 обер-офицеров, 39 чиновников, 40 врачей, 17 869 солдат, 4259 лошадей, 1219 повозок, 12 568 винтовок. В Севастополе же имелось в наличии всего лишь 70 старших и младших офицеров, 13 врачей, 630 фельдфебелей и унтер-офицеров, 3500 солдат^[56].

Однако формирование соединения продвигалось, причем, как вспоминал начальник военно-морского управления Ставки контр-адмирал А. Д. Бубнов, «государь повелел, чтобы для укомплектования этой дивизии по штатам, разработанным Морским Штабом Верховного Главнокомандующего, было отправлено из армии достаточное число особо отличившихся в боях офицеров и солдат — георгиевских кавалеров.

Кроме того, в состав десантного отряда должна была еще войти сформированная в портах Балтийского моря так называемая Балтийская “морская” дивизия, которая для этого была перевезена на побережье Черного моря, а также значительно расширенный в своем составе Гвардейский экипаж.

Государь до самого конца своего верховного командования все время живо интересовался ходом формирования десантной дивизии и... всегда подробно меня об этом расспрашивал»^[57].

Со временем проблемы решались — и в первую очередь в отношении средств доставки. Так, к весне 1916 г. николаевский завод «Руссуд» поставил флоту около 50 самоходных десантных барж, рассчитанных на

перевозку батальона пехоты или двух батарей полевой артиллерии каждая, около 30 мелкоосидающих судов для погрузки и выгрузки войск, в Николаеве были заказаны специальные десантные боты.

Русский самоходный десантный бот вмещал в тихую погоду 60 пеших бойцов, или 10 бойцов и 10 лошадей, или одно 76-мм орудие, или одну 122-мм гаубицу с зарядным ящиком, передком и орудийными расчетами. Осадка бота при полной загрузке — 0,8 м. Размеры десантного бота позволяли поднимать его на шлюпбалки транспорта после небольшой переделки. Один паровой катер среднего типа мог буксировать три таких десантных бота, но обводы ботов препятствовали развитию значительной скорости.

В 1916 г. в русском флоте в качестве самоходных высадочных средств появились так называемые «Болиндеры», представлявшие собой десантные лихтеры. Русские «Болиндеры» были 24 м длиной и без груза имели осадку около 0,8 м. Грузовместимость «Болиндеров», или, как их еще называли, самоходов, была очень большой. При коротких перевозках они поднимали батальон пехоты или батарею артиллерии — 400 бойцов, 65 лошадей и 45 двуколок. Осадка их с таким грузом была 1,2 м.

Новинкой было десантное судно типа «Эльпидифор» — малой осадки и большой вместимости, способное оперативно принимать и выгружать груз. «Эльпидифоры» тоннажем от 500 до 1200 тонн и грузоподъемностью 960–1280 тонн имели машинное отделение в кормовой части, тогда как вся передняя часть (на две трети длины судна) была занята вместительными трюмами. Практически нулевая осадка носа наделяла «Эльпидифоры» неоценимым качеством — возможностью работать без пристаней, уткнувшись в берег и сразу высаживая десант или разгружаясь.

Для быстрого отхода от берега и для того, чтобы прибой не поставил судно лагом, перед подходом к берегу с кормы отдавался якорь. Как только судно притыкалось к берегу, с носа при помощи носовой стрелы или брашпиля спускалась специальная сходня, по которой на берег спускался десант или подавался наиболее портативный груз, в то время как бортовые стрелы начинали подавать из трюмов остальной, более тяжелый груз. Мореходные качества «Эльпидифоров» также оказались вполне достаточными. Будучи спроектированы для работ на реках и на закрытых рейдах, низкобортные «Эльпидифоры» прекрасно показали себя и в качестве тральщиков и транспортов у бурного Анатолийского побережья, выдерживая даже штормовую погоду. Наличие трюмов позволяло иметь значительный запас топлива, расход которого был незначителен.

Если в начале войны Черноморский флот располагал 11 тральщиками

и 22 транспортами, то к осени 1915 г. — 55 и 160 соответственно^[58].

Летом 1916 г. было решено приступить к планомерной подготовке десантной операции, о чем 1 августа начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев отдал штабу Черноморского флота соответствующие директивы. В них было подтверждено сделанное еще в начале войны распоряжение о том, что в составе Черноморского флота всегда должны быть в готовности транспортные средства для перевозки одной дивизии, а также указано на необходимость увеличить эти средства, чтобы обеспечить возможность переброски еще двух дивизий. Это означало, что кроме 19 больших пароходов, уже выделенных для этой цели в начале войны, были необходимы еще 90 (всего на Черном море имелось 148 пароходов).

К осени 1916 г. был сформирован корпус тральщиков, освоены методы ночного траления, осуществлялась усиленная разведка побережья и босфорского укрепленного района. По ночам с миноносцев высаживались агенты разведывательного отделения штаба Черноморского флота, осуществлялась фотосъемка (в том числе через перископы подводных лодок) босфорских берегов.

Самый благоприятный для десантной операции летний период 1916 г. был упущен. Учитывая, что доформирование и обучение десантного корпуса должно было занять не менее 3–4 месяцев, а осенние и зимние шторма на Черном море не допускали и мысли о какой бы то ни было высадке в это время года, выполнение Босфорской операции было перенесено на весну 1917 г.

Сама операция мыслилась следующим образом.

Ночью к берегам Босфора приближается отряд тральщиков и начинает прокладывать в минных полях широкие коридоры для прохода боевых кораблей и транспортных судов. Такая тактическая схема уже осуществлялась черноморцами у Варны и осталась незамеченной противником.

На рассвете транспортная флотилия, подойдя к берегу, высаживает по обоим берегам Пролива две штурмовые дивизии с частями усиления и артиллерией. Район десантирования сразу же опоясывается сетями и минными заграждениями, контролируется дозорными кораблями.

С восходом солнца поддерживающие десантную операцию корабли Черноморского флота начинают обстрел неприятельских позиций, поддерживая наступление высадившихся войск.

День отводится на подавление береговых батарей и их захват. В это время высаживается третья дивизия с тяжелой артиллерией, и к вечеру

русский флот входит в Босфор.

Ночным штурмом десант овладевает группой турецких батарей среднего Босфора. Путь к Константинополю свободен.

Транспортная флотилия выдвигается за вторым эшелоном десантных войск (еще две дивизии), через четверо суток перебрасываемых к месту высадки — еще до прибытия крупных подкреплений к противнику...

Десантный корпус в составе пяти дивизий захватывает Константинополь и с тыла овладевает Чаталджинской позицией, преграждающей доступ к турецкой столице со стороны Балканского полуострова, отражая контрудар двух оттоманских дивизий, переброшенных из Дарданелл и Смирны.

Флот в это время выходит в Мраморное море. Десант, прочно закрепившись на занятых позициях, теперь может смело ожидать подхода любых неприятельских подкреплений с Салоникского фронта. Тем более что на Салоникском фронте находится и мощная группировка союзных войск.

Время начинает работать на русские войска в Босфоре. А Балканский фронт противника сворачивается на два года раньше, хороня надежды германского блока на победу в мировой войне.

Но...

Весьма показательным является следующий эпизод, воспроизводимый А. Д. Бубновым: «Однажды в начале войны, за завтраком в вагоне-ресторане у великого князя Николая Николаевича, мой сослуживец В. В. Яковлев и я, сидя за одним столиком с генерал-квартирмейстером генералом Ю. Н. Даниловым, завели с ним разговор о решении вопроса о Проливах, на что он нам ответил: “Об этом поговорим, когда будем на реке Одере”, — иными словами, после победы над Германией»^[59].

И такое отношение к Босфорской операции было свойственно не только первой Ставке.

Будучи убежден, что вопрос о Проливах будет решен победой над Германией, начальник штаба Верховного главнокомандующего второй Ставки генерал от инфантерии М. В. Алексеев также считал Босфорскую операцию ненужной затеей, способной лишь отвлечь войска от главного театра военных действий и тем самым затруднить общую победу. И потому всячески саботировал ее реализацию в 1916 г.

Это притом что оперативно-стратегическая обстановка в этот период складывалась для русских войск исключительно благоприятно. К весне 1916 г. вследствие ряда катастроф на Кавказском фронте, постоянных неудач в районе Суэцкого канала и Палестины, а особенно вследствие

тяжелых потерь при обороне Дарданелл боеспособность турецкой армии была в значительной мере подорвана, а материальные ресурсы исчерпаны.

Последний удар боеспособности турецкой армии нанесло немецкое верховное командование, потребовав в связи с успехами Брусиловского наступления летом 1916 г. отправки на галицийский фронт целого турецкого корпуса. В состав корпуса вошли наиболее боеспособные части из состава группировки, находившейся в районе Проливов и Константинополя.

После переброски в июле 1916 г. этого корпуса в Галицию в районе Проливов остались всего три дивизии. Учитывая слабую пропускную способность железнодорожных путей, германцы при всем желании не смогли бы перебросить в угрожаемый район более или менее значительные подкрепления ранее чем через две недели после начала русской десантной операции. В этой обстановке и небольшой русский десант (2–3 дивизии, так как большее число соединений М. В. Алексеев в принципе не считал возможным выделить из состава действующей армии) мог сыграть важнейшую стратегическую роль.

Фактом является то обстоятельство, что весной 1915 г., когда боеспособные турецкие войска занимали позиции на Галлиполи, англичанам удалось высадить пять своих дивизий и с переменным успехом девять месяцев вести боевые действия. И уж, конечно, летом 1916 г., когда боеспособность Турции была сведена к минимуму, пяти отборным дивизиям из состава доблестной Кавказской армии тем более удалось бы благополучно высадиться на берег Босфора и быстро занять Босфорский район, обороняемый всего лишь одной турецкой дивизией, отразив контрудар еще двух.

В 1916 г. Турция была самым слабым звеном германского блока, и Босфорская экспедиция вместе с Брусиловским наступлением могли запустить цепную реакцию обрушения вражеской коалиции.

Мировая война могла быть сокращена на два года.

Лозунг «Ключи от Босфора находятся в Берлине», которого придерживалась русская Ставка, оказался в корне неверным. Итоги Второй мировой войны, как мы увидим ниже, являются ярким тому доказательством.

Вновь мысль о захвате Константинополя возникла накануне Февральской революции 1917 г.

6 марта 1917 г. преемник Б. В. Штюрмера на посту министра иностранных дел Н. Н. Покровский представил Николаю II записку, в которой развивал мысль о необходимости приступить к организации

военно-морской экспедиции для овладения Константинополем и Проливами.

Не преуменьшая политического значения дипломатических соглашений, состоявшихся ранней весной 1915 г., о Проливах и Константинополе, высказывая обоснованное недоверие к намерениям союзников России, министр отмечал, что обязательства союзников по данному вопросу являются «в сущности лишь векселем, выданным нам Великобританией, Францией и Италией, но платеж по нему должен быть произведен третьим лицом — Турцией, которая в соглашении не участвовала и, в зависимости от обстановки на интересующем ее театре войны, может отказаться удовлетворить наши требования». Докладчик указывал на то, что «состояние географической карты войны к моменту открытия мирных переговоров», а не обещания союзников будут иметь решающее значение, то есть повторял в иной форме мысли, высказанные С. Д. Сазоновым в декабре 1914 г.

Логический вывод напрашивался сам собой — это необходимость к моменту заключения мира овладеть Проливами или по крайней мере настолько к ним приблизиться, чтобы при решении этого вопроса быть в силах оказать должное давление на Турцию.

Без этого, по справедливому замечанию Н. Н. Покровского, мы едва ли когда-нибудь получим Константинополь и Проливы, и соглашение о них превратится в простой клочок бумаги.

Достигнутые ранее соглашения формально обязывали союзников не препятствовать утверждению России в Проливах, но, как отмечал политик, «ни наши теперешние союзники, ни противники никогда не забудут и не простят, что мы хотели Царьграда и Проливов».

На этой операции «зиждется будущее политическое значение России на Ближнем Востоке», отмечал Н. Н. Покровский, предлагая план соответствующей операции. Место желательного десанта — район устья реки Сакарии в Малой Азии, предположительные размеры десанта — 200–250 тыс. человек, срок — октябрь 1917 г.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев не только отверг план Н. Н. Покровского как не соответствующий реальным условиям, но и в очередной раз исключил всякую возможность экспедиции до «поражения нашего главного и сильного врага» — Германии.

Наиболее рьяным приверженцем завоевания Проливов был преемник Н. Н. Покровского на должности министра иностранных дел П. Н. Милюков, во время приезда в Ставку в конце марта 1917 г. настаивавший не менее энергично, чем его предшественник, на

неотложности Босфорской экспедиции и получивший заверения, что подготовка к ней идет полным ходом.

Как уже отмечалось, очередная русская десантная операция для овладения Константинополем была запланирована на весну 1917 г. Учитывая спокойную обстановку на фронте, истощение стран германского блока, опыт русской армии и энергичное руководство предполагаемой операцией (возглавить ее должен был командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак), можно было справедливо надеяться на успех. Но Февральский переворот и начавшееся разложение армии не дали осуществиться этому замыслу.

Как следовало из показаний А. В. Колчака, решение Ставки о начале последней Босфорской операции относится к июлю 1916 г., когда вице-адмирал был назначен командующим Черноморским флотом с возложением на него подготовки такой операции к началу апреля.

В революционной России возможности для проведения такой операции были сведены к минимуму. Разложение армии и флота, разрушение экономики поставили крест на Босфорском проекте.

Расстройство хозяйственной жизни государства и транспортной инфраструктуры прогрессировало столь быстро, что коллега П. Н. Милюкова, военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков должен был признать фантастичность босфорских планов. Склонный уже в декабре 1914 г. к пессимистическим взглядам на возможность благополучного для России исхода войны, он признал изъятие более чем половины черноморских транспортных судов из области хозяйственного грузооборота настолько вредным и опасным, что телеграммой от 1 апреля 1917 г. начальнику Морского штаба распорядился о приостановке подготовительных работ «по оборудованию транспортных средств для предположенной десантной операции с целью захвата Проливов».

Вслед за тем соответствующие указания были отданы 3 апреля и генералом М. В. Алексеевым штабу Черноморского флота.

1 мая 1917 г. распоряжением А. И. Гучкова подготовительные работы на части транспортов были приостановлены, а летом катастрофическое падение боеспособности Черноморского флота решило судьбу этой многообещающей стратегической операции.

Государственная разруха России не позволила сбыться босфорским планам, оставалось лишь делать хорошую мину при плохой игре: еще 20 сентября 1917 г. А. А. Нератов поручал посланнику в Афинах Демидову принять меры к тому, чтобы «по крайней мере в субсидируемых миссией

органах греческой печати образ действий Временного правительства не истолковывался в смысле отказа России от Константинополя».

Учитывая, что турецкие Проливы имели огромное значение для стратегического исхода противостояния, в течение Первой мировой войны 1914–1918 гг. Россия дважды была близка к десантной операции в Босфор и в перспективе в Константинополь (Стамбул). Первый раз — весной 1915 г., когда отсутствие должной подготовки, транспортных средств и тяжелая обстановка на Юго-Западном фронте, а также нехватка крепкой политической воли не позволили осуществить «царьградский десант». Второй раз — летом 1916 г., когда при наличии всех технических и организационных предпосылок позиция штаба Ставки, не допустив воплощения замысла в реальность, перенесла операцию на весну 1917 г. Но, как и в ситуации с Дарданелльской операцией, удачное время прошло. «Упущенный момент не вернется вовеки», — говаривал Наполеон Бонапарт. И события революционного 1917 г. помешали реализации затянувшегося проекта Босфорской операции.

Интересно проследить ее генезис.

Первоначально (весной 1915 г.) она мыслилась как вспомогательная операция русских вооруженных сил навстречу прорвавшемуся через Дарданеллы союзному флоту и экспедиционному корпусу. В этот период Черноморский флот еще не имел господства на море, оспаривая его у «Гебена», состав десантного корпуса носил достаточно случайный характер. В 1916–1917 гг. Босфорская экспедиция мыслилась как вполне самостоятельная оперативно-стратегическая операция Вооруженных сил России — взаимодействовать уже было не с кем, но Черноморский флот господствовал на море, а десантный корпус включал в себя ударные соединения, специально предназначенные для штурмовой кампании.

Так возможно ли было реализовать босфорское стратегическое планирование в оперативно-тактическом аспекте?

Решение этого вопроса могло быть достигнуто движением армии по западному побережью Черного моря через Румынию и Болгарию либо совместными действиями флота и армии (высадкой десанта на турецкое побережье вблизи Босфора под прикрытием и при поддержке флота). При отсутствии возможности привлечения Болгарии и Румынии на сторону Антанты оставался доступным лишь второй вариант.

При осуществлении комбинированной десантной операции флоту ставятся следующие задачи:

- 1) защита идущих в море транспортов с войсками от нападения на них неприятельского флота;

- 2) подготовка места высадки артиллерийским огнем;
- 3) обеспечение безопасности высадки десанта;
- 4) обеспечение подвоза предметов снабжения, пополнений и эвакуации раненых и больных после осуществления высадки.

Высадка десанта могла быть осуществлена одномоментно (если транспортные средства позволяют перевезти сразу все десантные войска) или в несколько этапов (транспортные средства могут поднять лишь часть войск).

Минимальным количеством десантных войск является такое, которое смогло бы удержаться на месте высадки и не дать себя сбросить в море до подхода своих подкреплений; чем большее количество войск может быть переброшено одновременно, тем лучше. Соответственно, необходимо иметь сильный транспортный флот.

Пароходы Черноморского флота, которые годились для этой цели, составляли транспортную флотилию в составе около 100 транспортов в среднем в 5–6 тыс. тонн водоизмещения каждый. Этот транспортный флот мог одновременно поднять один армейский корпус трехдивизионного состава (40 тыс. человек). Впоследствии выяснилось, исходя из опыта морских перевозок во время мировой войны, что этот транспортный флот мог поднять на борт даже больше — до 1,25 корпуса (высадка в Ризе 23 марта 1916 г. — 25 транспортов с десантом вышли из Новороссийска в Ризу, были высажены две бригады пластунов и один горный дивизион (всего 18 тыс. человек), затем эти же транспорты произвели еще высадку одной пехотной дивизии в составе 17,5 тыс. человек в Трапезунде).

Кроме транспортов с десантом к месту десантирования следуют и средства высадки для переброски войск с транспортов на берег (баржи-самоходы, буксиры и т. д., частично тоже погруженные на транспорты). Очень важно надежно охранять эту громоздкую экспедицию от нападения неприятельского флота как при переходе, так и во время высадки.

Необходимо значительное преимущество в силах и господство на море. При подходе к месту высадки на флот ложится задача борьбы с береговыми батареями противника, а при осуществлении высадки — поддержка своих войск артиллерийским огнем.

Таким образом, флот должен защищать транспорты, осуществлять огневую поддержку, обеспечить коммуникации и захватить господство на море. Турецкий флот, имея в своем составе быстроходные линейный крейсер «Гебен», легкий крейсер «Бреслау» и эскадренные миноносцы типа «Милет», мог перехватить русский транспортный флот. Господства на море после прорыва «Гебена» Черноморский флот также не имел.

Сравнение морских сил показывает, что силы противников были приблизительно равны. Русский флот выходил в море в составе 4–5 старых линкоров, 2 крейсеров, 1 вспомогательного крейсера и эсминцев, причем держался всегда компактно. У турок в море выходили «Гебен», 3 крейсера и 4 эсминца. В базах оставались: у русских 2 устаревших линкора («Синоп» и «Георгий Победоносец»), у турок — 3 старых линкора (два типа «Хайреддин Барбаросса» и «Мессудие»).

Мы противопоставляли «Гебену» всю бригаду черноморских линкоров. Имея преимущество в ходе, «Гебен» при встрече в море с нашей бригадой мог поступить как угодно, то есть принять бой, если ему это было выгодно, или уйти. В легких крейсерах турецкий флот был незначительно сильнее русского, потому как имел против двух наших крейсеров типа «Кагул» и вспомогательного крейсера «Алмаз» два типа «Гамидие» и быстроходный «Бреслау». В миноносцах мы были сильнее противника, особенно после вступления в строй «Новиков» (типа «Беспокойный»), но турецкие эсминцы типа «Милет» обладали большей скоростью.

Турецкое командование не хотело рисковать «Гебеном», потому как с его потерей оно не могло бороться за господство на море. Пока «Гебен» существовал, можно было безнаказанно совершать налеты на любой участок побережья, была надежда на уничтожение русского флота по частям (в случае встречи его в море не в полном составе). Встреча «Гебена» с нашей бригадой 18 ноября 1914 г., убедившая его в достаточной силе бригады в целом, и сознание того, что у русских скоро вступят в строй линкоры-дредноуты «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», заставляло его избегать решительного боя. «Гебен» никогда не выходил в море со старыми турецкими линкорами, потому что они своей малой скоростью связывали бы его и могли заставить принять бой в неблагоприятных условиях. Отсутствие в Константинополе дока для «Гебена» делало турецкое командование еще более осторожным.

При наличии «Гебена» русское командование не могло вынудить турок к бою без их желания.

Следовательно, уничтожить в бою морскую силу турок мы не могли, и для получения господства на море оставалось заблокировать противника на его базе (Босфоре).

В связи с необходимостью заблокировать все морские силы Турции следовало иметь у Босфора ядро линейного флота, крейсера, миноносцы, заградители для постановки мин заграждения, сторожевые, тральщики и другие вспомогательные суда. Таким ядром у русского флота мог быть только действующий флот, то есть бригада линкоров, причем (так как

русский флот имел базу в Севастополе, находящуюся в 300 милях от Босфора, и промежуточной базы у него не было) он не мог двинуть к Босфору все свои старые и мелкие суда, чтобы использовать их для вспомогательных целей при осуществлении блокады. В то же время близость к линии блокады позволяла турецкому флоту направить для борьбы с нами все свои даже второстепенные силы.

Удаленность места боя (блокады) от нашей базы говорит о том, что русские корабли в случае получения повреждений в бою могли бы и не дойти обратно. Но если даже допустить, что русский флот был сильнее турецкого, то он все же не мог постоянно держаться у Босфора в боевой готовности, так как ему были необходимы погрузка топлива и иных материалов, ремонт механизмов, а также был нужен отдых личному составу — все это он мог получить только на базе.

Необходимость ухода на базу блокирующего ядра без его замены делала несение блокады нашим флотом при базировании его на Севастополь невыполнимым. Тяжелые условия блокадной службы и требования минимума времени для передвижений на свою базу и обратно заставляют блокирующего искать для себя промежуточную стоянку вблизи пункта блокады.

Именно поэтому командующий Черноморским флотом считал Бургас той самой подходящей стоянкой. Расстояние от Севастополя до Бургаса или иного пункта на западном или малоазиатском берегу было приблизительно то же, что и до Босфора (270–310 миль). Захват какого-либо из этих пунктов силой требовал перевозку десанта и в дальнейшем обеспечение его снабжения, что подразумевало господство на море, которым русский флот пока не обладал. Для удержания Бургаса необходимы были большие силы, поскольку для Германии такая расстановка сил стала бы реальной угрозой линии Берлин — Константинополь.

Альтернативные пункты (Эрегли, Зонгулдак, Инаида) были менее предпочтительны по природным особенностям, но тем не менее возможны.

Таким образом, Босфорская операция на первом этапе была проблематична для Черноморского флота: он не был достаточно силен для боя у Босфора, удаленность его базы (Севастополь) не позволяла ему осуществить блокаду Босфора — следовало решать вопрос с промежуточной базой.

Иная обстановка сложилась позднее.

Очевидно, что морская мощь блокирующего должна быть в 2–3 раза больше сил противника (прямо пропорционально от расстояния до базы).

Соотношение сил на Черном море во второй период войны, учитывая

вступление в строй 2 дредноутов, 7 эсминцев типа «Новик» и 6 новых подлодок, а у турок вступление 6–8 немецких подлодок, гибель крейсера «Меджидие» и линкора «Мессудие», говорит о том, что наш флот являлся сильнее турецкого флота. Да и «Гебен» с «Бреслау», неоднократно подрываясь на минах, подолгу отстаивались на базах.

Преимущество в силах русского флота было настолько велико, что русское командование смогло создать две маневренные группы, каждая из которых была сильнее турецкого флота (а с бригадой старых линкоров — три группы).

С учетом угрозы от германских подводных лодок одна группа должна была находиться на позиции у Босфора, другая — успеть сходить на свою базу (Севастополь), загрузиться топливом, произвести необходимый ремонт, дать отдых личному составу и вернуться обратно.

Запас топлива позволял каждой группе находиться в море 5–6 суток. Двое суток должно было тратиться на переход от Севастополя до Босфора и обратно, а оставшиеся 3–4 суток каждая группа могла дежурить у Босфора. График достаточно напряженный, но вполне реальный.

Для эсминцев необходимо было предусмотреть дозаправку топливом в море.

Сухопутных войск у турок в районе Босфора было 1–2 дивизии (с учетом отдельных частей и запасных войск). Наличие железных дорог из Македонии и Смирны давало возможность через двое суток перебросить еще две дивизии (одну из Смирны, вторую из Дарданелл).

С учетом планового ремонта части русских транспортов общий срок полной готовности десантного корпуса составлял два месяца с момента отдачи приказа (но это на весну 1917 г., более ранняя ситуация была благоприятнее). Для осуществления единовременной высадки трех десантных дивизий с артиллерией, специальными и тыловыми учреждениями имелись технические средства в полном объеме и полной исправности. Их количество позволяло провести высадку в 12-часовой срок при условии штилевой погоды (данные опыта высадки дивизий Кавказского фронта).

Черноморский флот для поддержки высадки десанта проходил курс артиллерийской стрельбы по берегу, было выработано наставление для десантных операций^[60], заготовлены материалы для ограждения места высадки от подлодок противника.

Для переброски 2-го корпуса требовалось до двух недель времени (с учетом высадки 1-го эшелона, перехода транспортов к пунктам посадки, погрузки топлива, посадки 2-го эшелона и перевозки его морем из

Севастополя и Одессы). При огневой поддержке с моря, как показал опыт Галлиполи, боеспособный десант вполне мог это время продержаться.

Но высадка десанта могла быть проведена и не в самом Босфоре, а в районе, достаточно удаленном от пролива для безопасного сосредоточения нашей десантной армии. Целью десанта могло быть или наступление на Босфор, или удержание плацдарма для следующего десанта.

Соответственно, на этом этапе борьбы силы русского флота имеют более чем тройной перевес перед турецким флотом, и 2–3 маневренные группы (две возглавляемые дредноутами, третья состоит из пяти линкоров-додредноутов) могут вполне блокировать Босфор. Блокада рассчитывается на широкое применение мин заграждения, дающее возможность начинать бой, пока противник будет проходить с тралами по минному заграждению. Русские подводные лодки делают блокаду еще более плотной. Пополнение запасов топлива для линейных кораблей и крейсеров возможно походами в Севастополь, а для мелких судов — с транспортов и плавучей базы в море и походами в Севастополь. Борьбу с неприятельскими подлодками возможно осуществить ударом по их базе и несением охраны места блокады и своих портов и побережья.

Блокада Босфора — это уже господство на море, и десантные силы из состава Кавказской армии, привыкшие бить турок, могут приступить к выполнению боевой задачи.

Итак, начиная с весны 1915 г. Босфорская операция России имела все шансы на успех. Почему события развивались совсем иначе?

Во время Первой мировой войны в России «Турцию... считали только второстепенным врагом, навязавшим нам второстепенный театр военных действий. [...] Овладей мы Константинополем весной 1915 года, все успехи австро-германцев были бы сведены на нет. Революция не произошла бы: “климат” в стране стал бы совсем не тот. Да и война не затянулась бы до 1917 года. Турецкий фронт становился для России главным. Только там мы могли решать великодержавную задачу. Австро-германский фронт становился второстепенным. Там главное было — продержаться. Ничего этого не заметили, более того — не хотели заметить»^[61].

Отсутствие кругозора у высшего командования и политической воли у военно-политического руководства государством, энергичности, распорядительности и компетентности — вот главные причины. Не только союзный, но и русский генералитет и адмиралитет оказались не на высоте положения. Как писал А. Д. Бубнов, «руководители нашего сухопутного Генерального Штаба держались перед 1-й мировой войной уже отжившего строгодогматического требования о безусловном сосредоточении

максимума сил на главном театре военных действий, в связи со строжайшей экономией при выделении сил для второстепенных операций; причисляя к таковым Босфорскую операцию, они ошибочно полагали, что выделение для этой операции необходимых десантных войск ослабило бы “без всякой пользы” наши силы на главном театре войны, где для успешной борьбы с таким грозным противником, каким была Германия, ни один батальон не мог бы быть лишним.

С другой стороны, Генеральный штаб не усматривал никакой непосредственной помощи операциям армии на главном театре войны от завладения Босфором, т. е. от обеспечения наших морских сообщений для подвоза боевых припасов из-за границы, ибо, придерживаясь распространенного ошибочного мнения о непродолжительности грядущей войны, считал, что она будет закончена с теми боевыми запасами, которые окажутся в наличии при ее начале»^[62].

Возможно, следовало включить Босфорскую операцию в стратегический план войны с Германией — это позволило бы к ней планомерно и качественно подготовиться, а сама операция не выглядела бы в глазах высшего командования экспромтом.

Босфор и Дарданеллы были недооцененным ключевым стратегическим пунктом Первой мировой войны, поэтому провал Дарданелльской операции Антанты и отсутствие реализации Босфорской операции России — величайшая беда стратегического масштаба, плоды которой Европа и Россия пожинают до сих пор.

Глава 6. Ключи от Босфора в Берлине?.. — Проливы и итоги Второй мировой войны

Советская Россия, возникшая в пламени революций 1917 г. и Гражданской войны, отказалась от притязаний на Константинополь и Проливы. В Декрете о мире, принятом II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г., было объявлено, что тайные договоры, заключенные царским и Временным правительством, «безусловно и немедленно» отменяются. Это касалось и договоренности, достигнутой в 1915 г. между Петербургом, Лондоном и Парижем, согласно которой в случае разгрома Германии и Турции судьба Турецких Проливов и Константинополя должна быть решена в соответствии с интересами России.

Более того, обращение Совета народных комиссаров РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. содержало следующую формулировку: «Тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, — ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее Правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман». Комментарии, как говорится, излишни.

Проблема Проливов не принадлежала к числу внешнеполитических приоритетов большевистского руководства, его больше интересовало, как удержаться у власти. Тем более что по условиям Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г. Советская Россия потеряла Черноморский флот.

Положение о том, что «Правительство Российской Республики и Правительство Оттоманской Империи обязуются заключить консульскую конвенцию и другие акты, какие они найдут необходимыми, чтобы урегулировать свои правовые отношения», означало, что советской дипломатии придется налаживать все направления отношений с Турцией фактически с чистого листа, потеряв все то, что было наработано российской дипломатией за 200 лет и закреплено кровью русских солдат и офицеров в ходе ряда победоносных русско-турецких войн.

В конце марта 1918 г. турецкие войска вступили в пределы Закавказья и стали занимать области, территориально значительно превышавшие те районы, которые Советская Россия была обязана уступить Турции (это притом, что Кавказский фронт проходил по территории Турции на глубину

250 км) даже по Брест-Литовскому мирному договору.

Но случилось закономерное: Турция была разгромлена в Первой мировой войне, и 30 октября 1918 г. в порту г. Мудрос острова Лемнос, главной базы союзников во время Дарданелльской операции, было подписано соглашение о перемирии, по которому турки обязывались открыть Антанте свободный доступ в Черное море и соглашались на занятие ее войсками Константинополя и Проливов. Кроме того, Турции было необходимо очистить Аравию, Месопотамию, Сирию, Армению, часть Киликии, немедленно демобилизовать свою армию и сдать все военные корабли.

Парадоксально, но для государства — правопреемника Российской империи сохранение независимой Турции было предпочтительнее, чем появление на территории бывшей Османской империи режима, подконтрольного Антанте. В ходе греко-турецкой войны 1919–1922 гг. все симпатии советского правительства были на стороне турок, а советские военные советники помогали кемалистам бороться с греческой армией.

Вопрос о Проливах затрагивался на Парижской мирной конференции 18 января 1919 г. — 21 января 1920 г. Но вследствие выявившихся разногласий между США и Англией, а также между Францией и Англией по вопросу о разделе Турции, к каким-либо серьезным решениям прийти не удалось.

Однако в Севрском мирном договоре от 10 августа 1920 г. это упущение было исправлено — территория Турции сокращалась на три четверти, державам-победительницам предоставлялся полный контроль над всей экономикой страны, вооруженные силы Турции ограничивались 50-тысячным корпусом, а судоходство в Проливах объявлялось открытым как в мирное, так и в военное время для всех торговых и военных кораблей без различия флага. Турция обязывалась выдать победителям большую часть военного флота и срыть укрепления в зоне Проливов и островов. Для наблюдения за порядком судоходства в зоне Проливов создавалась международная комиссия, в которой господствовали представители Англии и Франции.

Кемалистская революция началась во многом как реакция турок на условия этого хоть и сурового, но вполне заслуженного ими мирного договора.

16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между Россией и Турцией, по которому Турция согласилась вернуть Грузии город-порт Батум и прилегающий к нему район. Стороны договорились, что международный статус Черного моря и Проливов должен обсуждаться на

будущей конференции, причем делегатами от черноморских государств.

По итогам греко-турецкой войны Константинополь и Проливы оставались в оккупации союзников вплоть до заключения окончательного мирного договора.

И такая конференция открылась 20 ноября 1922 г. в Лозанне. Открытию конференции предшествовала упорная политико-дипломатическая борьба между «приглашающими» странами (Англия, Франция, Италия — лидером была Англия, выступавшая главным инициатором и организатором конференции) с одной стороны, и Советской Россией — с другой, по вопросу участия или неучастия последней в работе конференции (и если участия, то на каких условиях). Высказавшись против того, что нечерноморские державы присвоили себе право регулировать режим Проливов без участия России и вопреки ее интересам, правительство РСФСР заявило, что оно не признает никаких решений по этой проблеме, принятых без его участия.

Ситуация усложнилась ухудшением советско-турецких отношений, что накладывало отпечаток и на процесс согласования позиций обеих стран по вопросу о Проливах. Причинами охлаждения стали требования турецкого правительства прекратить операции представительства советского Внешторга на территории Турции и начавшиеся в Турции репрессии против турецких коммунистов.

Советская делегация на конференции изложила свое видение режима Проливов: безусловное обеспечение свободы торгового судоходства и мирных морских коммуникаций на Босфоре, в Мраморном море и Дарданеллах, установление прочных гарантий сохранения мира на Черном море и безопасности его побережья, как и сохранения мира на Ближнем Востоке и безопасности Константинополя.

Это означало, что как в мирное, так и в военное время Дарданеллы и Босфор должны быть закрыты для военных и вооруженных кораблей и судов, а также военной авиации всех стран, кроме Турции. Основа этой позиции — Дарданеллы и Босфор — принадлежат Турции. Была отмечена недопустимость преобладающего положения той или другой державы или группы держав.

Впервые можно отметить наличие определенной преемственности политики советской и дореволюционной России в вопросе о Проливах.

Второй этап Лозаннской конференции начался 23 апреля 1923 г.

В результате принятых решений Турция сохраняла единство в своих национальных этнографических границах (за исключением Мосула и Александретты, по которым еще предстояло договариваться). Перечеркнув

Севрский мирный договор, отдававший Турцию на милость победителей, Лозаннский мирный договор не давал другим державам повода для вмешательства в турецкие дела.

Лозаннская конвенция о режиме Проливов предусматривала свободу прохода через них в мирное и военное время морских и воздушных судов, а также демилитаризацию Босфора и Дарданелл. Максимальные военные силы, которые любая страна могла провести через Проливы в Черное море, не должны были превышать те, что принадлежали самому большому флоту на этом море. Вместе с тем державы получали право посылать в Черное море не более трех кораблей или судов водоизмещением не более 10 тыс. тонн каждое. Для контроля над выполнением конвенции создавалась Международная комиссия Проливов со штаб-квартирой в Константинополе (во главе с представителем Турции).

Таким образом, конвенция устанавливала такие правила прохода военных кораблей через Проливы, которые создавали угрозу для всех черноморских государств, в том числе и для самой Турции.

Опасными нормами этой конвенции с советской точки зрения являлись следующие положения: полное разоружение берегов Босфора и Дарданелл, зон и островов Мраморного моря; ограничение Стамбульского гарнизона 12 тыс. человек; свободный проход через Проливы в мирное и военное время иностранных военных кораблей, каковы бы ни были их флаг и тоннаж, без всякого ограничения и без предварительного предупреждения; кроме прочего, в состоянии войны Турция вольна не разрешить проход кораблей противника, но при этом военные корабли нейтральных Турции государств сохраняли свободу прохода.

Впрочем, так как Проливы подлежали разоружению и Турция не могла иметь на их берегах войск и артиллерию, то она не могла и препятствовать проходу каких-либо военных кораблей.

В итоге, подписав Лозаннскую конвенцию о Проливах, советское руководство, однако, не ратифицировало ее.

Для СССР наиболее желательным вариантом статуса Проливов был вариант, предусматривавший свободу прохода через Проливы военных кораблей черноморских государств и их закрытие для военных кораблей других стран, а также установление твердых гарантий для беспрепятственного прохода торговых судов.

Ведь при полном закрытии Проливов для военных кораблей терялась возможность перебрасывать свои военно-морские силы из разных морей, соответственно, утрачивалась возможность увеличивать Черноморский флот, обескровленный в Гражданскую войну, иначе как строя корабли на

черноморских верфях.

А при открытии Проливов СССР утрачивал исключительное положение самой сильной черноморской державы, теряя возможность эффективно воздействовать на Турцию. Усиливалась и угроза нападения со стороны нечерноморских недружественных государств; соответственно, открытие Проливов требовало создания более сильного военно-морского флота.

7 мая 1931 г. состоялось подписание протокола, предусматривавшего обязательство СССР и Турции не увеличивать свои военно-морские силы в Черном море без уведомления другой стороны за шесть месяцев.

А уже 24 марта 1933 г. на заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений турецкий представитель поставил вопрос о необходимости пересмотра статей Лозаннской конвенции, предусматривавших демилитаризацию Проливов. Аргументировалось это тем, что, учитывая возросший уровень военной техники, Турция не может обеспечить безопасный режим Проливов.

В условиях начавшейся гонки вооружений в Европе после прихода А. Гитлера к власти турки в 1934 г. вновь поставили вопрос о ремилитаризации Проливов. Нарушение Версальского договора Германией и введение немецких войск в демилитаризованную Рейнскую зону 7 марта 1936 г. крайне обострили международную обстановку.

И 20 июля 1936 г. во французском городе Монтре главы делегаций Болгарии, Франции, Великобритании, Греции, Японии, Румынии, Турции, СССР и Югославии подписали новую Конвенцию о режиме Проливов.

В первой статье конвенции признавался и подтверждался принцип свободы прохода через Проливы и свободы мореплавания в них. Торговые суда как в мирное, так и в военное время (если Турция не являлась воюющей стороной) пользовались правом полной свободы плавания в Проливах днем и ночью независимо от флага и груза, лишь соблюдая необходимые санитарные и таможенные правила. Во время войны, если Турция принимала в ней участие, торговые суда, не принадлежавшие странам, находящимся в состоянии войны с Турцией, пользовались свободой прохода через Проливы в дневное время при условии, что они не оказывают содействия противнику. Эти условия мало отличались от порядка, предусмотренного Лозаннской конвенцией.

Во втором разделе конвенции устанавливался порядок прохода через Проливы военных и вспомогательных кораблей; определялись их классы и характеристики, включая линейные корабли, авианосцы, легкие надводные корабли, подводные лодки, малые боевые суда, вспомогательные и

устаревшие корабли.

В мирное время для нечерноморских государств вводились следующие правила: 1) через Проливы могло пройти одновременно не более девяти легких надводных судов (водоизмещением не свыше 10 тыс. тонн) общим тоннажем не выше 15 тыс. тонн (в этот тоннаж не включались корабли, наносящие визит в один из портов Проливов); 2) военные силы всех нечерноморских государств, одновременно находящиеся в Черном море, не могли превышать тоннаж в 30 тыс. тонн; если тоннаж наиболее сильного флота в Черном море превысит по крайней мере на 10 тыс. тонн тоннаж наиболее сильного флота к моменту подписания конвенции (советский Черноморский флот), этот лимит пропорционально мог быть увеличен, но не более чем до 45 тыс. тонн. При этом ни одна нечерноморская держава не могла иметь в Черном море военный флот, превышающий по тоннажу $\frac{2}{3}$ лимита. Отступление допускалось только для судов, направляемых в Черное море для гуманитарных целей (для помощи при стихийных бедствиях), общим тоннажем не более 8 тыс. тонн. Военные корабли нечерноморских государств не могли оставаться в Черном море дольше 21 дня.

Черноморские государства могли проводить через Проливы свои надводные корабли любого тоннажа, но линейные корабли черноморских держав должны были проходить через Проливы поодиночке в сопровождении не более чем двух миноносцев, а легкие надводные суда — подчиняться правилам, установленным для нечерноморских государств.

О проходе через Проливы военных кораблей соответствующие государства должны были извещать турецкое правительство: нечерноморские — за 15 дней, черноморские — за 8.

Черноморские государства имели право проводить через Проливы подводные лодки, вновь построенные или купленные, требующие ремонта или возвращающиеся к месту приписки после ремонта, в случае если Турция заблаговременно получит соответствующее уведомление.

Военные корабли, проходящие через Проливы, не имели права пользоваться авиацией.

В военное время — при нейтралитете Турции в войне — на корабли невоюющих стран распространялись те же правила. Проход через Проливы кораблям воюющих стран запрещался, если речь не шла об оказании помощи жертве агрессии в соответствии с Уставом Лиги Наций или основанных на нем пактов о взаимопомощи.

В случае участия Турции в войне проход военных кораблей зависел от усмотрения турецкого правительства. Это же правило действовало, если

присутствовала угроза войны для Турции, но в этом случае вопрос рассматривался Лигой Наций.

Новая конвенция принесла Турции значительный дипломатический успех: были восстановлены суверенитет Турции над Проливами и ее право вооружить эту важную в стратегическом отношении территорию. Конвенция лучше охраняла и права черноморских государств, содействовала сохранению мира в Черном море, ведь оно теоретически было закрыто для иностранных военных кораблей.

Распоряжение Проливами, особенно в самые ответственные моменты, оказалось в руках Турции. Это вытекало из принятого на конференции принципа суверенитета Турции над Проливами. Хорошо это или плохо?

На момент подписания конвенции для СССР — черноморского государства, полностью не восстановившего военный флот, скорее хорошо. Для Турции — хорошо безусловно. Но конвенция не оговаривала ситуацию, когда государство — хранитель Проливов вступало в военно-политический блок, например в НАТО. Имея членом альянса государство-хранитель, блоку и не нужно было вводить свои корабли в Проливы.

Однозначно решить проблему безопасности Черного моря и черноморских государств достаточно тяжело, поскольку Проливы обладают следующими особенностями: они очень узки и их легко «запереть»; оба берега принадлежат одному государству — Турции; они соединяют открытое море (Средиземное) с закрытым (Черным). Турция имеет фактически двойной статус — это черноморская и средиземноморская держава.

Таким образом, вопрос об обеспечении безопасности Проливов, имевших для СССР колоссальное стратегическое и торговое значение (через Проливы перед Второй мировой войной проходило более половины экспорта СССР), в результате конференции так и не был окончательно решен.

10 ноября 1938 г. скончался президент Турции Мустафа Кемаль Ататюрк, который называл Советский Союз другом Турции.

Но...

Когда в Турции получили сообщение о германском нападении на СССР, наступила атмосфера всеобщего праздника. Люди поздравляли друг друга с этим событием, и «все сердца, памятуя о пяти веках истории, начали биться в унисон с немецкими победами».

Тем не менее вступать в войну на чьей-либо стороне Турция не собиралась. После нападения Германии на Советский Союз она в тот же день объявила о нейтралитете. Пакт о дружбе и ненападении между

Германией и Турцией был заключен еще раньше — 18 июня 1941 г. (но при этом сохранялся и союз с Англией, оформленный в мае 1939 г.).

С первых же дней войны СССР с Германией Турцию начали беспокоить английские заявления о совместных действиях с СССР и возможный пересмотр режима Проливов. Настороженность у турецкого правительства вызвали высказывания И. В. Сталина в беседе с А. Иденом в декабре 1941 г. о возможности передачи Турции после войны некоторых территорий Болгарии, Сирии и греческих островов в Эгейском море — турки опасались, что эти территориальные приращения будут сопровождаться претензиями на компенсации в Проливах.

Уже в июле 1941 г. имела место дипломатическая переписка между советской и турецкой сторонами относительно несоблюдения Турцией Конвенции Монтре; в советской ноте от 12 июля 1941 г. обращалось внимание на пропуск турецкими властями 9 июля в Черное море через Проливы германского военного катера. Случаи нарушения Германией конвенции продолжались и позже — вплоть до изгнания немецких войск из советских черноморских портов в 1944 г.

Несмотря на нейтралитет и стремление правящих кругов Турции избежать вовлечения в новую мировую войну, они были едины в одном — демонстрировали открытую враждебность к СССР, особенно в самые трудные для него дни и месяцы Великой Отечественной войны.

Причем дело не ограничилось Проливами, были вскрыты попытки турецких группировок спровоцировать раскол СССР. Так, при общении с немцами в начале августа 1941 г. турецкий посол завел разговор о «пограничных советских племенах тюркского происхождения», обратив внимание на возможность полезной немцам антисоветской пропаганды через эти племена. Прозвучала мысль и о том, что впоследствии можно объединить кавказские народы в одно буферное государство, а на востоке от Каспийского моря также могло бы возникнуть самостоятельное тюркское государство. А 10 октября 1942 г. глава турецкого правительства заявил, что Турция не остается равнодушной к судьбе 40 млн советских граждан тюркского происхождения.

Фактически речь шла о «тюркском нацизме», неудивительно поэтому, что турецкий нейтралитет был прогерманским.

В отдельные периоды войны наблюдались и попытки Турции спровоцировать СССР. Так, 22 апреля 1942 г. НКВД СССР информировал ГКО, что командование турецкой армии приступило к переброске войск из районов Анатолии на восточную границу, а воинские части, расположенные в районе г. Битлис, спешно перебрасываются в район г.

Карс. В июне-июле 1942 г. Турция провела военные маневры на своей кавказской границе, увеличив численность сосредоточенных там войск.

24 августа 1942 г. в Закавказье было введено военное положение, а на бакинском направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. Всего создавались три оперативных района — Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский. Таким образом, Турция оттягивала на себя советские войска, этим содействуя нацистской Германии. Закавказский фронт частью своих сил был вынужден прикрывать Черноморское побережье и границу с Турцией.

Напрашивается прямая параллель с Японией, также проводившей в 1941–1945 гг. маневры на границе, оттягивавшей войска и устраивавшей провокации. Разница была лишь в том, что Турция не была официальным союзником Германии. Но почему нельзя было признать ее политику фактически враждебной СССР и поступить с ней, как с Японией? Силы, средства, принципиальная поддержка союзников имелись. А стратегический результат был бы куда большим, чем после советско-японской войны...

Военно-политическому руководству СССР впоследствии пришлось пожалеть, что в 1943 г. — январе 1945 г. не появился новый Кавказский фронт и не довелось раз и навсегда снять все русско-турецкие противоречия.

В течение всей войны предпринимались неоднократные и безуспешные попытки привлечь Турцию на сторону антигитлеровской коалиции.

В письме У. Черчиллю 3 октября 1941 г. И. В. Сталин выражал надежду, что британское правительство проявит активность в отношении Турции, причем советский лидер разделял мнение У. Черчилля и Ф. Рузвельта о том, что нужно сделать все возможное для вступления Турции в войну весной 1943 г.

После конференции в Касабланке 30 января 1943 г. У. Черчилль уговаривал турецкого премьер-министра, что его страна должна вступить в войну до августа 1943 г. (для этого созрели условия, так как при поражении Италии ослабнет и мощь Германии на Балканах).

Но турки не изменили своему нейтралитету.

В послании И. В. Сталину о встречах с турецкими руководителями 30 января 1943 г. У. Черчилль сообщал, что турки «откликнулись бы на любой дружеский жест» со стороны СССР, на что И. В. Сталин ответил: «Я считаю уместным напомнить, что с нашей стороны по отношению к Турции как за несколько месяцев до начала советско-германской войны, так

и после начала этой войны был сделан ряд заявлений, дружественный характер которых известен Британскому Правительству. Турки не реагировали на эти шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев... С одной стороны, Турция связана с СССР Договором о дружбе и нейтралитете и с Великобританией — Договором о взаимопомощи для сопротивления агрессии, а с другой стороны, она связана с Германией Договором о дружбе... Мне не известно, как Турция думает... совместить выполнение своих обязательств перед СССР и Великобританией с ее обязательствами перед Германией. Впрочем, если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, пусть заявят об этом. Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам».

Предчувствуя спинным мозгом разрушительные последствия для себя в случае участия в войне на стороне Германии, Турция воздержалась от вступления в войну на стороне Третьего рейха, хоть и явно ему симпатизировала (но на заключительном этапе Второй мировой войны нейтралитет Турции был тем более выгоден Германии). До последнего она не вступала и в антигитлеровскую коалицию, стремясь максимально долго усидеть на двух стульях.

На Тегеранской конференции ее участники впервые за время войны прозондировали вопрос о Проливах. Во время беседы глав правительств 30 ноября У. Черчилль заявил, что Советскому Союзу необходимо иметь выход к незамерзающим морям, чему англичане раньше противились, а теперь не имеют никаких возражений. И. В. Сталин заметил, что надо пересмотреть и вопрос о режиме Проливов: «Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море... Если теперь англичане не хотят душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим Проливов».

Участники беседы согласились, что еще будет время обсудить вопрос о портах в теплых морях и Проливах.

На заседании глав правительств 1 декабря 1943 г. У. Черчилль отметил, что режим Проливов следует пересмотреть уже хотя бы потому, что участником Конвенции Монтре является Япония, а Ф. Рузвельт выдвинул принцип свободного прохода Проливов военными и торговыми судами всех стран и установления над Проливами контроля великих держав.

Не сумев уговорить Турцию реально вступить в войну против Германии, осенью 1944 г. и зимой 1945 г. западные союзники добивались ее присоединения к антигитлеровской коалиции.

На Крымской конференции 4–11 февраля 1945 г. был затронут вопрос и о статусе Проливов. И. В. Сталин заявил: «Невозможно согласиться с тем, что рука Турции лежит на горле России», в то время как У. Черчилль

согласился с тем, что «Россия, обладающая крупными интересами в Черном море, не должна зависеть от узкого прохода... Турок следует уведомить, что возможен пересмотр Конвенции Монтре... Туркам надо в то же время дать гарантии независимости и территориальной целостности».

Советский лидер заявил применительно к конвенции Монтре: «Этот договор устарел и изжил себя... Турции дано право закрывать Проливы, когда она этого пожелает. Необходимо изменить... порядок без ущерба для суверенитета Турции».

Речь шла о необходимости свободного прохода через Проливы советских военных кораблей в любое время. У. Черчилль и Ф. Рузвельт согласились с предложением И. В. Сталина о том, что министры иностранных дел трех держав рассмотрят, «какие изменения должны быть внесены в условия, касающиеся Проливов, изложенные в конвенции Монтре».

Обсуждая условия приема государств в ООН, И. В. Сталин отметил, что наряду с государствами — участниками войны, перенесшими тяготы и страдания, есть государства, в войне не участвовавшие, но спекулятивно желающие оказаться рядом с теми, кто станет победителем.

Эта характеристика относилась именно к Турции, объявившей войну Германии 23 февраля (!) 1945 г.

Произошло это сразу после предупреждения английского посла, высказанного министру иностранных дел Турции, что на конференцию в Сан-Франциско будут приглашены только те государства, которые объявят войну Германии до 1 марта 1945 г.

Таким образом, Турция убивала нескольких зайцев сразу — как участник конференции в Сан-Франциско участвовала в создании ООН и сохраняла отношения с союзниками, на поддержку которых надеялась в грядущем противостоянии с Советским Союзом.

СССР не имел формальных оснований вступать в конфликт с Турцией, тем более что между двумя странами с 1925 г. существовал периодически продлевавшийся Договор о дружбе и нейтралитете. В последний раз он продлевался на 10 лет в 1935 г., и срок его действия должен был истечь 7 сентября 1945 г. Но 19 марта 1945 г., за шесть месяцев до окончания срока действия, СССР, как это было предусмотрено в тексте договора, уведомил турецкое правительство о намерении не продлевать его. Турками это было расценено как начало конфронтации.

Новая империя СССР возвращала и прежние геополитические интересы. Империя требовала наличия баз в средиземноморье и океане, равно как и в свое время Российская империя. Действующий режим

Проливы СССР уже не устраивал.

Но именно войны с Германией были наиболее благоприятным моментом для пересмотра статуса Проливов. И вновь момент был упущен — советско-германская война закончилась, а с ней исчезла и благоприятная внешнеполитическая конъюнктура.

Как тут не вспомнить позицию императорской Ставки, считавшей, что для взятия Проливов нужна особая война. История доказала еще раз ошибочность этой позиции.

В начале июня 1945 г. на встрече с турецким послом министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сказал, что для того, чтобы завоевать советскую дружбу, необходимо вернуть Советскому Союзу восточные вилайеты, которые «вы взяли у нас, когда мы вышли из войны в 1918 г. весьма слабыми». Заявил министр и о предоставлении советскому флоту возможности базироваться в Проливах. Ответ был, что эти условия для Турции неприемлемы.

Теперь в борьбе за пересмотр статуса Проливов Советскому Союзу противостояли сразу четыре государства, фактически целая коалиция — Великобритания, США, Турция и Франция.

Американцы, в частности, заявляли, что любое существенное изменение конвенции без «свободного согласия» Турции будет нарушением ее суверенитета и может неблагоприятно повлиять на стратегическую и политическую обстановку.

Используя крупный международный форум, на Потсдамской конференции СССР попытался добиться права стать гарантом Проливов наряду с Турцией.

Так, 22 июля 1945 г. советская делегация представила следующие предложения по черноморским Проливам.

1. Международная конвенция о режиме Проливов, подписанная в Монтре, как не отвечающая современным реалиям, должна быть отменена.

2. Установление режима Проливов, единственного морского пути из Черного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза как наиболее заинтересованных государств, способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасности в черноморских Проливах.

3. Новый режим Проливов должен предусматривать также и то, что Турция и Советский Союз в интересах своей безопасности и поддержания мира в районе Черного моря совместными усилиями обеспечивают в Проливах режим, препятствующий использованию этих Проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях.

Но требования СССР не были поддержаны, представители США и Великобритании выразили лишь символическое согласие.

Позиция Г. Трумэна заключалась в следующем: «Конвенция в Монтре должна быть пересмотрена... Черноморские проливы должны стать свободным водным путем, открытым для всего мира, и право свободного прохода через Проливы для всех судов должно быть гарантировано всеми нами. Что касается территориального вопроса, то он имеет отношение только к Советскому Союзу и Турции и должен быть решен между ними. Однако вопрос о Черноморских проливах касается всех нас и многих других стран...»

У. Черчилль поддержал предложение относительно пересмотра Конвенции Монтре для того, чтобы обеспечить военным кораблям и гражданским судам СССР свободный и беспрепятственный проход через Проливы как в мирное, так и в военное время: «Я полностью согласен с президентом и с его предложениями относительно того, что свободный режим в этих Проливах должен быть гарантирован всеми нами. Гарантия великих держав и заинтересованных государств, безусловно, будет эффективной».

Участники конференции в заключительном протоколе отметили: «Три правительства признали, что конвенция о Проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и турецким правительством».

Представления англо-американцев о режиме Проливов противоречили интересам Советского Союза, особенно по вопросу создания советской базы и совместной с Турцией обороны Проливов, а также о преимущественных правах Турции и СССР при определении режима прохода Проливов.

На заседании глав правительств 23 июля 1945 г. У. Черчилль сказал, что не может поддержать создание советской военной базы в Проливах и не думает, чтобы Турция также согласилась с этим предложением. После этого И. В. Сталин заявил: «Конвенция в Монтре целиком направлена против России... Турции предоставлено право закрывать Проливы для нашего судоходства не только в том случае, если идет война, но и в том случае, когда Турции покажется, что существует угроза войны, причем вопрос о том, когда эта угроза возникнет, решает сама Турция... Выходит, что небольшое государство, поддерживаемое Англией, держит за горло большое государство и не дает ему прохода... Стоит вопрос о том, чтобы

нашим кораблям была дана возможность свободного прохода из Черного моря и обратно. Но так как Турция слаба... то мы должны иметь какую-то гарантию, что эта свобода прохода будет обеспечена. Вы считаете, что военно-морская база в Проливах неприемлема. Хорошо, тогда дайте нам какую-либо другую базу, где русский флот... мог бы совместно со своими союзниками отстаивать права России».

Бывшие союзники Советского Союза, с одной стороны, стремились обеспечить свободный проход через Проливы кораблей нечерноморских государств (им как обладателям крупных океанских флотов это было выгодно), а с другой — подталкивали СССР к ведению двусторонних переговоров с Турцией по всему комплексу существующих проблем.

Более того, Г. Трумэн и У. Черчилль предлагали установить свободную навигацию для всех государств по всем международным внутренним водным маршрутам. Такая навигация должна была регулироваться международными органами. Этот принцип они распространяли и на черноморские Проливы. Утверждалось, что гарантия свободного прохода кораблей и судов по таким маршрутам со стороны трех великих держав будет гораздо эффективнее, чем фортификация Проливов. Такая точка зрения не отвечала уже интересам ни Турции, ни СССР.

Таким образом, противоречия советской делегации с позициями английской и американской делегаций заключались и в том, что в советских предложениях предлагалось признать, что установление режима Проливов должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза, то есть черноморских государств. Англо-американцы заменяли этот принцип гарантией со стороны океанских держав.

Неудивительно, что конференция не достигла окончательного консенсуса. В этот момент и стало очевидным, что «ключи от Босфора» в Берлине не находились.

В обстановке давления со стороны СССР Турция начинает сближение с Великобританией и особенно с США. В ноте от 20 августа 1945 г. Турция просила о следующем:

- 1) о предоставлении американских гарантий охраны мира в районе Проливов;
- 2) формула, которая будет найдена для решения вопроса о статусе Проливов, не должна быть препятствием для суверенитета и безопасности Турции;
- 3) о стимулировании смягчения и улучшения турецко-советских отношений, не оставляющих места для каких-либо разногласий, а также об устранении беспокойства, вызванного русскими требованиями.

Таким образом, речь шла об американских (!) гарантиях для черноморских Проливов — гарантиях со стороны нечерноморского государства.

Из США прозвучало, что они примут участие, если их пригласят, в конференции по изменению режима Проливов, которая в соответствии с конвенцией могла бы состояться в 1946 г.

Режим Проливов, по мнению США, должен был основываться на следующих основополагающих принципах:

- 1) открытость для торговых судов;
- 2) открытость для военных кораблей черноморских держав «во все времена»;
- 3) закрытость Проливов для военных кораблей нечерноморских держав, кроме случаев, когда будет достигнута договоренность в отношении ограниченного тоннажа в мирное время.

Исключением являются также случаи особого согласия черноморских держав или действий по поручению Организации Объединенных Наций.

Проблема Проливов в послевоенные годы оставалась предметом неоднократного обсуждения. В дискуссию, как отмечалось, были вовлечены, кроме СССР, Турция, Англия, США, Франция.

Увидев, что фактически против него сложилась международная коалиция, Советский Союз попытался добиться от Турции оптимального для себя режима безопасности в зоне Проливов в ходе переговоров на двустороннем уровне.

Так, советское правительство обратилось к Турции с нотой от 7 августа 1946 г., в которой, в частности, говорилось: «События, имевшие место во время минувшей войны, ясно показали, что режим Черноморских проливов... не отвечает интересам безопасности черноморских держав и не обеспечивает условий, при которых предотвращалось бы использование этих Проливов во враждебных черноморским державам целях». В ноте напоминалось о случаях прохода Проливов вспомогательными военными судами Германии и Италии и о протестах советского правительства и предлагалось установить новый режим Проливов, исходя из следующих принципов:

- 1) постоянное открытие Проливов для торговых судов всех стран;
- 2) постоянное открытие Проливов для военных кораблей черноморских стран;
- 3) закрытие Проливов для военных кораблей нечерноморских стран (за исключением особых случаев);
- 4) режим Проливов устанавливается черноморскими странами;

5) совместная оборона Проливов Турцией и Советским Союзом.

Турецкое правительство согласилось взять за основу переговоров первые три пункта советских предложений, но отвергло последние два — они были истолкованы как покушение на суверенитет Турции.

Советское правительство уведомило об этой ноте правительства США и Англии, предложив им вступить в переговоры об изменении режима судоходства в черноморских Проливах и разрешить СССР создать в районе Проливов советскую военную базу.

Содержание ноты в свою очередь было немедленно доведено турецкой стороной до сведения американцев.

Проблема Проливов вновь обострилась. Бывшие союзники СССР заняли непримиримую позицию и ответили на советскую ноту раньше (!) Турции. В американском заявлении говорилось: «Турция должна продолжать нести основную ответственность по защите Проливов. Если Проливы явятся объектом нападения или угрозы нападения со стороны агрессора, то создавшееся при этом положение представит угрозу международной безопасности и, безусловно, потребует действий со стороны Совета Безопасности Объединенных Наций».

В США даже обсуждался вопрос о возможных мерах военного противодействия СССР, если вслед за нотой он предпримет силовые акции против Турции. Весной-осенью 1946 г. на основе донесений американской и британской разведок о концентрации советских войск в Румынии, Болгарии и на территории советского Закавказья военно-политические круги в США и Великобритании сделали вывод о скором начале советско-турецкой войны.

Но войны не последовало.

24 сентября 1946 г. советское правительство обратилось к турецкому с очередной нотой о черноморских Проливах. В ней турецкое правительство вновь обвинялось в нарушении Конвенции Монте, в пропуске через Проливы вражеских судов, причем отклонялись объяснения турецкого правительства, которые «не снимают с него ответственности за нарушение режима». В советской ноте также отклонялось утверждение, что проход через Проливы враждебных судов не ставил под угрозу безопасность СССР и что Турция справилась с задачей стража Проливов, благодаря чему страны «оси» не решились нарушить режим Проливов. В ноте утверждалось, что из-за угрозы безопасности страны «советское Верховное главнокомандование было вынуждено снять с главного направления театра военных действий существенное количество вооруженных сил для обороны Черноморского района». Подчеркивая, что условия Монте не

отвечают интересам безопасности черноморских держав, советское руководство настаивало на том, что режим Проливов должен быть установлен Турцией и черноморскими странами. Причем с отсылкой к советско-турецкому договору 1921 г., в котором говорилось, что стороны соглашались передать окончательную выработку международного статуса Черного моря и Проливов особой конференции из делегатов черноморских стран, а также на договор между Турцией и Закавказскими республиками 1921 г. и на договор между Турцией и Украиной 1922 г., в которых также прозвучал этот тезис.

В ноте указывалось на особое положение Черного моря как закрытого моря и на особое положение Турции, СССР и других черноморских стран, подчеркивалось, что Черноморское побережье открывает доступ к важнейшим экономическим районам страны, следствием чего, исходя из жизненных интересов СССР, является необходимость обеспечения его безопасности при непосредственном участии в обороне Проливов. Советское правительство вновь выдвинуло предложение о совместной охране Проливов.

И снова ответ последовал от американского и английского правительств. В американской ноте от 9 октября 1946 г. говорилось, что правительство США считает, что проблема режима Проливов «касается не только черноморских держав, но и других государств, включая США... правительство Турции должно и далее быть ответственным за оборону Проливов, а если Проливы станут объектом нападения или угрозы нападения агрессора, ситуация должна быть делом операций со стороны Совета Безопасности ООН».

Таким образом, США дали понять, что фактически считают себя гарантом статуса Проливов, на этом обмен мнениями завершается и сохраняется предложение о созыве конференции по режиму Проливов.

Турция, в свою очередь, отклонила советские обвинения в нарушении конвенции и в проходе через Проливы во время войны «вражеских судов». В турецкой ноте вновь признавалась необходимость изменения Конвенции Монте «с целью справедливо... удовлетворить черноморские державы», в частности пересмотреть условия прохода Проливов и контроль, предлагалось связать конвенцию с ООН, исключить из ее членов Японию и включить США.

Турция, как и ее союзники, не соглашалась с советскими предложениями о составе участников конференции и совместной обороне Проливов. В ноте подчеркивалось, что Турция не только черноморская, но и средиземноморская держава, поэтому состав участников будущей

конференции не может быть ограничен только черноморскими странами, а «согласие Турции на совместную оборону Проливов означало бы не что иное, как разделение своего суверенитета с иностранной державой».

Шанс урегулировать статус Проливов в ходе двусторонних переговоров также был Советским Союзом упущен, а созыв международной конференции, учитывая наличие мощной антисоветской коалиции, был бесперспективен. В итоге конвенция Монтре так и не была пересмотрена.

Следовало признать очевидное: в условиях наступившей холодной войны при ведении переговорного процесса с Турцией о статусе Проливов СССР не приходилось рассчитывать на поддержку стран Запада — и Турция это прекрасно понимала.

Международное одиночество Турции завершилось после принятия доктрины Г. Трумэна. Уже в июле 1947 г. финансовая помощь из-за океана стала поступать в Турцию.

К моменту учреждения в апреле 1949 г. НАТО турецкая дипломатия предпринимала активные шаги, чтобы убедить Запад в том, что причиной турецкой прозападной ориентации стала советская угроза. Причем отмечалось, что эта угроза содержалась прежде всего в предложениях СССР о пересмотре режима судоходства в Проливах. Это было воспринято как покушение на территориальную целостность Турции и явилось весомым аргументом в пользу принятия Турции в НАТО.

Так начался период широкомасштабного военно-политического включения Турции в западный альянс, и новый этап ее европеизации характеризовался ориентацией уже не на Англию, а на США. В формировавшейся модели взаимодействия военно-политический фактор был главным, поэтому и экономическое сотрудничество Турции с Западом сразу же приобрело характер неотъемлемой части военно-политического стратегического союза.

Неудивительно, что третий пункт советских предложений, представленных в Потсдаме (о необходимости учреждения в Проливах совместной советско-турецкой оборонительной системы), в дальнейшем повторяемый в советских нотах как неотъемлемое условие обновления конвенции и подписания нового двустороннего договора, категорически отвергался Турцией и ее новыми союзниками.

Последняя советская нота по данному вопросу так воспроизводила этот ключевой пункт советско-турецких разногласий:

«Турецкое правительство возражает также против пункта 5 советской ноты от 7 августа, в котором предусматривается, что Турция и Советский

Союз, как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Проливах, организуют совместными средствами оборону Проливов для предотвращения использования Проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях.

Турецкое правительство заявляет, что данное советское предложение несовместимо с суверенными правами Турции и что оно якобы ликвидирует ее безопасность. Турецкое правительство пришло к такому заключению еще до того, как оно выслушало какие-либо конкретные соображения советского правительства по этому вопросу, не сделав даже попытки совместного рассмотрения соответствующих предложений СССР. Огульно отклоняя всякую возможность совместного с советским правительством изучения этой важной проблемы, неразрывно связанной с интересами обеспечения безопасности СССР и других черноморских держав, турецкое правительство вступает в явное противоречие со своим собственным заявлением о желании восстановления дружественных, основанных на доверии отношений с СССР, находя при этом возможным высказывать такие подозрения, которые не имеют под собой никакого основания и к тому же несовместимы с достоинством Советского Союза.

Несмотря на высказанную в турецкой ноте точку зрения, советское правительство держится того мнения, что только совместными средствами Турция и Советский Союз могут обеспечить как свободу торгового мореплавания, так и безопасность в Проливах. При этом советское правительство полагает, что осуществление указанного советского предложения отнюдь не должно затронуть суверенитет Турции и вместе с тем должно в наибольшей мере соответствовать интересам ее безопасности, поскольку совместные мероприятия Турции и СССР могут обеспечить охрану Проливов в большей мере, чем мероприятия одной Турции.

Отказ Турции от совместной с Советским Союзом обороны Проливов лишает черноморские державы возможности гарантировать должную безопасность в этом районе. Во время последней войны страны оси использовали Черное море для своих военных операций против СССР, чему содействовало и то обстоятельство, что они имели возможность проводить в Черное море некоторые военные и военно-вспомогательные корабли. Хорошо памятен и такой факт, как внезапный проход через Проливы в Черное море в 1914 г. немецких крейсеров “Гебен” и “Бреслау”, которые, ворвавшись в Черное море, произвели нападение на русский флот и на черноморские порты. Все это учитывается предложением о

совместной советско-турецкой обороне Проливов, имеющей целью обеспечить надежную оборону Проливов как в интересах Турции, так и в интересах других черноморских держав, что не может быть в полной мере обеспечено одной только Турцией.

С другой стороны, если бы Турция, отказавшись от предложения СССР, стала осуществлять военные мероприятия в Проливах совместно с какими-либо нечерноморскими державами, то это, разумеется, оказалось бы в прямом противоречии с интересами безопасности черноморских держав. Было бы неправильно забывать, что советское черноморское побережье, простирающееся на 2100 километров, открывает доступ к экономическим важнейшим районам страны, в силу чего необходимость обеспечения его безопасности при непосредственном участии Советского Союза в обороне Проливов вытекает из жизненных интересов СССР. Все это объясняет, почему советское правительство считает необходимым, чтобы оборона Проливов осуществлялась совместными силами Турции и СССР и имела бы целью обеспечить безопасность для всех черноморских государств».

Этот ключевой пункт советских предложений стал квалифицироваться турецкой дипломатией как категорическое требование, как угроза ее суверенитету и, безусловно, был отклонен. Последним ответом Турции на советские ноты по вопросу о Проливах стала ее нота от 18 октября 1946 г.

В этом документе также отвергались все претензии и упреки, высказанные советской стороной относительно случаев неисполнения турецкой стороной своих обязательств по контролю над режимом Проливов во время войны, в результате которых имелись случаи прохода через Проливы немецких судов. Случаи проходов объяснялись наличием пробелов в Приложении II конвенции, затруднявшей определение характера судов, и т. д. В заключительной части этого турецкого документа было сказано, что дискуссию можно вынести на рассмотрение третейского суда.

Были отвергнуты советские аргументы и в определении статуса Черного моря как особого закрытого моря и права только черноморских держав определять этот статус. Турецкой стороной подчеркивалось, что конференция в Монтре «уже установила режим, отдающий предпочтение прибрежным державам». Более того, принимая за основу дискуссии первые три пункта советских предложений, Турция этим признала в отношении черноморских держав преференциальный режим: «Турция ясно осознает свою роль черноморской державы. Но она не может в то же время забывать, что она является средиземноморской страной».

Тем самым взаимные упреки этой «нотной войны» так ни к чему и не привели.

По мере приближения победы стран антигитлеровской коалиции над очередным германским блоком в высшем эшелоне власти СССР усиливались настроения в пользу «кардинального решения» проблемы Проливов, что и привело к советским демаршам 1945–1946 гг. с требованиями к Турции предоставить Советскому Союзу возможность создать там свои военные базы.

Решающий вклад СССР в победу над фашистскими агрессорами в годы Второй мировой войны стал главной предпосылкой внушительного роста удельного веса и роли Советского Союза в международных делах к концу войны. И все же И. В. Сталин явно переоценил реальные возможности СССР в одиночку кардинально изменить режим черноморских Проливов.

И дело было не только в том, что советские претензии 1945–1946 гг., направленные на ликвидацию суверенитета Турции над Проливами, были для Турции неприемлемой платой за ее нейтралитет в годы войны (платой, которую она не могла себе позволить). Свою роль сыграло отсутствие конкретных договоренностей по этому вопросу между СССР, США и Великобританией на завершающем этапе войны. Хотя на встречах «большой тройки» в 1943–1945 гг. У. Черчилль, Ф. Рузвельт (а на Потсдамской конференции — Г. Трумэн), в принципе соглашаясь с необходимостью определенного пересмотра режима судоходства в Проливах, установленного в 1936 г. в Монте, более чем сдержанно отнеслись к далеко идущим заявлениям И. В. Сталина, из которых следовало намерение советского руководства стать такими же хозяевами в Проливах, как и турки. Речь шла об усилении одной из великих держав, а на это ее «партнеры» не были готовы.

И когда СССР после окончания Второй мировой войны предъявил свои требования Турции, то теперь (уже в условиях начинавшейся холодной войны между бывшими союзниками) американцы и англичане заняли однозначную позицию — не допустить усиления военно-политического влияния СССР в зоне Проливов. Такую стратегическую позицию США и Великобритании, фактически означавшую прямую поддержку турок, СССР следовало заранее предвидеть и учитывать. Но этого не произошло.

Бывшие союзники не поддержали СССР на Потсдамской конференции, не удалось урегулировать статус Проливов и в ходе двусторонних русско-турецких контактов, превратившихся в «нотную

войну».

В итоге советские демарши лишь подтолкнули Турцию в объятия американцев и не в последнюю очередь стали поводом для появления в 1947 г. известной доктрины Г. Трумэна, а впоследствии в 1952 г. для вступления Турции в НАТО.

Глава 7. Нерв мировой геополитики — Проливы во второй половине XX — начале XXI века

Между Турцией и США заключен ряд военно-политических соглашений — как в рамках НАТО, так и вне их, в соответствии с которыми США оказывают своему союзнику военную и экономическую помощь, а Турция, в свою очередь, предоставляет США возможность создавать и использовать на своей территории военные объекты различного характера.

Основополагающим является подписанное 29 марта 1980 г. Соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики, в соответствии с которым США вправе эксплуатировать военные объекты Турции. К ним относятся база ВВС, радиолокационные станции, радионавигационная станция, сейсмическая станция, объекты связи. Эти объекты обеспечивают наблюдение за запуском российских ракет и спутников, за передвижением кораблей и самолетов в Черном море, Проливах и Средиземном море — вплоть до прослушивания переговоров между экипажами самолетов и танков.

Страж Проливов — член НАТО. Это уже потенциальная угроза на южных рубежах России.

Официальных претензий между нашими государствами не существует. Так, турецкий общественный деятель публицист А. Эсмер говорил 2 мая 1953 г. советнику советского посольства, что «турки хотят иметь со своим соседом — Советским Союзом — такие дружественные отношения, какие были в прошлом... После того как советское правительство предъявило требования относительно Проливов и турецких территорий, Турция испугалась Советского Союза и вынуждена была прибегнуть к американской помощи. Если бы сейчас советское правительство открыто заявило, что оно не имеет никаких территориальных требований к Турции, то она изменила бы свое отношение к США и стала бы на путь прежней дружбы с СССР».

И СССР заявил об этом.

30 мая 1953 г. министр иностранных дел В. М. Молотов от имени советского правительства вручил турецкому послу ноту, в которой говорилось: «Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1925 г. вопрос об урегулировании советско-турецких

отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского правительства относительно Черноморских проливов...

Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о Проливах, то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны Проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции.

Таким образом, Советское правительство заявляет, что Советский Союз не имеет никаких территориальных претензий к Турции».

Но кардинального улучшения отношений такой шаг СССР не принес.

Интересно, что американцы также считали конвенцию Монтре «лучшим средством, обеспечивающим защиту Турции против советского давления».

Вместе с тем черноморские Проливы были объектом постоянного внимания военных флотов союзников Турции по НАТО, что вызывало недовольство в Москве. Советское правительство напряженно следило за процессом нарастания числа иностранных военных кораблей, посещавших Проливы. Тем же занимались и союзники Турции.

Так, в 1970-е гг. союзники Турции по НАТО подняли вопрос о проходе через Проливы «советских авианосцев», в качестве которых они посчитали новые тяжелые авианесущие крейсеры. Союзники Турции обратили внимание на несоответствие данного факта Конвенции Монтре, в которой, разумеется, ничего не могло быть сказано о таких кораблях; очевидно, что линкоры 1930-х гг. не могут сравниться с тяжелыми авианесущими крейсерами, имеющими авиационное и ракетное вооружение. В связи с этим отмечалось и то, что установленное Конвенцией Монтре ограничение калибра орудий в эпоху авианосцев потеряло всякий смысл.

Проход через Проливы кораблей с подобным вооружением формально мог рассматриваться выходящим за рамки ограничений Конвенции Монтре. Но в СССР нашли объяснение сложившейся ситуации. Отмечалось, что если главным назначением военных кораблей, определявшихся натовцами как авианосцы, являлись наступательные операции (нанесение палубной авиацией ударов по территории и военно-морским силам противника), то это, разумеется, запрещено Конвенцией Монтре. Но основным

предназначением авианесущих крейсеров была защита кораблей прикрываемой ими группировки от ударов со стороны воздушных и подводных сил потенциального противника.

Таким образом, в начале 1970-х гг. Проливы прошли авианесущие крейсера «Москва» и «Ленинград», а 18 июля 1976 г. — авианесущий крейсер «Киев». В дальнейшем Проливы проходили еще более мощные авианесущие корабли, например 2 декабря 1991 г. в Эгейское море прошел 65 000-тонный авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов».

Проблема мощности и характера вооружений советских кораблей, проходящих через Проливы, стояла на повестке дня Совета НАТО и ее комитетов, но организация так и не предприняла никаких ответных действий.

Участники Конвенции Монре также не выступали против определения мощных кораблей с самолетами на борту как крейсеров и не оспорили их право на транзит через Проливы.

Вместе с тем и нечерноморские страны проводили через Проливы значительные военно-морские силы.

В послевоенный период Турция стремилась усилить свой контроль над Проливами. Так, весной 1982 г. она попыталась в одностороннем порядке распространить регламент порта Стамбул на всю зону Проливов, тем самым присвоив право закрывать Босфор даже в мирное время.

С 1 мая 1982 г. Турция ввела новые правила судоходства на Босфоре, которыми предусматривались следующие нормы: отказ от правила «держаться левой стороны»; запрет движения со скоростью более 10 морских узлов (18,5 км/ч), за исключением экстраординарных случаев; требование ко всем турецким и иностранным судам водоизмещением более 10 160 тонн информировать турецкие власти о проходе Проливов за неделю до прибытия; требование к военным кораблям и их вспомогательным судам вставать на якорь в специальной зоне Стамбульского порта; запрет любому кораблю проходить на расстоянии менее 50 м от опор Босфорского моста; требование ко всем иностранным торговым судам при определенных условиях брать на борт турецкого лоцмана (это относилось к специфическим транзитным рейсам и маршрутам со стоянками); временное прекращение («если необходимо») прохода судов через пролив властями Стамбульского порта.

Решение Турции вызвало резкую критику соседних государств (в первую очередь СССР и Греции), и Турция пошла на попятную, заявив, что новые правила не будут касаться транзитных судов, проходящих Проливы без остановки. Когда в декабре 1982 г. ООН выработала Конвенцию по

морскому праву, Турция отказалась к ней присоединиться.

В начале 1994 г. Турция внесла на рассмотрение Международной морской организации при ООН проект Регламента судоходства в Проливах и, несмотря на упреки в нарушении Конвенции Монтре, высказанные при обсуждении этого документа, с 1 июля 1994 г. ввела его в действие в одностороннем порядке. По новому регламенту турецкие власти могли приостанавливать судоходство в Проливах, ссылаясь на научные, ремонтные, буровые работы, проведение полицейских операций и другие условия.

Это во многом объяснялось изменениями в структуре международных отношений, произошедшими в 1990-е гг.

После распада СССР Россия — уже не сверхдержава, а лишь крупное евразийское государство. Турция также стремилась себя позиционировать в качестве крупнейшей державы Евразийского региона. Так, в одном из докладов руководителя турецкой организации отмечалось: «Турция превратилась в региональную силу на пространстве Балкан, Ближнего Востока и Евразии, ее геополитическое и геостратегическое значение во всем мире постепенно возрастает».

В сфере российско-турецких отношений после развала СССР возникла ситуация, напоминавшая действия младотурок в 1918–1921 гг., пытавшихся «балканизировать» российский Кавказ. Достаточно вспомнить, как во время Чеченских войн чеченские полевые командиры выезжали через Турцию в страны Ближнего и Среднего Востока, именно из Турции в Ичкерия поступали амуниция, медикаменты, средства связи, продукты питания, в Турции печаталась чеченская агитационная литература, а также символика независимой Ичкерии, в Турции поправляли свое здоровье чеченские боевики, получившие ранения в боях с российской армией.

Турецкие частные фирмы, общественные и религиозные организации проводили и проводят активную разведывательную работу в России, причем одним из эффективных способов усиления турецкого влияния являлось создание специальных учебных заведений, воспитывающих молодежь в духе протурецкой ориентации (так называемых турецких лицеев).

Стабильность политических отношений России с Турцией зависит прежде всего от состояния проблемы проливов Босфор и Дарданеллы.

В настоящее время в значительной мере отрезанная от Черного моря Россия стремится восстановить свои исторические права в черноморском бассейне. И теперь уже она пытается противостоять попыткам фактического пересмотра режима Проливов в ущерб нашей стране.

Конвенция о режиме Проливов Монтре в целом позволяла и России, и Турции соблюдать баланс их интересов — за исключением тех редких случаев, когда возникали проблемы с правилами прохода военных кораблей. Но в 1990-е гг. и особенно теперь на фоне сирийского кризиса проблемой оказалась тема свободного прохода через Проливы российских торговых судов и военных кораблей.

Так, 1990-е гг. Турция сочла удобным временем для ограничения прохода через Босфор и Дарданеллы крупнотоннажных судов и танкеров. В 1994 г. турецкие власти опубликовали инструкцию об изменении порядка судоходства в Проливах под предлогом их экологической защиты.

Было очевидно, что ограничения были связаны с планируемым сооружением нефтепровода Баку — Джейхан, который должен был составить конкуренцию нефтепроводу Баку — Новороссийск, а в дальнейшем ограничить транспортировку нефти из Новороссийска через Проливы в Средиземное море. Эти действия, нарушающие конвенцию, были опротестованы российской стороной — и после продолжительных дискуссий турецкая сторона вынуждена была пойти на частичную отмену введенных ограничений.

В 1936 г. срок действия конвенции, принятой в Монтре, устанавливался в 20 лет, но с оговоркой о том, что если за два года до истечения указанного 20-летнего периода ни одна из стран, подписавших конвенцию, не поставит вопрос о ее денонсации, конвенция продолжает действовать и далее. Кроме того, по истечении каждого пятилетнего периода, считая со дня вступления в силу конвенции (то есть с 20 июля 1936 г.), каждая из сторон, участвующих в конвенции, имеет право взять на себя инициативу предложить изменение одного или нескольких постановлений этого документа. Но советская сторона не поднимала вопрос о денонсации конвенции и заключении нового соглашения с учетом возраставших потребностей СССР в проходе через Проливы. Не воспользовалась Москва и правом поднять вопрос об изменении отдельных положений конвенции по истечении каждого пятилетнего периода ее действия.

Что касается Турции, то ее руководство предпочло действовать самостоятельно, в одностороннем порядке усложнив правила транзита иностранных судов через Проливы в 1982 г. и еще более ужесточив их в 1994 г.

Теперь Турция пытается препятствовать движению российских военных кораблей и вспомогательных судов через Проливы — кораблей и судов черноморской державы.

В то же время стратегическое и экономическое значение Проливов для современной России не уменьшилось. Для нее это по-прежнему единственный стратегический маршрут, связывающий юг страны с остальным миром.

Так, за девять месяцев 2015 г. грузооборот портов Азово-Черноморского бассейна вырос на 5,2 % по сравнению с тем же периодом 2014 г. В основном через черноморские порты российские компании экспортируют зерно (19,2 млн тонн), черные металлы (10,8 млн тонн), уголь (6 млн тонн), минеральные удобрения (2,3 млн тонн).

На обострение ситуации вокруг Проливов влияют и перспективы транспортировки каспийской нефти — реализации крупных международных экономико-политических проектов и соглашений, в которых принимают участие Россия, Турция, Грузия и Азербайджан.

Экспорт российской нефти через черноморские терминалы в 2014 г. составил 24,6 млн тонн, нефтепродуктов — 37,2 млн тонн. Общий объем транспортировки сырой нефти и нефтепродуктов через Проливы в 2014 г. оценивается в 124,4 млн тонн. Проливы Босфор и Дарданеллы, имеющие большое значение для экспорта энергоносителей из России и стран Каспийского региона, остаются одними из самых загруженных в мире.

Существенной проблемой стало то обстоятельство, что после объявления независимости Украиной и Грузией сократился пространственно-географический выход России к Черному морю. Это, с одной стороны, привело Россию к необходимости изыскивать материальные средства для реконструкции и создания дополнительных объектов портовой инфраструктуры. С другой стороны, увеличилось число черноморских государств, с которыми следует договариваться для решения общих вопросов судоходства в Черноморском бассейне, в том числе и в районе Проливов.

Удельный вес России в балансе международных факторов, влияющих на решение проблемы черноморских Проливов по сравнению с Советским Союзом, снизился, в то время как удельный вес Турции, учитывая поддержку, оказываемую ей НАТО, возрос. И это также является весьма серьезным обстоятельством.

Благодаря Конвенции Монтре, а затем и союзу с Великобританией и США Турция постепенно установила свой суверенитет над Проливами; и пока американские интересы в регионе совпадают с турецкими, США готовы поддерживать эту конвенцию.

Так, в одном из документов комитета по иностранным делам Сената периода холодной войны отмечалось, что Турция контролирует жизненно

важные Проливы, которые, если их закрыть, «демобилизуют» советский флот. В западных изданиях подчеркивалось, что участие Турции в НАТО «гарантирует владение Дарданеллами», и в настоящее время все входы в Средиземное море от Гибралтара до Суэца и до Турецких Проливов контролируются державами НАТО. Поэтому ни Турция, ни ее союзники не ставили вопрос об изменении Конвенции Монтре.

Турция держит ключ от Босфора и Дарданелл в своем кармане — и в этом ее серьезное преимущество. Государственные деятели этой страны неоднократно подчеркивали, что на Турцию возложена задача обеспечения сотрудничества, политической и экономической стабильности на Кавказе и в Центральной Азии. Это государство считает себя мостом между Западом и Востоком, фактически присвоив себе новые мессианские функции.

Таким образом, стратегический баланс в Проливах нарушен.

В условиях крушения Варшавского договора и доминирования НАТО — фактического установления однополярного мира — стратегический пункт Евразии контролирует член НАТО и одновременно крупный региональный игрок. И это одна из причин современной нестабильной внешнеполитической обстановки в мире.

Заключение

Режим черноморских Проливов был и остается одним из самых важных и сложных вопросов внешней политики России на протяжении более чем трех веков.

Его значение определяется геостратегическим положением России: интересами великой державы, потребностями внешней торговли, нуждами экономического развития юга страны, задачами обороны Черноморского побережья.

Сложность вопроса о проливах Босфор и Дарданеллы обусловлена тем фактом, что горло Черного моря уже много веков находится в руках Турции, черноморско-средиземноморского государства, выступающего в роли стража Проливов и гаранта соблюдения режима прохода через них иностранных судов.

А любое государство имеет свои национальные интересы, которые дополняются интересами военно-политического союза, в который это государство входит.

Русско-турецкие отношения традиционно переплетались с противоречиями этих двух государств на Балканском полуострове.

На протяжении XVIII–XIX вв. и в начале XX в. судьба Босфора и Дарданелл являлась частью международного восточного вопроса, в решении которого были заинтересованы все великие европейские державы. Из нечерноморских стран особую активность проявляли Англия и Франция, а позднее и Германия. В XIX в. образовались новые черноморские государства — Румыния и Болгария, интересы которых также следовало принимать во внимание.

После Первой мировой войны борьба вокруг режима Проливов переплелась с национально-освободительной революцией в Турции, поддержанной Советской Россией.

В дальнейшем борьба за Проливы была связана с фашистской агрессией против СССР в годы Второй мировой войны, а затем с противоборством держав НАТО и Варшавского договора.

В политике дореволюционной России преобладало стремление установить благоприятный для себя и других черноморских стран режим Проливов, который бы обеспечивал свободу торговли, безопасность от ударов флотов враждебных держав и возможность выводить военные корабли в Средиземное море. В качестве средств решения этих задач

использовались двусторонние и многосторонние соглашения.

Вопрос захвата Проливов как важнейшая государственная задача ставился в XVIII–XIX вв., но особенно предметно — во время Первой мировой войны, после выступления Турции на стороне противников России.

Вопрос о Константинополе и Проливах сыграл роковую роль в судьбе России. В нем, как в гордиевом узле, сосредоточилась вся активность российской внешней политики.

В XX в. турецкие Проливы имели для России важнейшее экономическое и стратегическое значение. Достаточно сказать, что в начале столетия 80 %, а в середине — 50 % экспорта соответственно Российской империи и Советского Союза проходили через Босфор и Дарданеллы. Босфор и Дарданеллы были той стратегической «трубой», через которую флоты великих морских держав могли атаковать южное подбрюшье России.

Контроль над Проливами — это контроль над Европой, а значит, и над всем миром.

О стратегическом значении турецких Проливов говорит и тот факт, что в начале Первой мировой войны у турок было сосредоточено 6 армейских корпусов из 1363 — и это при той огромной территории, которую Османская империя была должна контролировать.

Значение вопроса о Проливах понималось в России как приобретение господствующего положения на Ближнем Востоке, а обладание Проливами расценивалось не только как обеспечение «ключей к собственному дому», но и как шаг к приобретению решающего влияния на Балканском полуострове, в Малой Азии от Эгейского моря до персидской границы и даже за ней, где русская государственность стремилась на юг и сталкивалась с конкуренцией Англии.

Неудивительно, что в годы Первой мировой войны «союзники» сделали все, чтобы Проливы не оказались под русским контролем. Согласие на включение в состав России Проливов и Константинополя, данное англичанами и французами весной 1915 г., в обстановке развития тяжелой для них Дарданелльской операции действительно было лишь векселем, который еще нужно было обналичить.

Босфор и Дарданеллы оказались недооцененным ключевым стратегическим пунктом Первой мировой войны, поэтому провал Дарданелльской операции Антантой и нереализация Босфорской операции Россией — величайшая беда стратегического масштаба, плоды которой Европа и Россия пожинают до сих пор.

Историк А. А. Керсновский был абсолютно прав, когда писал: «Ключи

от Босфора полагали в Берлине... Сейчас мы видим, что ключи от Берлина находились на Босфоре». На правильность этой стратегической идеи указывает и то обстоятельство, что крушение Германии в Первой мировой войне в 1918 г. началось именно на второстепенном Салоникском фронте с капитуляции Болгарии.

Наконец, как показала история, разгром Германии в 1945 г. не дал СССР контроля над Проливами. Мы были в Берлине, но на Босфор так и не попали. Война с Германией — и в Первую, и во Вторую мировые войны — была лишь тем благоприятным обстоятельством, которым нужно было воспользоваться, чтобы овладеть этим геополитическим регионом.

О том, что никакие «союзники» не преподнесут Проливы и Константинополь к ногам России, свидетельствует опыт и другой победоносной войны в Европе. В 1813–1814 гг. Россия также — гегемон Европы, овладевшая ее столицей (на тот момент не Берлином, а Парижем), но мы видим, что на Венском конгрессе Англия, добившись в союзе с Россией и благодаря ей победы над Наполеоном, настолько решительно и систематично выступала против притязаний России, что это чуть не привело к вооруженному столкновению между ними. Несмотря на победу России в Европе, ключи от Проливов находились в английских руках.

Точно так же и после «нотной войны» 1945–1947 гг. ключи от Проливов перешли в руки США, Великобритании и Франции — и совсем скоро в руки НАТО.

И сейчас западные демократии тем более приложат все усилия, чтобы Россия в минимальной степени контролировала Проливы. А у нашего государства, ослабленного потерей территорий и серией реформ 1990–2000-х гг., теперь стоит главная цель — не допустить пересмотра положений Конвенции Монтре. Сил теперь хватит только на это, и хорошо если хватит. Теперь Россия де-факто сама становится стражем Проливов, противостоящим НАТО и исламистскому Востоку.

Разумеется, Турция XIX–XXI вв. слишком слаба, чтобы в одиночку решать судьбу Проливов. За ней всегда стояли ведущие мировые державы, контролирующие европейскую политику, — Англия, Германия, США.

Особенно заметно это было сто лет назад.

Сто лет назад, как и никогда до этого, ни Англия, ни Франция не желали перехода Константинополя и Проливов в русские руки. Они лишь пользовались этим миражом как приманкой, на которую Россия (и не только Россия — в большей или меньшей степени это Греция и Болгария) должна была клюнуть. На Европейском континенте эти державы не могли противостоять Германии без России.

В то же время и основная линия политических противоречий между Россией и Германией уже с 80–90-х гг. XIX в. проходила через Ближний Восток в целом и через Константинополь и Проливы в частности. При этом в Европе особых противоречий между ними не было. Более того, Романовых и Гогенцоллернов сближали однородность их монархических интересов и совместные разделы Польши. Главным, если не единственным, средством вовлечь Россию в орбиту антигерманской политики могла быть лишь идея обладания Константинополем и Проливами.

«Союзники» России прекрасно понимали, что она после войны не удовольствуется применением к Проливам режима Суэцкого канала либо той или иной формой интернационализации Константинополя. Об этом хорошо знал Э. Грей, когда в самом начале войны, но уже после загадочных «ошибок» английского флота, резко изменивших (вследствие появления или скорее «пропуска» в Константинополь «Гебена» с «Бреслау») стратегический баланс на Черном море в ущерб России, мешал С. Д. Сазонову привлечь Болгарию на сторону Антанты и воссоздать под эгидой России Балканский союз. Знали Э. Грей и У. Черчилль, когда отправили Н. Бекстона на Балканы, чтобы воссоздать этот блок под эгидой Англии. Знали и другие члены британского кабинета, когда готовили Дарданелльскую операцию, чтобы войти (первоначально опираясь на греческую армию) в Константинополь раньше России.

Действия «союзников» привели не только к катастрофическим для России, но и к тяжелым для них самих последствиям, способствовали затягиванию войны и последующим опасным моментам противостояния.

Фактом было то обстоятельство, что британская политика диктовалась целью воспрепятствовать воцарению России в Константинополе, в то время как российская — стремлением сорвать попытки Англии, а затем и Франции создать в Константинополе благоприятные для них «совершившиеся факты».

Эгоистическая близорукость политики балканских государств в годы Первой мировой войны представляет собой слепок с политики великих держав, якобы боровшихся за «святость договоров» и «за права малых наций» на достойное существование. Н. Пашич, Э. Венизелос, В. Радославов, И. Братиано отличались от своих великодержавных коллег лишь меньшим масштабом вождельств да большей примесью лукавства в действиях — неизбежным спутником слабого, вынужденного ориентироваться на волю сильных и на соотношение их интересов. Когда началась война, каждое из балканских государств рассчитывало извлечь из нее как можно большую пользу для себя, не отказываясь ни от одного из

ранее сделанных приобретений, несмотря на перспективу новых обширных территориальных приращений.

Существовали три возможности определения Россией судьбы Проливов: непосредственное владение ими, контроль над Проливами и сохранение в Проливах турецкого статус-кво.

В 1915–1917 гг. Российская империя пыталась реализовать первый вариант, в 1945–1946 гг. СССР — второй вариант, на настоящем этапе истории единственно возможным для России является третий.

Очевидно, что в настоящее время наиболее приемлемым для России вариантом является интернационализация Константинополя и Проливов, то есть именно та система, с которой сто лет назад боролась Российская империя. Это позволит уйти от доминирования в Проливах военно-политического блока НАТО. Константинополь вполне мог бы получить статус вольного самоуправяемого города. Это было бы естественно, ведь у Турции и так есть столица — Анкара.

Здесь будет интересно вспомнить вопрос об организации «временного» управления Константинополем, который был поставлен 12 марта 1915 г. памятной запиской М. Палеолога С. Д. Сазонову. План временного управления был построен на принципе соблюдения интересов каждой из держав Антанты.

Памятная записка М. Палеолога исходила из необходимости заранее регулировать порядок управления Константинополем, занятие которого «потребуется столь важных и специальных политических, административных и финансовых мероприятий, что в деле их разрешения нельзя положиться на усмотрение военного начальника одной национальности, каковы бы ни были его личные достоинства». Этим устранялась единоличная военная власть представителя как России, так и Англии, осуществлявших Дарданелльскую и Босфорскую операции.

Каждая из держав имела право назначить по одному верховному гражданскому комиссару, которым надлежит действовать «по соглашению с военным командованием».

Ответ С. Д. Сазонова, с одной стороны, внес план разграничения зон военной оккупации Константинополя, а с другой стороны, предлагал, чтобы «военная власть в Константинополе была временно вверена старшему в чине из командующих оккупационными армиями трех союзников, при котором учрежден временный совет, состоящий из комиссаров трех союзных держав, которому было бы поручено гражданское управление городом».

Роль, отводимая в ответе С. Д. Сазонова военному коменданту города

Константинополя, не оставляет сомнений в том, что он имел при этом в виду не англичанина или француза, а русского. На это указывает, в частности, та квалификация, которая должна была обеспечить тому или иному из военачальников первенствующее место, то есть старшинство в чине, а не реальная величина его отряда или положение, занимаемое данным лицом в командовании всей операцией.

Вне города план разграничения зон военной оккупации предоставлял России оба берега Босфора — от Черного моря до Ортакей и Кузгунджука включительно.

Но мысль о «подчинении верховных комиссаров генералу, принадлежащему к той или другой союзной национальности», была отвергнута как противоречащая принципу соблюдения равенства между тремя державами в течение всего периода с момента оккупации до заключения мирного договора. В дальнейшем С. Д. Сазонов внес еще предложения. Во-первых, он предлагал учреждение при верховных комиссарах пяти департаментов (внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения и вакуфов) с подчинением совету верховных комиссаров и назначением их начальников «из числа иностранцев, служивших в Турции, или туземцев, внушающих необходимое доверие», причем под туземцами подразумевались не только турки, а также армяне и т. д. Во-вторых, им предусматривалась реорганизация муниципального совета «на основе справедливого представительства христиан» с подчинением его совету верховных комиссаров. В-третьих, налоги и пошлины будут взиматься по мере возможности сообразно с действующими правилами раскладки и распределения.

Возможно, в модифицированном виде проект интернационализации Константинополя и Проливов можно было бы применить на современном историческом этапе — интернационализации под контролем великих держав с особым статусом России — черноморской и великой державы. Да и самой Турции, раздираемой проблемами и противоречиями, все тяжелее единолично контролировать судьбу стратегического региона Европы.

Наша страна многократно не смогла решить турецкий вопрос и проблему Проливов, были упущены соответствующие шансы при Петре I, Екатерине Великой, Александре II.

Мягкотелость последнего русского императора, не сумевшего сцементировать разность подходов и политику МИДа и Ставки, не позволила реализовать Босфорскую операцию. Стратегическая слепота привела к утрате балканских союзников, вступление которых в войну было ключом к Босфору, и бороться было нужно не за город Бургас, а за всю

Болгарию, не против, а за совместную операцию с единовѣрцами-греками. Важно было не кто вступит в Константинополь, а кто там останется. Ничего этого не увидели или не захотели увидеть.

Стратегическая слепота теперь уже советского военно-политического руководства позволила Турции, де-факто союзнику гитлеровской Германии, благополучно выйти из Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции. Не использовав по назначению в 1943–1945 гг. свой Закавказский фронт, СССР в очередной раз упустил возможность решить вопрос Проливов.

Исторически Константинополь должен контролироваться Россией, но принадлежать Греции. И наши партнеры на Балканах это понимают. Когда автор этих строк присутствовал на конференции, посвященной Балканскому фронту Первой мировой войны на острове Лемнос в сентябре 2014 г., один из греческих участников конференции произнес следующие знаменательные слова: «Сейчас внимание всего мира приковано к Донбассу. Но важно не это, а то, как будет поделена Турция. От того, как будет решена судьба Проливов, зависит центр силы в Европе. Но Греция сможет решить этот вопрос только при поддержке Великой России». И это факт.

Конечно, от желаний до их воплощения в жизнь — огромная дистанция. Сейчас очевидны попытки пересмотра итогов не только Второй, но и Первой мировых войн.

Наша страна дважды упустила благоприятную возможность решить вопрос о Проливах — в 1915–1917 гг. и в 1943–1945 гг. Сто лет назад не получилось, а что будет завтра — покажет история, участниками которой мы являемся.

Примечания

Учитывая геополитическую значимость Босфора и Дарданелл, наименование Проливы очень часто пишется с заглавной буквы — и мы последуем этой традиции.

Традиционно будем именовать его Константинополем.

Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. — М., 1991. С.9.

Там же. С. 13.

Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. — М., 1991. С. 152.

Здесь и далее по тексту стиль новый.

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. — М.; Л., 1952. С. 431–432.

Брукс М. Нефть и внешняя политика. — М., 1949. С. 29.

Эйдус Я. Т. Жидкое топливо и война. — М.-Л., 1943. С. 74.

Китченер Г. Г., граф, генерал-фельдмаршал британской армии, статс-секретарь по военным делам (военный министр). К весне 1915 г. британцам стало ясно, что одиннадцати регулярных пехотных дивизий для участия в Первой мировой войне недостаточно, поэтому в 1915 г. Г. Китченер, заняв должность военного министра, объявил о призыве «100 000 добровольцев». Он сосредоточился на формировании добровольческих батальонов, которые придавались регулярным полевым полкам. Войска формирования 1915 г. и были названы «Новой армией» Китченера.

Александретта (тур. Искандерун) — портовый город в Аданском вилайете, у залива на границе Сирии и Малой Азии.

Керсновский А.А. Мировая война (краткий очерк). Упущенные возможности. — Белград, 1939. С. 198.

Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. — М.; Л., 1927. С. 50.

Татарченко Е. И. Воздушный флот Британской империи. — М.: Военный вестник, 1923. С. 16.

Вильсон Х. Линкоры в бою 1914–1918. — М., 2002. С. 303.

Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. — М., 1974. С. 16.

Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. — М., 1974. С. 18.

Лукин В. К. Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. — СПб., 2008. С. 132.

Новиков Н. В. Бой Черноморского флота с Гебеном у Босфора // Морской сборник. — 1935. № 9. С. 108.

Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах. — М., 1937. С. 44.

Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах. — М., 1937. С. 45.

Лукин В. К. Указ. соч. С. 112.

Проектная скорость — 28 узлов, фактически из-за неполадок в котлах корабль развивал скорость 24–26 узлов, однако и это было больше, чем развивали наши крейсера и линейные корабли (16 узлов у старых линкоров), против 12 152-мм орудий нашего додредноута противник имел бы те же 12 150-мм орудий и главный калибр — 10 280-мм орудий в пяти 2-орудийных башнях против четырех 305-мм и четырех 203-мм орудий у корабля типа «Евстафий».

Военно-морской энциклопедический словарь / Под ред.
В. Куроедова. — М., 2003. С. 734.

Грибовский В. Ю. Черноморский флот в боях с «Гебеном» // Гангут. — 1996. № 10. С. 27–28.

Лукин В. К. Указ. соч. С. 58–59.

Кузнецов Л.А. Евстафий // Гангут. — 1996. № 10. С. 70.

Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер «Аскольд» // Морская коллекция. — 1996. № 1. С. 28.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.Д. 502 (1) — Копия телеграммы Данилова от 16 мая 1915 г. № 687 Беляеву.

Там же. Л. 1.

Там же. Л. 12. Телеграмма № 2404; Там же. Л. 3. Телеграмма Верховного Главнокомандующего Императору Николаю о сосредоточении от 17 мая.

Там же. Л. 6.

Там же. Л. 7.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.Д. 502 (1) — Копия телеграммы Данилова от 16 мая 1915 г. № 687 Беляеву. Л. 8.

Там же. Л. 9–10.

Там же. Л. 12.

Там же. Л. 15. Телеграмма начальнику военно-морского Управления Ставки № 2553.

Там же. Л. 16.

Телеграмма начальнику военно-морского Управления Ставки № 2553.
Л. 55.

Там же. Л. 29.

Там же. Л. 65.

Т. Делькассе еще раз высказал надежду союзников, что Россия будет участвовать в операции против Проливов и Константинополя не только Черноморским флотом, но и сухопутными войсками.

Выдержки из Дневника кап. 2 ранга Апрелева // Зарубежный морской сборник. — Пильзень. 1930. № 11. С. 9–10.

Лукин В. К. Указ. соч. С. 133.

Генерал-лейтенант Н. М. Истомин — командир 5-го Кавказского армейского корпуса.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.Д. 501 (1).

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1.Д. 502 (3).

Там же. Л. 142.

Там же. Л. 143.

Там же. Л. 128.

Лукин В. К. Указ. соч. С. 134.

Лукин В. К. Указ. соч. С. 115–123.

Лукин В. К. Указ. соч. С. 137.

Задачи, поставленные морским батальонам, намечались следующие: 1) занятие босфорских укреплений; 2) занятие константинопольского порта и его подвижных средств; 3) занятие города Константинополя и его набережных.

Вильсон Х. Указ. соч. С. 301.

Айрапетов О. Колчак у ворот Цареграда // Родина. — 2004. № 9.С. 23.

Бубнов А. Д. В царской Ставке. — М., 2008. С. 202.

Н. Н. Универсальное вспомогательное судно «Эльпидифор» // Морской сборник. — 1920. № 1–3. С. 73.

Бубнов А. Д. Указ. соч. С. 193.

Наставление для производства десантной операции // Зарубежный морской сборник. — Пильзень. 1930. № 11. С. 42–79.

Керсновский А. А. Мировая война (краткий очерк). Упущенные возможности. — Белград, 1939. С. 198.

Бубнов А. Д. Указ. соч. С. 190.